
Министерство образования и науки
Российской Федерации

ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»

ВЫПУСК 6-7
2017

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Севастополь
СевГУ
2017

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П. И. Артюх, д-р полит. наук, профессор; **Ю. А. Бабинов**, д-р филос. наук, профессор;
Е. Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент; **А. А. Ирхин**, д-р полит. наук, доцент; **А. В. Казначеев**, д-р
ист. наук, профессор; **М. Н. Козлов** (редактор отдела исторических наук), д-р ист. наук, профессор;
М. С. Колесов, д-р филос. наук, профессор; **А. В. Миронов** (редактор отдела философских наук), д-р
филос. наук, доцент; **Д. Г. Сидорук**, д-р ист. наук, профессор; **Е. В. Скребец** (редактор отдела
политических наук), д-р полит. наук, доцент; **А. А. Чемшит**, д-р полит. наук, профессор

Полные тексты Сборника размещены в Научной Электронной Библиотеке – **eLIBRARY.RU**
(РИНЦ): <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=58369>

Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во
П18 образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ.
ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: П. И. Артюх [и др.]. — Вып. 6-7. — Севастополь :
СевГУ, 2017. — 142 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия. Текущий выпуск содержит работы по социальной философии и историософии, истории и краеведению, исследуется политический процесс.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437

СОДЕРЖАНИЕ

История. Историософия

Дмитриева В. В. К вопросу о заселении Новороссийского края в конце XVIII – начале XIX вв.....	5
Старичёнок В. В. Проблема интерпретации истории ОУН и УПА: между мифами и реальностью.....	10
Кузьмина А. В. Роль духовенства на воинском служении.....	15
Тихомирова М. А. Греческий проект Екатерины Великой и Григория Потемкина: причины, неудачи и влияние на последующие события.....	20
Ракачев В. Н. Переселение жителей Краснодарского и Ставропольского краев в Крым и на Северный Кавказ в 1940-е гг. в ходе реализации программы компенсационной миграции	25
Матросов В. А. О логике истории: станет ли Русское море Американским?	30
Кондорский Б. М. Сравнительно-исторические предпосылки российских революций	35
Шимберева Е. В. Символический язык ономастики греческого проекта Екатерины Великой и Григория Потемкина ..	41
Ландик Л. П. Влияние Православной Церкви на культуру Донецкой области (1988-2004 гг.)	46

Политическая динамика

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования	51
Скребец Е. В. Идеи самоорганизации как основа новых подходов к политическому управлению интеграционными процессами	62
Дегтерев Д. А. Многовекторность внешней политики европейских и закавказских стран-членов СНГ и Грузии: анализ членства в международных организациях и голосования в ГА ООН в 1992-2016 гг.....	67
Сенцов А. Э. Формирование национальной идентичности: причины кризисных явлений.....	73

Краеведение

Бойцова Е. Е., Левченко Е. В.

Спасение севастопольских музейных коллекций в годы Великой Отечественной войны 79

Коваленко В. В.

Дмитрий Андреевич Доможиров – капитан над севастопольским портом 89

Неделькин Е. В.

Село Черноречье (Чоргунь) во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-экономический аспект 96

Щендрикова С. П.

Театральная жизнь Севастополя в период революций и гражданской войны 102

Смирнова Т. В.

Образ Григория Потемкина, Светлейшего покровителя Тавриды, в творчестве мастеров екатерининской эпохи 107

Рыбак И. В.

Особенности установления советской власти в Севастополе и Крыму 113

Юрченко В. С.

Депутатский корпус севастопольского горсовета в 1921-1925 годах 118

Социальная философия

Панищев А. Л.

Концепция «Москва – Третий Рим» в политике России в странах Черноморско-Средиземноморского региона 124

Филатов А. С.

Революционный тупик цивилизационного распутия России..... 129

Дерюгин П. П., Баруздин И. А., Сивоконь М. В., Курапов С. В.

Сетевая диагностика интегративных процессов в системе ценностей 137

УДК 908.1

Рассматриваются особенности процесса заселения и хозяйственного освоения Новороссийского края в конце XVIII – начале XIX вв. христианским населением из Крыма, выходцами из Османской империи, Центральной Европы. Анализируется роль иностранных колонистов в развитии края в указанный период.

Ключевые слова: заселение, хозяйственное освоение, крымские христиане, иностранные колонисты, Новороссийский край.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Среди государственных деятелей Российской империи личность светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина, получившего за успехи при присоединении Крыма приставку к своему титулу «князь Таврический», выделяется особенно ярко. Мы знаем Потёмкина как основателя Новороссийского края и Таврической области.

Для России присоединение земель Северного Причерноморья имело важное значение, так как империя получила морскую границу большой протяженности – от Кубани до устья Дуная. Это способствовало развитию внешней торговли и укреплению государственных границ. Также Северное Причерноморье на рубеже XVIII – XIX веков стало центром притяжения многочисленных переселенцев, как из внутренних губерний страны, так и из-за границы.

Одной из групп, поселенных на «колонистских» землях в Северном Причерноморье были выходцы из Османской империи. Это были представители неполноправных христианских народов (райя): болгары, греки, армяне, гагаузы, молдаване, сербы и др. Во время русско-турецких войн многие из них сражались на стороне России. По окончании войн они остались на землях Российской империи и составили поселенные войска: Балаклавский греческий батальон, Бугский полк и т.д.

Российское правительство, заинтересованное в хозяйственном освоении Новороссийского края, предоставляло выходцам из-за границы разные льготы. При этом кто-то из переселившихся приписывались к городам в качестве мещан и купцов, другие создавали компактные постоянные поселения в сельской местности, так называемые, колонии и трудились на земле. Хотя переселенцы принимали русское подданство, за ними все равно закреплялось название «иностранные колонисты», поскольку они отличались от окружающего их населения по языку, религии, быту.

Одними из наиболее крупных колоний задунайских поселенцев были сложившиеся в Буджаке, в дальнейшем, по преобладающей национальности, они стали называться болгарскими. Самые масштабные переселения балканских славян из-за Дуная в Буджак происходили во время русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. Невзирая на свой пестрый национальный состав, задунайские переселенцы отличались большой сплоченностью. Балканских эмигрантов оформили как «иностранных колонистов» специальным указом, в подготовке которого принял активное участие декабрист А. П. Юшневский. Впоследствии они заручились поддержкой главного попечителя о колонистах южного края России И. Н. Инзова, который имел большой авторитет у балканских эмигрантов. Согласно указу от 29 декабря 1819 г. задунайские переселенцы получили «все права и преимущества, пожалованные иностранцам, под наименованием колонистов в Новороссийских губерниях и в Бессарабии поселенных» [1, с.113]. Каждой семье отводилось по 60 десятин казенной земли; кроме того, каждый колонист имел право покупать у помещиков земли и владеть ими как своей собственностью: строить на них фабрики, торговать, переходить в другие сословия. Также задунайские переселенцы освобождались, как и все «иностранные колонисты», от воинской повинности и гражданской службы [2, с.317 - 318]. Территория **КОЛОНИЙ** составила 557 тысяч десятин, а

численность населения «болгарских» колоний к 1821 г. насчитывала 38 026 человек обоего пола [2, с.319].

Отметим, что не все эмигранты из Османской империи прибывали в Россию из-за Дуная, были группы, особенно из отдаленных районов Балканского полуострова или из Анатолии, которые добирались до Новороссии по морскому пути – через Одессу, Керчь, Евпаторию и другие порты. В составе таких переселенцев было много греков. Они с момента своего прибытия в новороссийские губернии получали права колонистов. Им предоставлялись земли, денежные ссуды и соответствующие данному сословию привилегии.

Колонии выходцев с Балкан на территории Новороссии представляли собой единичные населенные пункты, и только иногда – группу деревень, из которых формировался колонистский округ. В 1801 – 1806 гг. на территории Херсонской и Таврической губерний возникли колонии, где проживали преимущественно болгары и греки: Парканы (левый берег Днестра), Катаржина (на реке Куяльник), Большой и Малый Буялык, Кубанка (к северу от Одессы, впоследствии были объединены в Буялыкский округ), Терновка (на реке Ингул). Остальные колонисты были поселены на Крымском полуострове: Балтачокрак (по дороге из Симферополя в Бахчисарай), Старый Крым и Кишлав (близ Феодосии). В 1821 г. население этих колоний составляло небольшую численность: 8575 человек [2, с. 318].

Первых жителей села Парканы в документах называют молдаванами, видимо, потому что они переселились из Молдавии, переправившись через Днестр. На самом деле это были представители разных национальностей, особенно много среди них было болгар. Инициатива выделить земли группе переселенцев из Молдавии в урочище Парканы принадлежала Ришелье. Он знал, что здесь находится заброшенная роща тутовых деревьев, а жители Дунайских княжеств были известны как опытные шелководы. С 1805 г. из Молдавии сюда переселилось 24 семьи, а к 1808 г. в Парканах насчитывалось уже 59 семей шелководов, чтобы поддержать материально их включили в сословие «иностраннных колонистов», что обеспечивало им соответствующие льготы и пособия.

В селах, объединенных в Буялыкский округ, был пестрый этнический состав: здесь жили греки, болгары, молдаване, гагаузы, армяне, цыгане и др. В Старом Крыму и Кишлаве большую часть переселенцев составляли болгары. Балтачокрак в ведомостях 1820 – 1821 гг. записан как греческая колония. В дальнейшем значительная большая часть греков переселилась оттуда в города Крыма. А число болгар, наоборот, увеличилось за счет задунайских выходцев, приходящих на земли Новороссии и попадающих в Крым.

Сербы, приехавшие из отдаленных частей Османской империи, основали два самостоятельных поселения в Херсонской губернии. Одно из них состояло из приехавших в 1804 г. в Одессу 22 семей во главе с сердаром М. Никшичем и обер-воеводой И. Тиоти. Зная, что прибывшие занимали у себя на родине высокое положение, российское правительство выделило им на реке Балайчуке по 150 – 500 десятин на семью. Поселение «Никшичей» стало называться «колонией славяно-сербских поселян». Вторая группа поселенцев составила колонию «Цетин», в ней насчитывалось 16 семей, которые прибыли в 1815 г. из Черногории. Жители Цетина получили намного меньше земли – по 65 десятин на семью. Обе группы были освобождены на время от уплаты податей, как и все другие колонисты края [7, с.225 - 227].

Особую группу населения, которая не всегда называла себя колонистами, составляли «мариупольские греки». Они были переселены из Крыма на территорию Новороссийского края вместе с другим христианским населением в 1778 г. Исследователи до сих пор спорят о том, кому первому пришла в голову мысль о переселении христиан из Крыма. По мнению Г. И. Тимошевского, А. И. Маркевичу – митрополиту Игнатию или христианам Крыма в целом (в этом случае Игнатий воспринимался как исполнитель воли народа). Сторонники второй точки зрения склонны считать, что идея вывода христиан принадлежала: а) Екатерине II (Е. А. Загоровский), б) Екатерине II и Г. А. Потёмкину (П. И. Лаврич), в) Г. А. Потёмкину (Н. Н. Мурзакевич). Существует также мнение, что митрополит Игнатий и русское правительство действовали совместно.

Историки выдвигают различные версии и о том, где изначально было отведено место для переселения крымских греков: а) вверх по Днепру, в районе Берислава; б) земли по реке Солоной и на берегу Азовского моря. Греки-купцы должны были быть поселены в городах Екатеринославе и Мариуполе (был в проекте специально для поселения греков на реке Волчьей, позже переименован в Павлоград), земледельцы – по реке Солоной. Решение поселить купцов, ремесленников и земледельцев в разных местах стало главной причиной того, что греки стали требовать других земель для поселения. 29 сентября 1779 г. Г. А. Потёмкин утвердил земли для поселения христиан в Кальмиусской паланке. Этот документ – «ордер Потемкина Черткову» был впервые издан Н. Н. Мурзакевичем в ЗООИД в 1865 г. [4, с.359 - 363].

Длительное пребывание в Крыму и проживание рядом с татарами отразилось на особенностях быта и культуры мариупольских греков: греки-урумы говорили по-татарски, их костюм был похож на татарское платье и т.д. Свои села в Приазовье переселенцы называли, используя названия тех мест в Крыму, откуда они прибыли: Ялта, Гурзуф, Бешев и т.д. Колонисты получили при переселении по 30 десятин на душу, сверх того еще 12 тысяч десятин для выгона и 6 тысяч десятин для рыболовства. Расселившись на новом месте, крымские греки, в прошлом садоводы и виноградари, под воздействием соседних народов научились скотоводству и земледелию.

Вместе с греками Крым оставили и крымские армяне. Армянские колонии были основаны на Днестре – Григориополь и на Дону - Новая Нахичевань.

Свой особый облик имели военизированные поселения греков, которые были основаны в Крыму в конце XVIII в. Балаклавский греческий батальон нес пограничную службу на Черноморском побережье Крыма, принимал участие в русско-турецких войнах, выполнял карантинные функции во время чумы. В 1818 г. в батальоне состояло 1194 человека, остальные вышли в отставку или еще не служили. Начальнику батальона полагалось 240 десятин земли, офицерам – по 60 десятин, рядовым по 20, отставным или еще не служившим – по 10. Но греки не имели положенного им количества десятин земли на Крымском полуострове, поэтому в 1822 г. Балаклавский греческий пехотный батальон получил дополнительно в материковой части Таврической губернии 14 152 десятины [5, с. 229]. Эти земли греки начали сдавать в аренду, а сами продолжали жить в районе Балаклавы и занимались в основном торговлей, рыболовством и сельским хозяйством. С 1820 г. офицеры Балаклавского батальона получили право записываться в первую и вторую купеческую гильдии.

Одесский греческий пехотный батальон, занимавший земли между Сухим Лиманом и рекой Барабой был менее многочисленным. В 1815 г. взрослое мужское население этого батальона состояло из 200 человек. Основная часть батальона - это греки и албанцы, но также в него входили сербы, болгары, русские, поляки, немцы и др. В период войны 1806 – 1812 гг. батальон принимал участие в военных действиях в Бессарабии. Но со временем его военное значение очень сильно уменьшилось. Из-за близкого территориального расположения к Одессе большая часть зажиточных поселенцев стала заниматься торговым предпринимательством. 24 мая 1819 г. Одесский греческий батальон был расформирован, а лица, желающие продолжить службу, были переведены в Балаклаву. Те греки, которые после расформирования батальона, остались под Одессой, основали село Александровка, перешли из военного ведомства в гражданское и сохранили за собой земли, которые были отведены им «в вечное и потомственное их владение без платежа в казну пошлины» [1, с.120]. Офицеры при этом получили от 80 до 300 десятин (в зависимости от воинского звания), рядовые по 60 десятин. Кроме этого они были освобождены от несения повинностей и выплаты податей.

А. Шмидт, который обследовал Херсонскую губернию в середине XIX в., выделил «военное водворение греков» в особую территориальную и хозяйственную единицу. Он записал: «...льготы, которыми пользуется греческое население в с. Александровка, еще по настоящее время, большие, чем для каких-либо других выходцев» [3, с.543]. Следовательно, греки, жившие в Балаклаве и под Одессой, фактически находились на положении колонистов, хотя и не состояли в учетных записях колонистской администрации.

К группе переселенцев, вышедших из Османской империи, относятся и ногайцы, они были в иных отношениях с российским правительством, чем болгары, греки, армяне и другие христианские подданные султана; их положение отчасти совпадало, но в то же время по ряду параметров отличалось от положения «иностранных колонистов».

В литературе ногайцы часто упоминаются под термином «крымские татары». Но с этнической точки зрения и по уровню развития социально-экономических отношений ногайцы значительно отличались от татар. В начале XIX в. они продолжали вести кочевой образ жизни, сохраняли пережитки родоплеменного строя. Ногайцы занимали зависимое положение в составе Османской империи, их использовали как основную ударную силу против России во время русско-турецких войн. Русское правительство было прекрасно осведомлено о противоречиях между ногайцами, с одной стороны, татарами и турками – с другой. В период русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. значительная часть ногайцев под влиянием агитации, проводившейся русским командованием в Очаковской области и Буджаке, вступила в союз с Россией. Ногайцам были отведены 353 тысячи десятин земли, вдоль Азовского моря между устьями рек Берда и Молочные Воды и доходившие на северо-западе до реки Токмак.

Описав положение народов, переселяющихся из Османской империи на территорию Новороссийского края, мы можем сделать вывод, что события внешней политики влияли на заселение края, определяя количественный, национальный состав зарубежных иммигрантов. Задунайские переселенцы смогли добиться для себя статуса иностранных колонистов; ногайцы же, имевшие

изначально колониетские права, сделали затем государственными крестьянами, фактически сохраняя свои прежние социальные отношения.

Отдельную группу переселенцев на земли Новороссийского края составляли выходцы из Центральной Европы – из Германии, Австрии, Польши, Голландии, Швейцарии. Ещё в XVI в. в результате победы умеренного течения в Реформации началось массовое бегство крестьян и ремесленников из германских государств. Религиозные верования большей части сектантов, принявшие в условиях европейской реакции более умеренный характер, окончательно оформились под влиянием голландского проповедника Симона Менно, последователи которого стали называть себя «меннонитами» [1, с.126]. В Россию меннониты начали прибывать с конца XVIII в. Царское правительство особо им покровительствовало, так как в основном это были добропорядочные зажиточные хозяева. Изначально им отделили земли по Днепру, а затем оттуда стали переселять в район реки Молочные Воды. В 1804 – 1805 гг. здесь было основано 17 меннонитских деревень, а в 1806 – 1822 гг. – ещё 16. Скорее всего, это были некрупные населенные пункты, так как на 1818 г. по всей Новороссии численность меннонитов не превышала 958 семей (включавших 2811 мужчин) [9, л.4 об.].

Заключение мирного договора между Россией и Турцией в 1812 г. имело важное значение не только для задунайских переселенцев, но и для выходцев из стран Центральной Европы. Степной Буджак был чрезвычайно мало заселен, поэтому русское правительство решило в обстановке незаконченной войны с Наполеоном срочно направить туда как можно больше переселенцев и оказать им материальную поддержку. В 1813 г. колонисты из Варшавского герцогства, которые хотели переселиться в Россию, могли рассчитывать на получение пособия из казны после прибытия на место. В это же время был издан манифест с перечислением прав и привилегий колонистов: они освобождались от всех податей и земских повинностей сроком на 10 лет. Неимущие семейства могли получить от казны 270 руб. и даже больше, с обязательством выплатить эту сумму в течение 10 лет. Кроме того, всем колонистам назначались кормовые деньги по 5 коп. в день до первого урожая хлеба. Переселенцы также освобождались от рекрутского набора и постоя, им гарантировалась свобода вероисповедания. Каждое полное семейство получало по 60 десятин земли от государства в вечное и потомственное владение [8, с.185 - 186].

Немецкие эмигранты с удовольствием приняли предложение русского правительства и стали переселяться из Варшавского герцогства в Буджак. Вместе с немцами стали переселяться поляки, так формируются колонии «варшавских переселенцев», которые затем по преобладающей национальности стали называться «немецкими». Изначально колонистов насчитывалось 1743 семьи (приблизительно 8 тыс. человек) [6, с.206].

После окончания наполеоновских войн из Южной Германии в Россию начали приезжать новые переселенцы. С января 1816 г. по июль 1817 г. в Россию прибыло более 10 тысяч мужчин и женщин. В основном это были хилиасты – приверженцы вероучения о наступлении тысячелетнего царства на земле, за которым должна последовать райская жизнь на небе. Хилиасты хотели попасть на Кавказ, чтобы быть поближе к Палестине, где согласно их вероучению, скоро должен был появиться Христос.

Во время переезда через Австрию, Турцию, плывя по Дунаю число беженцев резко сокращалось из-за недостатка пищи и нездоровой местности вдоль Дуная. Но самые большие трудности выпадали на долю тех переселенцев, которых в дороге застигали холода. Обнищавшие немцы-хилиасты не добрались до Кавказа и тем более до Палестины, часть из них поселилась в Буджаке, основав недалеко от колонии варшавских переселенцев новую колонию – Теплиц. Другие частично поселились на левом берегу Днестра, частично на Молочных Водах. И в том, и в другом случае их подселяли к уже жившим в этих местах колонистам, у которых они в первые годы работали по найму. Особенно большими по численности были колонии в Буджаке и в Приазовье на реке Молочные Воды. По левому берегу этой реки были расположены села «меннонитов», по правому – «колонистов». При этом во всех официальных документах проводится четкая грань между этими двумя группами населения, в соответствии с национальными, религиозными, материальными и культурными особенностями каждой из них. Меннонитские колонии были представлены голландцами, немцами и детьми от смешанных браков. «Колонисты» были населены немцами, поляками, венграми, по вероисповеданию они были католиками и лютеранами.

Также колонисты переселялись из Швейцарии, они прибывали в Россию из франкоязычных и немецкоязычных кантонов. Выходцы из последних часто объединялись с переселенцами из германских государств и составляли общие поселения. Но были случаи, когда создавались колонии, в которых проживало исключительно швейцарское население. В Крыму, например, было основано село Цюрихаль, название которого связано с местом, откуда происходили переселенцы – кантон Цюрих.

Организатором переселения в Россию швейцарских колонистов в 1803 – 1805 гг. был майор московского драгунского полка Ф. Л. Эшер, в прошлом цюрихский купец. Он с разрешения русского

правительства отправился в Швейцарию, чтобы лично организовать набор и переезд переселенцев. В 1805 г. первая часть переселенцев прибыла в Крым. Это было 49 семей, они обосновались в 16 км от Феодосии на реке Индоле. Здесь им пришлось из ремесленников превращаться в земледельцев, многие из них нашли источник дохода – в рубке леса. Со временем Цюрихталь сделался центром особого колониистского округа, в состав которого вошли также Судак, селения Герцберг и Гейльбрунн. В этом округе в 1820 г. насчитывалось уже 145 домохозяйств, из них 79 жило в Цюрихтале [10, л. 9 об.].

На правом берегу Днестра, в Буджаке поселились эмигранты из «французской» Швейцарии. Это были зажиточные виноградари кантона Во. Они были переселены на территорию береговой полосы Днестра в район Аккермана. Земли были выбраны очень удачно, здесь ранее находились виноградники, разведенные греками и армянами. С этим связано название местности - Шабо. К началу XIX в. местность опустела. После присоединения Бессарабии к России эта местность стала заселяться украинцами и молдаванами. Организационные вопросы, связанные с переселением сюда швейцарцев, были поручены главному попечителю колонистов южного края России И. Н. Инзову. Инзов хотел создать два округа швейцарских поселенцев по 53 семейства в каждом [11, л.75-78]. Но на 1825 г. существовало только 14 самостоятельных хозяйств, состоящих из 53 человек [12, л.22]. Местные жители хорошо приняли переселенцев из далекой Швейцарии, что способствовало их быстрому освоению в чужой стране.

Подводя итоги, отметим, что развитие Новороссийского края в конце XVIII - начале XIX в. было связано с пограничным положением, наличием большого фонда незаселенных земель, пёстрым национальным и социальным составом его жителей. В сравнительно короткое время этот регион из неосвоенной степи с редкими кочевьями превратился в крупный промышленный район Российской империи.

Список литературы

1. Дружинина, Е. И. Южная Украина в 1800 – 1825 гг. / Е. И. Дружинина. – М. : Наука, 1970. – 383 с.
2. Клаус, А. А. Наши колонии : Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. А. Клаус. – СПб, 1869. – Вып. 1. – 586 с.
3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния / сост. А. Шмидт. – СПб., 1863. – Т. 24. – Ч. 1. – 559 с.
4. Мурзакевич, Н. Н. Отвод земли грекам, переселенным из Крыма к Азовскому морю / Н.Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества любителей истории и древностей (ЗООИД). – Одесса, 1865. – Т. 4. – С. 359 – 363.
5. Сафронов, С. В. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы / С. В. Сафронов // ЗООИД. – Одесса, 1844. – Т.1. – С. 205 – 238.
6. Свиньин, П. Описание Бессарабской области в 1816 году / П. Свиньин // ЗООИД. – Одесса, 1867. – Т. 6. – С. 175 – 322.
7. Скальковский, А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края / А. А. Скальковский. – Одесса, 1850. – Т. 1. – 364 с.
8. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленного при гражданской съемке Бессарабии производившей по Высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828-й год. – Аккерман, 1899. – 523 с.
9. ЦГИА РФ (Центральный государственный исторический архив Российской Федерации). Ф. 383. Оп. 29. Д. 439. Л. 4 об.
10. ЦГИА РФ. Ф. 383. Оп. 29. Д. 485. Л. 9 об.
11. ЦГИА РФ. Ф. 383. Оп. 29. Д. 490. Л. 75 - 78.
12. ЦГИА РФ. Ф. 383. Оп. 29. Д. 492. Л. 22.

Статья поступила в редакцию 5.05.2017

Dmitrieva, V.V. The question of the settlement of the Novorossiysk territory in the late XVIII – early XIX centuries

The peculiarities of the process of settlement and economic development of the Novorossiysk territory in the late XVIII – early XIX centuries of the Christian population from the Crimea by immigrants from the Ottoman Empire, Central Europe. Examines the role of foreign colonists in the development of the region in this period.

Keywords: settlement, economic development, the Crimean Christians, foreign colonists, the Novorossiysk region.

УДК 94 (477): 7.046.1

Определены причины роста популярности радикального национализма среди украинцев и сопоставлены образы провозглашенных администрацией Виктора Ющенко Героями Украины Романа Шухевича и Степана Бандеры с программными установками и деятельностью организаций, которые они возглавляли. Установлено, что перенесенная на реалии сегодняшней действительности «героика» бандеровского времени в долгосрочной перспективе может повлечь за собой дальнейшую эскалацию насилия в Украине.

Ключевые слова: украинский национализм, ОУН, УПА, Волынская резня, майдан, Владимир Вятрович, фальсификация истории.

В. В. Старичёнок, доцент, канд. ист. наук

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

E-mail: society2004@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ ОУН И УПА: МЕЖДУ МИФАМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

В 2017 г. вышла в свет книга российского историка Александра Дюкова «Ликвидация враждебного элемента», посвященная репрессиям и террору в Восточной Европе в 1930–1940-х гг. Одна из глав книги называется «Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение еврейского вопроса». Она проливает свет на идеологию украинских националистов в предвоенные и военные годы и обстоятельства их репрессивной деятельности. В условиях захлестнувшей Украину волны национализма и героизации лидеров ОУН особенно важно знать то, чем занималась эта организация и кого канонизирует украинская власть. Как быть с теми, для кого стремление к свободе сочеталось с уничтожением гражданского населения, этническими чистками и убийствами инакомыслящих? И не является ли дань уважения к организации, скатившейся к элементарному бандитизму, свидетельством дефицита настоящих героев, которых еще предстоит найти истерзанной и разорванной в клочья Украине?

Расцвет украинского национализма в общественном сознании связывается с событиями 2013–2014 гг., приведшими к смещению президента Украины Виктора Януковича. Однако началось все несколько раньше – с «оранжевой революции» 2004 г. Достаточно быстро стало ясно, что революционная эйфория народа – лишь антураж, за которым скрывается банальное противостояние местных олигархических группировок. В 2004 г. противостояние не переросло в вооруженный конфликт, а степень радикализма была выражена менее ярко, чем сегодня. Однако Виктор Ющенко сделал ряд реверансов в сторону националистического движения, что окрасило будущий майдан в черно-красные цвета бандеровского флага.

Осенью 2007 г. звание Героя Украины было присвоено Роману Шухевичу (1907–1950 гг.) – командиру батальона «Нахтигаль» и сотнику охранной полиции, который в конце 1943 г. стал командующим Украинской повстанческой армией (УПА). При Ющенко стремительную карьеру сделал историк Владимир Вятрович, возглавляющий с 2014 г. Украинский институт национальной памяти. В 2006 г. он издал книгу «Отношение ОУН к евреям», в которой пытался «отчистить» Организацию украинских националистов (ОУН) от обвинений в уничтожении евреев и проигнорировал ряд источников и событий, которые не вписывались в конструируемый им «светлый» образ бойцов за независимость [3, с. 35–37]. Такая трактовка оказалась востребованной властью, и в 2008 г. Вятрович стал советником председателя Службы безопасности Украины (СБУ), а в конце года – начальником отраслевого государственного архива СБУ, где продолжил информационно-пропагандистскую деятельность «во благо Родины». При Януковиче Вятрович предпочел не «светиться» и уехал в США, где некоторое время проработал в Украинском научном институте при Гарвардском университете [13].

В начале 2010 г. Ющенко присвоил звание Героя Украины еще одному одиозному деятелю национального движения – лидеру ОУН (Б) Степану Бандере (1909–1959 гг.). 1 января 2011 г. в первый день Нового года в украинских городах прошли массовые акции неонацистов, приуроченные к 102-й годовщине со дня рождения Бандеры. Лидер Всеукраинского объединения «Свобода» Олег Тягнибок встретил этот юбилей в Ивано-Франковске, где объявил о том, что на Украине «грядет революция», а совершить ее должно «нынешнее поколение» [11].

Пришедший к власти в феврале 2010 г. Янукович, вдобавок к экономическим проблемам, которые оказался не в состоянии решить, получил набор утвержденных на государственном уровне «героев»,

вызывавших далеко не однозначную оценку историков. В условиях роста социально-экономических проблем эти «герои» оказались для отчаявшегося украинского народа тем ориентиром, который указывал хоть какой-то путь к борьбе за национальное благополучие. Чем хуже становилось положение народа, тем больше людей видело выход в радикальном национализме, сочетая его с либеральной утопией и надеждами на жизнь «как в Европе».

В 1967 г. один из лидеров ОУН (Б) и заместитель Бандеры Ярослав Стецко (1912–1986 гг.), вспоминая об июне 1941 г., написал следующие строчки: «Я лично при каждом удобном случае в каждом селе или местечке, через которое мы проезжали, обращал внимание, чтобы не поддаваться немецким провокациям ни на какие антиеврейские или антипольские эксцессы. Это на совесть было исполнено нашим активом». Возможно, что-то подобное он когда-то и сказал. Однако летом 1941 г. в «Автобиографии» им было написано совершенно другое: «Москва и жидовство – главные враги Украины... Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации жидов, исключая их ассимиляцию» [3, с. 24, 33, 79–80].

Несомненно, «Ярослав послевоенный» вводит общественность в заблуждение относительно «Ярослава военного» и пытается обелить себя и своих соратников. Достаточно в этой связи вспомнить лозунг ОУН, выдвинутый осенью 1941 г.: «Да здравствует независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляки за Сан, немцы в Берлин, евреи на крюк!» [3, с. 37]. Так что Ярослав почти все вспомнил правильно. На крюк бандеровцы могли повесить и без немцев, – тем более что антисемитская и антипольская пропаганда занимала прочное место в оуновской публицистике довоенного времени. Кому об этом было не знать как не Стецко, который в начале Великой Отечественной создавал милицию для «устранения жидов»? [3, с. 47].

Особый интерес представляет составленная в мае 1941 г. инструкция ОУН (Б) «Борьба и деятельность ОУН во время войны», в которой «москаль, поляк и жиды» обозначены в качестве враждебных народов. Приведем выдержки из этого документа: «Уничтожать, прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допустить ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ и т.д. ... Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажа, тем более москалей и поляков. Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним нашего милиционера и ликвидировать за малейшую провинность... Ассимиляция жидов исключается»; «Во время хаоса и смятения можно позволить себе ликвидацию нежелательных польских, московских и жидовских активистов, особенно сторонников большевистско-московского империализма» [3, с. 70–71].

А вот выдержка из приказа одного из местных руководителей ОУН «Левко» от 1 августа 1941 г.:

«9. Запрещается с жидами здороваться и подавать им руку.

10. Запрещается продавать жидам и полякам пищу, следует бойкотировать тех, кто не выполняет этого указания» [3, с. 98].

В общем, перед нами обыкновенный фашизм, но с украинским провинциальным окрасом.

30 июня 1941 г. во Львов вошел батальон «Нахтигаль» и походная группа Стецко, провозгласившая создание Украинского государства. Убегая из Львова, сотрудники НКВД расстреляли заключенных, арестованных накануне за участие в антисоветском движении. Узнав об этом, местные националисты выместили злобу на проживавших в городе евреях; имеются документальные подтверждения тому, что евреев убивали украинцы из батальона «Нахтигаль». Тогда же в город прибыли части немецкой айнзацгруппы «Б», которые с украинцами зачищали «чужеродный элемент». В результате за несколько дней было уничтожено более четырех тысяч львовских евреев [3, с. 86–90].

Аналогичным образом развивались события в других украинских городах и деревнях. Очевидцы свидетельствуют, что в Злочеве Львовской области 3 июля 1941 г. военнослужащие дивизии СС «Викинг» вместе с украинской милицией уничтожили 3,5 тысячи мирных жителей. Летом 1941 г. еврейские погромы состоялись как минимум в 143 населенных пунктах [3, с. 94]. В общей сложности из-за деятельности ОУН в Западной Украине погибло порядка 35 тысяч евреев [13].

С августа 1941 г. отношения ОУН (Б) с Третьим рейхом стали обостряться. Немцам не нравилось чрезмерное стремление бандеровцев к самостоятельности и их соперничество с другой фракцией организации, возглавляемой Андреем Мельником (1890–1964 гг.). В сентябре 1941 г. гитлеровцы свернули сотрудничество с ОУН (Б) и издали директиву об аресте ее руководителей. В ноябре 1941 г. айнзацкоманда «С-5» издала приказ о тайных расстрелах бандеровцев [3, с. 105]. А в сентябре 1942 г. во Львове немцы расстреляли демонстрацию «самостийников», участники которой выступали за «Украину без немцев» (двадцать человек было убито) [12, с. 459]. Однако часть оуновцев продолжила

сотрудничество с нацистами и, влившись в полицейские формирования, стала работать на два фронта. Но у них уже была другая задача. Они готовились к «восстанию против немецких оккупантов», о котором было сказано на III Конференции ОУН (Б) в феврале 1943 г. В марте 1943 г. служившие в полиции члены ОУН ушли в лес, и их вооруженные отряды были преобразованы в УПА. Началась новая фаза борьбы в Украине, – на этот раз без немцев.

Отношение к полякам и евреям осталось тем же. Правда, боёвки УПА посчитали, что тратить силы на истребление евреев нецелесообразно, так как гитлеровцы решали эту задачу и без них. Возможно, поэтому в разработанной в конце 1942 г. «Инструкции о создании украинских вооруженных сил» говорится не об уничтожении евреев, а об их выселении. «Считаться с ними нужно, – написано в Инструкции, – потому что они имеют большое влияние в Англии и Америке (очевидный реверанс в сторону Запада – В.С.)». Аналогичным образом планировалось решить польский вопрос – поляков выселить, а тех, «которые не захотят уезжать – уничтожать» [3, с. 108–109]. В условиях военного времени осуществление «выселения» не представлялось возможным. Это обстоятельство предопределило судьбу поляков и обрекло их на массовое истребление.

В апреле 2017 г. областная рада Волинской области поддержала законопроект, провозгласивший 2017-й год на территории Волыни Годом УПА [5]. На своей страничке в «Фейсбук» 14 апреля 2017 г. Александр Дюков прокомментировал эту новость следующим образом: «Год УПА на Волыни – это как год СС в Освенциме, так же дико и мерзко» [4]. Столь категоричная оценка – отнюдь не прихоть историка, так как польская сторона называет события Волинской резни геноцидом, в результате которого бандеровцами было убито более ста тысяч поляков. Такая формулировка содержится в постановлении польского Сейма от 22 июля 2016 г. «Об установлении 11 июля Днем памяти поляков, жертв геноцида, совершенного ОУН–УПА» [10].

На Волыни ОУН–УПА действовали без оглядки на немцев. Только за весну – лето 1943 г. бандеровцы уничтожили порядка сорока тысяч человек [3, с. 112]. Кульминацией расправы считается 11 июля 1943 г., когда они атаковали сразу 99 населенных пунктов. Лишь когда стало понятно, что война затягивается, а немцы её проиграют, руководство ОУН (Б) скорректировало программу и убрало из неё тезисы о насилии в отношении не-украинцев (это произошло на III Чрезвычайном Великом съезде ОУН (Б) в августе 1943 г.). Однако новые веяния были не в силах изменить устоявшиеся стереотипы и людей, убивавших поляков и евреев. Расправы продолжались.

Послушаем очевидцев: «В ночь на 18 марта [1944 г.] украинские националисты – бандеровцы, учинили массовое убийство поляков в с. Могильницы. Они под видом советских партизан, в масках, врываются в дома поляков и производили самые жестокие издевательства над ними, резали их ножами, рубили топорами детей, разбивали головы, после чего с целью сокрытия своих преступлений – сжигали. В упомянутую ночь бандеровцы замучили, зарезали и расстреляли до 100 чел., советских активистов, евреев и поляков. В эту же ночь была вырезана моя семья – жена, 17-летняя дочь и сын. В мой дом ворвались до 15 националистов, среди которых я опознал... бандеровца Кричковского Иосифа Антоновича, принимавшего непосредственное участие в убийстве моей семьи» [3, с. 121]. Захоронения убитых обнаружили 25 апреля 1944 г., о чем был составлен специальный акт. Тогда же были установлены личности 49 погибших. В числе убитых были шестимесячный мальчик, пятилетняя девочка, дети в возрасте двенадцати (три ребенка), тринадцати (два ребенка), четырнадцати и пятнадцати (по одному ребенку) и шестнадцати (два ребенка) лет [6].

Это не единичный пример неимоверной жестокости бандеровцев, взявших «курс на толерантность». Нужды военного времени лишь заставили несколько терпимее относиться к «полезному» враждебному элементу, например, к врачам или портным. Впрочем, потребность в медицинском персонале и симпатии к другому народу – вещи разные. Едва ли «полезных» считали равноправными, так как многих из них оуновцы ликвидировали как нежелательных свидетелей «подвигов» ОУН–УПА [3, с. 125–129]. Непродолжительным оказался и период конфронтации ОУН с гитлеровцами. В 1944 г. сотрудничество с немцами было возобновлено, а арестованного в 1941 г. Бандеру выпустили на свободу. Есть свидетельство офицера «Абверкоманды-202» З. М. Мюллера о том, что Бандере поручили привлечь украинских националистов к обороне Берлина, и он это сделал, после чего предпочел покинуть столицу Третьего рейха и бежал в Веймар [12, с. 918].

«Отличились» украинские националисты (бандеровцы, мельниковцы, бульбовцы и т.д.) и в Беларуси, на территории которой к лету 1944 г. орудовали их формирования численностью от 12 до 14 тыс. человек [7, с. 9]. Количество совершенных ими в 1944–1946 гг. диверсий впечатляет. Говорится о 2384 диверсиях, в результате которых было убито не менее 1012 человек [1, с. 90]. Однако характер этих диверсий, скорее, свидетельствует о бандитизме и бессмысленной жестокости, чем о борьбе во имя свободы. В освобожденной от гитлеровцев Беларуси они убивали и пытали партийных работников

и красноармейцев, нападали на сельсоветы и райисполкомы, грабили местных жителей, терроризировали население, препятствовали восстановлению инфраструктуры, сжигали мосты и т.д.

Представление о действиях бандеровцев позволяет составить выдержка из спецсообщения секретаря Брестского обкома КП(б)Б М. Н. Тупицына секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко о бандитских выступлениях в области в июне–июле 1945 г.: «В ночь на 29 июля с.г., – пишет М.Н. Тупицын, – в дер. Кошелево... в дом Строка Михаила Демидовича пришли трое одетых в красноармейскую форму, вооруженные автоматами, и предложили... сдать якобы имеющееся у него оружие, а его дочери Надежде, работавшей уполномоченным по займу, сдать деньги и комсомольский билет. Не получив просимого, бандиты автоматной очередью убили Строка Михаила и одиночным выстрелом его дочь Надежду, после чего скрылись. Минут за 15 до убийства Строк эти бандиты зашли в дома только что возвратившихся из армии по инвалидности Клопато Александра и Ткачука Никифора, произвели у них обыск и забрали красноармейское обмундирование. На углу дома Клопато бандиты наклеили антисоветскую листовку Украинской повстанческой армии, изданную в январе 1945 года, предупредив Клопато не срывать ее под страхом смерти» [7, с. 341–315].

Продолжались убийства мирных жителей и после 1946 г. Так, в 1948 г. был убит крестьянин Василий Гордеюк за то, что помог поймать националиста из банды «Ермака». Расправа была учинена не только над ним, но и над членами его семьи: «16 января 1948 года в дом товарища Гордеюка в деревне Закалнечье вошли бандиты, связали всех членов семьи: мать-старуху, жену и троих детей, товарища Гордеюка, вывели на улицу и убили» [7, с. 374]. Подпольную сеть ОУН в Беларуси удалось уничтожить лишь в 1952 г. [1, с. 92]. Это подтверждается справкой МВД БССР от 3 июня 1953 г., в которой констатируется следующее: «Проведенными органами МВД агентурно-оперативными и чекистско-войсковыми операциями в 1944–1952 годах вооруженные банды, входившие в состав Белорусского окружного провода ОУН, действовавшие на территории Белоруссии, ликвидированы. Ликвидировано и руководство окружного, надрайонного и районных проводов... Несмотря на проделанную работу по ликвидации бандитско-террористических групп, на сегодняшний день продолжает еще скрываться 18 бандитов, большинство из которых ранее входило в состав различных банд» [7, с. 450–451].

Бандитскую деятельность УПА в Украине всеми силами стараются заретушировать. На одном из сайтов размещена история ОУН–УПА, где написано следующее: «Во второй половине 40-х лет отделы УПА осуществляют рейды по территориям соседних государств с пропагандистской целью – информирования местного населения о цели борьбы украинских националистов, о войне за свободу и независимость Украинского Государства, за справедливый социальный порядок, а также разоблачения подлинного лица коммунистического режима» [9]. Создатели сайта утверждают, что хотят восполнить недостаток «правдивой информации по теме» [8]. Но о терроризме ОУН и УПА второй половины 1940-х гг. они предпочли умолчать, сделав упор лишь на информационно-пропагандистской деятельности. Тем самым авторы добиваются заявленной цели и улучшают «пострадавший имидж бандеровцев» [8]. Однако делают они это за счет искажения исторической действительности и умалчивания фактов, противоречащих напех состряпанной «героике» бандеровского времени.

Этнические чистки, к которым прибегли националисты в годы Великой Отечественной войны, загнали в угол самих этих националистов. Не сумев скрыться за границу и страшась справедливого наказания, они боялись сдаться советской власти и ответить за содеянное перед законом. Тем самым они обрекли себя на бандитизм и мародерство, которыми занимались и в послевоенные годы. Конечно, такая трактовка не соответствует образу пассионарных героев, сражавшихся с врагами «до последнего». Однако история показывает, что пролитые во имя «идеи» реки крови в конечном итоге оборачиваются против самой идеи. Так, сталинские репрессии до сих пор являются весомым аргументом против советского прошлого. И было бы удивительно, если бы кто-либо предложил повторить пройденный СССР жуткий опыт. Но в современной Украине историю хотят повторить. В массы транслируются лозунги 1930–1940-х гг., напityвая украинский народ той же самой звериной ненавистью, которая в свое время породила массовые убийства обычных людей, оказавшихся обреченными на смерть в «свободной» и «независимой» Украине. На сегодняшний день число пострадавших исчисляется десятками тысяч человек. По подсчетам ООН с апреля 2014 г. по февраль 2017 г. в Украине 9900 человек было убито и 23246 ранено [14].

Книга Дюкова «Ликвидация враждебного элемента» не ограничивается украинской тематикой. В ней есть еще два раздела: о политике советских властей в отношении коллаборационистов и о репрессиях в Эстонии, а также приложение со статьями, опубликованными историком в разное время. Представленные материалы проливают свет на темные пятна истории и позволяют не только удовлетворить перманентный интерес общественности к таким острым и злободневным темам как

репрессии и террор, но и разобраться в том, что происходило на самом деле. Особенно это важно в свете колоссальной заангажированности исторических интерпретаций и частого жонглирования цифрами и фактами, в результате чего фокус истории смещается в сторону политики и идеологии, а политическая конъюнктура начинает диктовать, в каких случаях следует преувеличить масштабы репрессивной деятельности определенных сил, а в каких – их преуменьшить.

Список литературы

1. Валахович, И. Горе от УПА / И. Валахович // Беларуская думка. – 2016. – № 11. – С. 86–92.
2. Григорьев, М. С. Евромайдан / М. С. Григорьев. – М. : Кучково поле, 2014. – 464 с.
3. Дюков, А. Ликвидация враждебного элемента: националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе / А. Дюков. – М. : Издательство «Пятый Рим», 2017. – 544 с.
4. Дюков, А. Facebook. – 2017. – 14 апреля / А. Дюков. – URL : <https://www.facebook.com/alexander.dyukov.9/posts/1446366492069749> (дата обращения : 16.04.2017).
5. Мальцев, В. Вслед за обстрелом консульства Польши на Волыни объявили «Год УПА» / В. Мальцев // LIFE. – 2017. – 13 апреля. – URL : https://life.ru/t/украина/997807/vslied_zh_obstrielom_konsulstva_polshi_na_volynei_obiavili_god_upa (дата обращения : 16.04.2017).
6. О злодеяниях фашистских лакеев-банды украинских националистов-бандеровцев, совершивших над мирными Советскими гражданами польской и украинской национальности, пленными красноармейцами в с. Могильницы Будановского района Тарнопольской области // Деятельность ОУН–УПА. Из документов НКВД–МГБ СССР. Рассекречено в 2008 году / Историко-документальный департамент МИД России. – URL : <http://idd.mid.ru/-/deatel-nost-oun-upa> (дата обращения : 12.05.2017).
7. ОУН–УПА в Беларуси. 1939–1953 гг.: документы и материалы / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. шк., 2012. – 528 с.
8. ОУН–УПА. Введение : сайт. – URL : <http://oun-upa.national.org.ua/ru/intro.html> (дата обращения : 02.05.2017).
9. ОУН–УПА. История : сайт. – URL : <http://oun-upa.national.org.ua/ru/history.html> (дата обращения : 02.05.2017).
10. Сейм: на Волыни вырезали свыше ста тысяч поляков // КорреспондентТ.net. – URL : <http://korrespondent.net/world/3721336-seim-na-volyny-vyrezaly-svyshe-100-tysiach-poliakov> (дата обращения : 16.04.2017).
11. Терентьев, С. «Бандера есть, Бандера будет!» / С. Терентьев // Свободная пресса. – 2011. – 3 января. – URL : <http://svpressa.ru/society/article/36638/> (дата обращения : 16.04.2017).
12. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. – Т. 2.: 1944–1945 / под ред. А.Н. Артизова. – М. : РОССПЭН, 2012. – 1167 с.
13. Cohen, J. The Historian Whitewashing Ukraine's Past / J. Cohen // Foreign Policy. – May 2, 2016. – URL : <http://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (дата обращения : 25.04.2017).
14. Report on Human Rights Situation in Ukraine (16 November 2016 to 15 February 2017) / Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. – URL : http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UARreport17th_RU.pdf (дата обращения : 02.05.2017).

Статья поступила в редакцию 15.05.2017

Starichenok V. V. *The problem of interpretation of the history of OUN and UPA: between mythology and reality*

The article deals with the causes of the popularity of the radical nationalism among Ukrainians. The images of the Roman Schukhevych and Stepan Bandera proclaimed the Heroes of Ukraine by the administration of Viktor Yushenko are compared with the political programmes and activities of their organizations. It has been stated that from a long-perspective point of view the transfer of the “heroic” time of Bandera to a modern situation may lead to the further escalation of violence in Ukraine.

Key words: Ukrainian nationalism, OUN, UPA, Volhynian slaughter, Maidan, Volodymyr Viatrovich, the falsification of history.

Статья повествует о роли духовенства на воинском служении, приводятся основные этапы становления и развития института военного духовенства, рассматриваются примеры подвига священнослужителей в войсках и на флоте в военное и мирное время, подчеркивается значение военного духовенства для укрепления патриотических настроений и морального духа военнослужащих.

Ключевые слова: полковые священники, духовенство, история Крыма, духовенство в войсках, православие.

А. В. Кузьмина, канд. ист. наук

Филиал МГУ в г. Севастополе

E-mail: Sevastopol.anna@gmail.com

РОЛЬ ДУХОВЕНСТВА НА ВОИНСКОМ СЛУЖЕНИИ

История Севастополя содержит множество героических, трагических событий, связанных с военными подвигами и победами русского оружия, прежде всего, военно-морской славы России, однако также именно Севастополь известен как колыбель Христианства, откуда вера Христова распространилась по всей Руси, определив культурный и цивилизационный вектор развития государства на много веков вперед. Поэтому особенно интересно изучить ту роль, которую играло духовенство на воинском служении.

В современной России постепенно возрождается традиция, имеющая глубокие, восходящие к Петровской эпохе, корни - наличия священнослужителей в воинских подразделениях. Как отмечает К. Г. Капков в «Памятной книге российского военного и морского духовенства», к началу 2005 года на постоянной основе в военных частях находилось 950 священнослужителей, символично, столько же их служило в армии и на флоте к началу 1914 года [5].

Следует заметить, что именно Петру I, несмотря на его сложные отношения с церковью, понимавшему всю важность её социального служения и видевшему необходимость консолидации общества всеми способами, и поднятия боевого духа русского воинства, мы обязаны появлению духовенства в штате воинских подразделений. Именным указом Петра Великого от 8 апреля 1719 года на каждом корабле предписывалось иметь по одному иеромонаху для совершения богослужения, обучению словесности, чтению письма, в наставления людям, напутствие больным. Законодательно регулировался двумя главами из петровских «Воинских артикулов»: «О страхе Божии» и «О служении Божии и о священниках», на флоте – морским уставом 1720 года [3, с. 85].

Во время строительства флота в Архангельске неоценимые усилия прилагал епископ Холмогорский Афанасий. Он сам сопровождал царя в его плаваниях по Белому морю, будучи большим знатоком географии (его перу принадлежит описание водных путей из Швеции в Россию). А первые кадры военно-морского духовенства России готовил Александро-Невский монастырь.

Усердно содействовал строительству первых кораблей ВМФ в Воронеже при Петре I святитель Митрофан первый Епископ Воронежский. Он отдавал для строительства все имеющиеся у него деньги, сознавая, что они идут на пользу государству: «Всякий сын Отечества должен посвящать остатки от издержек своих нужде государственной» [7].

При Павле I армейское духовенство было выведено из епархиального подчинения. Первым полевым обер-священником, имеющим широкие полномочия, стал протоиерей Павел Озерцовский. По его инициативе началась подготовка кадров для военного духовенства, была создана особая, армейская духовная семинария, «дабы дети армейского и флотского духовенства, обучающиеся в семинарии, ни в какое другое состояние не поступали, как только в армию на священнические места, и чтобы все они обучались в одной семинарии под одним присмотром» [10].

Служение священника на флоте имело большое значение для поддержания нравственных принципов. Священнослужитель на корабле, прежде всего, был хранителем православных традиций. Каждый корабль благословлялся иконой и посвящался какому-либо святому. Когда на флот приходили новобранцы, их по традиции встречал судовой священник, он же укреплял словом в предстоящих трудах. По окончании срока службы тот же священник напутствовал в предстоящую жизнь, и каждый демобилизованный матрос благословлялся иконой или крестиком.

Военно-морское духовенство из-за своей специфики начало обособляться от епархиального несколько раньше сухопутного. По морскому уставу 1720 года, для отправления службы на суда

назначались иеромонахи, лишь в очень редких случаях лица белого духовенства, преимущественно бездетные либо вдовцы. Это опять же было продиктовано спецификой службы на флоте, длительным пребыванием в море, и прочими трудностями и лишениями, естественно, семья такого флотского священника фактически лишалась существования на время пребывания его на корабле (к слову, и средства, выделявшиеся на содержание флотских батюшек были крайне невелики даже по сравнению со средним доходом приходского священника, что наглядно показывает К. Г. Капков в своей работе) [5, с.40]. Так что добрая традиция назначать на флот давших обет безбрачия и нестяжания иеромонахов прижилась и сохранилась на многие годы. Старший из них, обер- иеромонах, становился «начальным священником» во флоте [9].

Для Севастополя особую роль в снабжении флота духовными наставниками сыграл Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь. 23 марта 1806 года был утвержден штат монастыря с наименованием его флотским.

В Севастопольском государственном архиве, а также в музее Черноморского флота имеются интереснейшие документы, посвященные истории монастыря, города и флота, а также исторические справки.

В частности в Севастопольском государственном архиве, в Фонде 20 хранятся документы, поступившие из Крымского областного архива в 1966 году, среди них:

- переписка с начальником штаба Черноморской береговой линии генерал-лейтенантом Раевским о работе по укреплению берега Черного моря, на котором работали иеромонахи;
- рапорты командиров кораблей, фрегатов о присылке монахов для совершения богослужения перед выходом судов в море;
- сведения о движении судов в различные порты Черного моря и за границу;
- списки кораблей, фрегатов, на которых совершались богослужения;
- списки умерших матросов и нижних чинов на кораблях;
- сведения о смертности матросов от азиатской холеры в 1846-1849 гг.;
- наградные списки иеромонахов;
- сообщение о захоронении адмирала М.П. Лазарева от 29 апреля 1851 г.

Тема истории и роли военного духовенства периодически поднимается в статьях, публикациях, выступлениях на конференциях среди как церковных деятелей, как и светских ученых-историков. Из значимых работ по настоящей проблематике можно отметить труд К. Г. Капкова «Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков», в котором собрано большое количество важных сведений по данному вопросу, и В. М. Коткова «Военное духовенство в России». Кроме того, для изучения данной темы значительную пользу оказывает обращения к материалам периодических изданий, среди которых как специализированные издания и информационные порталы религиозных организаций, так и городская пресса. Для Севастополя это, прежде всего, газета «Флаг Родины», которая имеет как печатную, так и электронную версии, выходит в свет регулярно и часто публикует очерки и статьи по истории города и флота. Однако был у военного духовенства и собственный информационный ресурс и печатный орган (существует он и в настоящий день), о чем стоит сказать подробнее. Это «Вестник военного и морского духовенства».

До «Вестника военного духовенства» печатным органом, освещающим деятельность духовенства, была «Справочная книжка для армейского и флотского духовенства», выходившая с 1881 по 1884 гг. один раз в год. Издавалась она Советом Общества попечения о бедных армейского и флотского ведомств под редакцией бывшего председателя этого общества Б. А. Милютина [1]. «Вестник военного и морского духовенства» же издавался по Ведомству главного священника гвардии, гренадер, армии и флотов, а с 1911 года - это Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства в Петербурге два раза в месяц с января 1890 года по июль революционного 1917 года (последний № 11/12) [1].

По мысли создателей «Вестника», журнал был предназначен для решения целого ряда задач: доводить своевременно до сведения военных священнослужителей указы военного и церковного начальства, освящать деятельность самого военного духовенства, содействовать священникам в решении затруднительных вопросов, отражать деятельность «Общества попечения о бедных военного духовенства», под эгидой которого первоначально и был основан журнал, помогать в преподавании закона Божия, знакомить с историей полковых церквей и деятельностью некоторых особенно отличившихся военных пастырей, а также просто для общения [1].

Редакторами журнала в разное время были протоиереи Иоанн Таранец (1890-1910), Иоанн Морев (1911), Евгений Запольский (1912-1914), Александр Смирнов (1914-1915), Феодор Ласкеев (1915-1917) [4].

Изначально «Вестник военного и морского духовенства» состоял из двух частей – официальной (в ней публиковались указы, постановления, распоряжения, касавшиеся военного духовенства) и неофициальной (в ней помещались проповеди военных священнослужителей, исторические и статистические сведения о церквях военного ведомства, ответы на вопросы и случаи из пастырской практики военного духовенства, воспоминания священнослужителей отличившихся на службе и в сражениях)[4].

12 июня 1890 года было утверждено «Положение об управлении церквями и военным духовенством», которое сохранилось вплоть до 1917 года. Заведование церквями и православным военным духовенством было вверено протопресвитеру военного и морского духовенства. Процедура его назначения была следующей: главнокомандующий войсками Петербургского военного округа просил военного министра с согласия царя ходатайствовать перед Синодом о назначении определенного лица протопресвитером военного духовенства, в силу же решение вступало после утверждения самим императором [9].

В 1888 года приказом по военному ведомству № 45 от 26 ноября учреждалась должность главного священника армий фронта в военное время. Он назначался Синодом и имел двойное подчинение: протопресвитеру — по церковным делам, а также начальнику канцелярии главного начальника снабжений — по военно-административным, кроме того он ведал духовенством, состоящим при войсках, подчиненных главнокомандующему армиями фронта. Одной из причин появления этой должности стало увеличение числа священников во время ведения войн [9]. Так, например, к августу 1914 года, к началу первой мировой войны на службе в русской армии состояло около тысячи священнослужителей, к середине 1915 года их число в войсках доходило до 1800, а к концу войны в составе ведомства протопресвитера армии и флота состояло уже до 700 священнослужителей постоянного состава и еще около 3000 священников, привлеченных из епархий [8]. В то время как к концу 1917 года количество священнослужителей в войсках достигло пяти тысяч при общей численности вооруженных сил 5460955 человек [9].

Следует заметить, что службу в российской армии и на флоте несли не только православные священники, но и духовные лица всех традиционных для Российской империи вероисповеданий. На каждый военный округ приходилось по одному мусульманину, католику и иудею. В российской армии православные генералы и полковники составляли около 85%, оставшиеся 15% принадлежали к иным конфессиям, среди них были преимущественно лютеране, магометане и армяно-грегорианцы. Религиозный состав нижних чинов был таков: православных 75%, мусульман 2%, католиков 9%, лютеран 1,5%. Из сопоставления видно, что православие несло наибольшую часть тягот военной службы, и это в значительной степени обуславливало высокий процент начальствующего состава из православных [9].

Процесс принятия присяги для русского воина зачастую носил религиозный - православный характер. Идеологическому формированию военного того времени способствовало православная догматическая трактовка проблем войны и армии, в которой война понималась как религиозно-политическое явление. Такое мировоззренческое восприятие создавало и идеологический фундамент для военной политики России, и обуславливало правомерность применения военной силы для ведения справедливой войны и защиты Отечества. В своей статье «Военное православное духовенство русской армии в XVIII–XIX вв.» преподаватель Военного университета министерства обороны РФ Алексей Александрович Артемьев подробно описывает становление военно-церковных отношений, начало которому положило формирование военно-религиозной службы русской армии в Российской империи XVIII–XIX веках[2].

Важно понимать, что духовенство воспринимало все трудности, выпадавшие на долю государства, и любую войну рассматривало как страшное бедствие для народа, с которым по долгу своему стремилось быть рядом.

В ходе Крымской войны священники и иеромонахи Военного ведомства участвовали во всех кампаниях русской армии и флота, показывая многочисленные примеры героизма, которые зафиксированы в исторических источниках и широко освещены в историографии этого периода.

Известно, что священники и инок монастырей Севастополя во время боевых действий не покидали города. Несмотря на то, что большинство храмов было разрушено, разорению подвергся Инкерманский монастырь св. Климента, а Балаклавский Георгиевский монастырь оказался в руках неприятеля, в течение всей войны здесь не прекращались службы.

В ходе Крымской войны священники и иеромонахи Военного ведомства участвовали во всех кампаниях русской армии и флота, показывая многочисленные примеры героизма. Можно привести к примеру лишь один из многочисленных известных эпизодов, который произошел

22 сентября 1854 года, когда на Николаевскую артиллерийскую батарею, где создалась очень напряженная обстановка, под огнем врага прибыл священник Очаковской Церкви Судковский. Благословляя каждого воина, он заметил тяжелораненого артиллериста и, заняв его место, сам заряжал орудия калеными ядрами [7].

В Севастополе и на кораблях Черноморского флота в период героической обороны Севастополя у священнослужителей часто не хватало времени на богослужения, а порой - и места для их проведения, поэтому нередко богослужения проводились прямо на поле боя.

Особо следует отметить значительную роль местного духовенства в уходе за ранеными. Впоследствии 150 священнослужителей были награждены за отличие в сражениях Крымской войны, в том числе 80 человек получили награду за оборону Севастополя [7].

Нельзя также недооценивать роль священников в плену. Проводимые ими богослужения были зачастую тем немногим, что связывало пленных с Родиной, привычным мирным образом жизни и дарило надежду на спасение в будущем. Это подтверждается строками из воспоминаний офицера Казимира Румши: «Единственным утешением в плену было богослужение, которое совершали наши пленные священники» [8].

Обычно при попадании в плен священников направляли в офицерские лагеря, однако по собственному почину они могли попасть в солдатские, где, естественно, условия были намного хуже. Однако некоторые, следуя христианскому призыву «душу свою положить за други своя», принимали такое решение. Например, полковой священник о. Иоанн (Казарин), находясь в плену, продолжал проводить богослужения, устроил иконостас, а затем переправил на родину несколько писем, в которых сообщил о тяжелом положении военнопленных [8].

Всего за годы Первой мировой, согласно записке протопресвитера Г. Шавельского в адрес народного комиссариата военных дел от 29 января 1918 года, 40 священников погибли, более двухсот были ранены и получили контузии, свыше ста находились в плену [11, с. 174]. Многие удостоились наград: 14 православных священнослужителей получили в награду орден Св. Георгия 4-й ст., 227 — золотой наперсный крест на георгиевской ленте, 85 — орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами, 203 — Св. Владимира 4-й ст., 304 — орден Св. Анны 2-й ст., 239 — Св. Анны 3-й ст. [11, с. 169].

В период существования советского государства, взявшего за идеологическую основу марксистское материалистическое учение, конечно же вектор взаимоотношений церкви и государства радикально меняется, на смену симфонии - соработничеству во благо Отечества, приходит период жестоких гонений и притеснений верующих, которые порой жизнью расплачивались за верность своим убеждениям. Тем не менее, церковь сохранила духовный потенциал, являющийся важной силой для консолидации общества, что и было продемонстрировано в годы Великой Отечественной Войны. Как известно «в окопах атеистов нет», и история сохранила для нас многочисленные свидетельства о роли священников в эти страшные военные годы.

Впрочем, это лишь отдельные страницы из огромной летописи, содержащей множество эпизодов подвигов священнослужителей, подававших пример личного мужества на поле боя, самоотверженности в заботе о раненых, пастырской мудрости в наставлениях воинам перед сражениями.

Однако, чем больше погружаешься в историю военного и флотского духовенства, тем более значимым выглядит историческое решение руководства страны о возрождении института военного духовенства, которое было инициировано коллективным обращением Межрелигиозного совета России [6].

К принятию этого решения побуждала также и реальная обстановка в Вооруженных силах России. Опросы, проводимые Научно-исследовательским (социологическим) центром Минобороны России в 2008–2009 годах, показали, что верующие люди составляют около 70% от числа всего личного состава [6].

В настоящее время имеются разработанные функциональные обязанности и определен порядок организации деятельности должностных лиц, которые выполняют свою работу на основании трудового договора (контракта), заключаемого в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Подбор кандидатов на должности войсковых и флотских священнослужителей ведется в основном управлением по работе с верующими военнослужащими Главного управления по работе с личным составом ВС РФ в сотрудничестве с Отделом по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами Московского Патриархата. И снова, Россия предстает как многонациональная и многоконфессиональная страна – продуктивное взаимодействие осуществляется органами военного управления с религиозными организациями традиционных конфессий: с

Центральным духовным управлением мусульман, Советом муфтиев России, Буддийской традиционной сангхой России [6].

Таким образом, можно констатировать, что возрождение традиции соработничества духовенства и представителей вооруженных сил основано на множестве исторических примеров эффективности такого взаимодействия.

Список литературы

1. Акимов Д. Из истории журнала «Вестник военного духовенства», издававшегося в дореволюционной России / Д. Акимов // Синодальный отдел Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами: сайт. – URL: <http://pobeda.ru/iz-istorii-zhurnala-vestnik-voennogo-duhovenstva-izdavavshegosya-v-dorevolutsionnoy-rossii.html> (дата обращения: 25.04.2017)
2. Артемьев А. А. Военное православное духовенство русской армии в XVIII–XIX вв. / А. А. Артемьев // Научный богословский портал Богослов.ru, 26 февраля 2016 : сайт. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4862842.html> (дата обращения: 25.04.2017)
3. Буганов А. В. О русском православном воинстве / А. В. Буганов // Воинский подвиг защитников отечества: традиции, преемственность, новации: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Вологда, 2000. Ч. 1. – Вологда: Изд-во Вологодский институт развития образования, 2000. – 320 с.
4. Вестник военного духовенства // Православная энциклопедия. Электронная версия : сайт. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/158248.html> (дата обращения: 25.04.2017)
5. Капков К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы / К. Г. Капков. — М.: «Летопись», 2008. — 752 с.
6. Лукичев Б. Военному духовенству Вооруженных сил России — пять лет / Б. Лукичев // ЖМП № 8 август 2014 / 24 июля 2014 г. : сайт. – URL: http://www.e-vestnik.ru/analytics/voennomu_dухovenstvu_vs_rf_5_let_8173/ (дата обращения: 25.04.2017)
7. Парамонова Г. В. Роль духовенства в нравственном и духовном воспитании российских моряков. Историческая справка. 4 марта 1997/ Фонды Военно-исторического музея Черноморского флота.
8. Пахалюк К. А. Православное духовенство на защите империи / К. А. Пахалюк // К 100-летию Первой мировой : сайт. – URL: // http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/pravoslavnoie-dukhovienstvo-na-zashchitie-impierii#_edn1 (дата обращения: 25.04.2017)
9. Титко В. Военное духовенство России / В. Титко // Православная газета № 17 (51), 18 января 1996. : сайт. – URL: <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at171> (дата обращения: 25.04.2017)
10. Рогоза В. «Жизнь положить за друзей своих» Русская православная Церковь и безопасность государства: история и современность / В. Рогоза // История, № 29/2003, «Первое сентября» : сайт. – URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200302901> (дата обращения: 25.04.2017)
11. Чимаров С. Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800 – 1917 гг. / С. Ю. Чимарова. - СПб, 1999. – 272 с.

Статья поступила в редакцию 9.06.2017

Kuzmina A. The role of the clergy in military service. Historical aspect.

The article tells about the role of the clergy in military service, describes the main stages of the formation and development of the institution of military clergy, examines examples of the deeds of clergymen in the army and navy during military and peacetime, emphasizes the importance of the military clergy for strengthening Patriotic attitudes and morale of the military men.

Keywords: history of Crimea, military history, orthodox church, clergy.

Статья посвящена проблематике роли в истории греческого проекта Екатерины Великой и Григория Потемкина. Рассматриваются позиции европейских стран в отношении данного проекта, а также обстановка, в которой зарождался и реализовывался проект. Проанализированы сходства и различия греческого проекта и проекта по разделу Речи Посполитой, выявлены причины неудачи первого и успешного воплощения второго, рассмотрена связь между ними и влияние на дальнейшее развитие событий. Анализ проведен на основе общеизвестных международных договоров 18-го века, письма Екатерины Великой Иосифу II.

Ключевые слова: греческий проект, Екатерина Великая, Османская империя, Речь Посполитая, Великобритания, Франция, Габсбургская империя, баланс сил, статус-кво.

М. А. Тихомирова, студент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: mashatixomirova.1997@yandex.ru

ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И ГРИГОРИЯ ПОТЕМКИНА: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ И ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

Предложенная тема является одной из важнейших проблем, связанных с восточным вопросом второй половины 18-го века. Именно в это время Османская империя вступает в фазу упадка, постепенно приближаясь к распаду и исчезновению с карты мира. Несмотря на то, что Османская империя на момент середины 18-го века все меньше играла роль в системе международных отношений, ее существование было жизненно необходимо для того, чтобы сохранить в балансе систему сдержек и противовесов в Европе. Ослабленная Османская империя стала предметом споров держав-лидеров международных отношений, а именно – Великобритании, Франции, России и Габсбургской империи. Далее целью автора данной работы является анализ конфликта европейского масштаба в рамках так называемого греческого проекта Екатерины Великой и Григория Потемкина.

Ослабление Османской империи вызывало беспокойство в Европе, так как это государство, бывшее одним из самых могущественных на евразийском континенте в годы правления Сулеймана Великого, да и на момент 18-го века еще только начинающее терять свою былую мощь, всегда занимало важное место в системах международных отношений. Без такого политического актора невозможно было построить никакую послевоенную систему международных отношений; причин тому великое множество, но главная – географическое положение данного государства, которое, с переменным успехом, контролировало черноморские проливы, поэтому с позицией и мнением причерноморской империи не считаться было невозможно.

Именно с началом 18-го века связывается общеизвестное историческое понятие «Восточный вопрос». Иначе говоря, перед европейскими державами вставала проблема – каким будет будущее ослабевающей Османской империи. Несмотря на то, что это государство было суверенным и обладало значительным влиянием в ближневосточном регионе, все же решение о его дальнейшем существовании постепенно перетекало в ведение европейских держав, так как основой международных отношений того времени являлся принцип баланса сил, сменивший более раннюю форму межгосударственного взаимодействия, которая зиждилась на династическом принципе и брачной дипломатии. Державы любым способом стремились не столько усилить свои собственные позиции, сколько не дать получить власть в регионе кому-либо другому. На этой почве и возникает конфликт и поиск его решения.

В этих условиях греческий проект Екатерины II и Григория Потемкина являлся не только попыткой воспользоваться совместно с заинтересованным государством слабостью третьего, но и представлял собой один из вариантов решения принимающей все большие масштабы проблемы.

Для достижения цели, заявленной в статье, предстоит решить две важные задачи: выяснить, в чем причина неудачи в воплощении в жизнь данного предприятия и какие последствия могла принести удача в его реализации.

До распада Османской империи остается еще больше ста лет, а клубок противоречий все растет. Первая половина 18-го века становится чередой войн с Турцией. Екатерина II занимает российский престол, Российская империя находится в стадии наивысшего проявления своих экспансионистских устремлений, поэтому на тот момент главной ее задачей было овладение побережьем Черного моря. Ради достижения своих целей Российская империя стремилась заручиться поддержкой

заинтересованных в разделе Османской империи государств. Здесь речь идет и о войне 1735-1739 гг. в союзе с монархией Габсбургов и Ираном против Османской империи за выход к Черному морю; это и небезызвестный «северный аккорд» - поиск сотрудничества с северными правительствами Европы – Пруссией, Данией и Швецией, по причине недовольства Габсбургами чрезвычайно активной позиции России в отношении Порты. Как раз в это же время Российской империи удалось заручиться поддержкой Великобритании в области осуществления своих интересов в черноморском регионе, так как туманный Альбион был вполне уверен, что усиление России в нем во многом ослабит позиции Франции в Леванте. Все эти действия, в конце концов, приводят к войне между Турцией и Россией в 1768-1774 гг., подписывается Кючук-Кайнарджийский мирный договор, подтверждающий безоговорочную победу России в данном вопросе. Этот договор представляет для нас особый интерес, так как его условия во многом разнятся с последующими событиями, а тем более – с фактом создания и попытками осуществления греческого проекта.

Уже в первой статье одним из условий дальнейшего взаимодействия Российской и Османской империй является незыблемый мир, «постоянный и ненарушимый ... на сухом пути и на море» [4, с. 80-81]. Такие условия заведомо невозможно было соблюдать, пусть они и носили в данном документе условный характер как юридическое подтверждение окончания военных действий. В этой же первой статье указывается на договоренность во избежание и запрете каких-либо действий, которые могут нарушить достигнутые пункты соглашения [4, с. 80-81]. Договор предусматривал совместное решение могущих возникнуть территориальных споров на только что установившейся границе. Высокие договаривающиеся стороны условились в учреждении ведомств, где могли бы работать «пограничные губернаторы и коменданты или ...нарочно назначенные для сего комиссары» [4, с. 86], в задачу которых должно было входить совместное разрешение назревающих конфликтов мирным путем и при содействии самих государств. Таковы были условия договора, не касающиеся послевоенного раздела территорий. В конечном итоге, опираясь на него, мы можем сделать вывод: Российская и Османская империи после долгой череды конфликтов большей части 18-го века, казалось бы, пришли к компромиссу во взаимоотношениях и стали полноценными сотрудниками, в интересах которых на первом месте стояло поддержание достигнутых мирных договоренностей, двустороннее уважение суверенитета и невмешательство в дела друг друга любого характера.

Однако цепочка дипломатических и военных побед Российской империи подтолкнули Екатерину II к мысли о том, что необходимо еще более основательно закрепить в регионе путем раздела Османской империи с государством, которое поддержало бы подобную инициативу. Ведь выступать в одиночку против ослабленной Османской империи было очень опасно потому, что это вызвало бы агрессивную реакцию всех западных держав, выступавших категорически против территориальной экспансии и усиления и без того крупного государственного актора в лице империи Екатерины Великой. На этой почве появился греческий проект, разработанный ею совместно с графом Потёмкиным. О том, как именно собиралась действовать императрица, можно многое почерпнуть из ее письма императору Иосифу II, которое, к нашей величайшей радости, на данный момент имеет открытый к себе доступ. Екатерина Вторая предлагала императору Габсбургов поделить Османскую империю, и в данном вопросе Екатерина Вторая просила для своего государства только две вещи: «1-е, город Очаков с его округом, между реками Бугом и Днестром; 2-е, один или два острова в Архипелаге для безопасности и удобства торговли русских подданных», а также следующее – «восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте оного варварского владычества, конечно, при неперменном с моей стороны условии поставить это новое Греческое государство в полную независимость от моей собственной державы, возведя на его престол младшего из моих внуков, великого князя Константина, который в таком случае обязался бы отречься навсегда от всяких притязаний на русский престол, так как эти два государства никогда не могут и не должны слиться под державою одного государя»[6]. Ни одно из описанных условий соглашения между Иосифом II и Екатериной Великой не соответствуют достигнутым договоренностям Кючук-Кайнарджийского договора. Такой проект становился нарушением мира между государствами и являлся самым прямым вмешательством в его внутренние дела.

Для Габсбургов такое предложение было очень выгодным, потому что, во-первых, они получали новые территории для поддержания своего могущества, во-вторых, они приобретали крупного геополитического союзника в лице Российской империи. Казалось бы, проект одобряется обеими сторонами, он им выгоден.

В чем же причина неудачи проекта? Ответ кроется в системе международных отношений тех времен. Восточный вопрос мучил европейские властные круги долгие десятилетия, можно сказать, даже века. Здесь сталкивались интересы многочисленных крупнейших держав – России, Австрии,

Великобритании, Франции – в первую очередь. Такая масштабная группа заинтересованных в сохранности османских территорий государств была обречена на неразрешимость их устремлений. Причина тому – огромная вероятность общеевропейской войны, так как четырем разным монархиям договориться по данной проблеме было практически невозможно. Оставался только один выход – сохранение Османской империи в ее границах и целостности любым способом, во избежание усиления одного из перечисленных государств в этом регионе. Именно поэтому греческий проект вызвал бурю критики поначалу со стороны Великобритании и Франции, поскольку такой поворот событий резко расшатывал стабильное положение этих держав в области восточного Средиземноморья, через которое проходил кратчайший путь из Европы в Южную Азию [2, с. 118]. А затем, оказав должное давление на Габсбургскую империю, Великобритания и Франция отняли у России союзника в достижении своих грандиозных целей.

Никакое событие, даже то, которое не принесло ощутимых фактических результатов в истории, не проходит, не оставив в ней свой след. Так и история с греческим проектом наложила отпечаток на дальнейшее развитие событий. Именно во время русско-турецкой войны 1968-74 история сталкивается с первым разделом территории Польши между Габсбургами, Россией и Пруссией. Почему эти события связаны? Они связаны потому, что идея возможности раздела одного суверенного государства между другими современными государствами нова по своей сути. Раздел Польши был примером того, как несколько государств, воспользовавшихся слабостью третьего, способны договориться между собой и относительно мирным договорным путем присвоить себе условленные территории.

В рамках данной работы следует задаться вопросом: почему два проекта – раздел Польши и раздел Османской империи – настолько по-разному разрешились?

Ответ на данный вопрос очень важен, так как оба проекта преследовали одну и ту же цель – упразднение слабеющего государства, получение участниками его раздела территориальных приобретений и усиление влияния в регионе. Для ответа на данный вопрос обратимся к договорам, юридически закрепившим разделы Польши и постараемся найти причину того, как европейские державы допустили такие действия в отношении Польши, а затем, сравнив данную ситуацию с греческим проектом, сделаем вывод о причинах в разности реакции мирового сообщества того времени.

Первый раздел Речи Посполитой произошёл в 1772 году, путем заключения договора между Пруссией и Российской империей. Причины этого раздела указываются в самом составленном документе. Оба государства выражают свои опасения по поводу действия на территории Польши партий различного рода, в отношении «смут и раздора» [5, с. 132-133], которые вполне могут, по мнению высоких договаривающихся сторон, выйти за пределы обсуждаемого государства. Небольшое отступление: по мнению автора, такое внутреннее положение Польши вызывало некий страх в рядах империй того времени, так как революционные настроения второй половины 18-го века уже начинали нарастать, до французской революции еще было время, однако тенденции налицо. Поэтому охрана собственных границ так же интересовала договаривающиеся государства.

Конвенция между Россией и Пруссией о втором разделе Польши, датированная 12 января 1793 г. в условиях предпринимаемых действий уже откровенно говорит об опасениях за распространение идеалов революции на зыбкой почве польской государственности («Смуты, действующие в Европе вследствие гибельной революции, случившейся во Франции, представляют неизбежную и всеобщую опасность...» [3, с. 142]). Ни одна из соседних монархий, ни при каких обстоятельствах не желала иметь границ с таким государством, при условии, что идеи революции приобретали все большую повсеместную популярность.

Третий раздел Польши подразумевал окончательное уничтожение польской государственности ввиду предотвращения повторного зарождения революционных идей и по причине «неспособности Польской республики устроить у себя» «твердое и сильное правление» [1, с. 146-147].

После рассмотрения данных договоров перед нами предстает существенная разница в обоих предприятиях, удавшемся и неудавшемся – разделе Речи Посполитой и греческом проекте. Конец 18-го века ознаменовался ростом популярности идеалов революции в условиях процветающего империализма и угнетения низших слоев населения. По всей Европе распространялась идея свержения монархий и провозглашения республиканского правления, создание государства для всех, государства всеобщего блага. Но эти идеи были еще настолько неокрепшими, что во многих случаях пережили колоссальное давление вплоть до своего искоренения и уничтожения. Именно в таких условиях Польшу постигла подобная развязка. Революция и республика были неприемлемы в условиях пика развития политической и территориальной экспансии основных европейских игроков. Что же касается Турции – она не представляла такой угрозы для существующего политического миропорядка. Поэтому

ее раздел был совершенно невозможен. Если упразднение Речи Посполитой было встречено другими государствами Европы нейтрально ввиду принятия ими данной ситуации как способа уничтожения еще одного революционного очага, то уничтожение государственности такой крупной империи, как Османская, непременно привело бы к вооруженному конфликту.

Греческий проект, однако, может расцениваться и в качестве одного из вариантов решения затянувшегося восточного вопроса. Основной раздел предстояло совершить между Габсбургами и Россией, но обходить другие державы стороной они не преследовали цели: для заинтересованных сторон предлагались территориальные компенсации, например, передача Франции Египта. Возможно, вступил греческий проект в силу, с восточным вопросом было бы покончено раз и навсегда, но слишком уж неравнозначны были бы территориальные приобретения и сферы влияния участвующих государств, поэтому проблема восточного вопроса перекинулась в следующий век, пока не нашла свое трагическое решение.

Таким образом, неосуществленный греческий проект стал не только показателем могущества Российской империи, которая может диктовать свои условия на европейской арене, но и превратился в предпосылку дальнейшего развития проблемного региона Османской империи.

Следует сделать ряд выводов касательно сюжета под названием греческий проект.

В рамках данной статьи было установлено, что попытка реализации представленного проекта вполне могла стать решением для теряющей свою мощь Османской империи. Подобный проект предполагал мирный раздел территорий и мог исключить ситуацию разрыва территорий турецкой империи с помощью оружия между основными европейскими державами, заинтересованными во влиянии в данном регионе.

Первой причиной неудачи проекта стала его несвоевременность. Турция ослабевала, но все еще имела вес как бывшая крупнейшая ближневосточная империя с территориями в Европе (ранее) и в дальнейшем как сфера влияния и интересов европейских держав, заинтересованных не только в черноморском регионе, но и в сохранении статус-кво на Ближнем востоке.

Второй причиной неудачи греческого проекта была его безосновательность. Единственное, что могло послужить оправданием этим действиям – это желание расширить свои территории и сферы влияния, что в условиях баланса сил сделать было без помощи оружия нереально. Слишком крупный по масштабам лагерь противников этой идеи не дал осуществиться задуманному. Если бы восточный вопрос включал в себя проблему распространения революции, как в случае с Речью Посполитой, вполне возможно, что проект был бы претворен в жизнь.

Другой вопрос – как бы это произошло. Был ли бы это территориальный раздел исключительно между авторами проекта или же в нем была бы задействована вся Европа – остается только гадать.

Ясно одно – греческий проект и равный ему по значимости проект по разделу территорий Польши ввел в международные отношения принцип возможности особого характера применения силы к более слабому. Эти события стали новым уровнем в ведении международной политики: теперь державы познакомились с практикой бескровного расчленения государства между собой. Вполне вероятно, что она стала основой для последующих подобных проектов, вплоть до известных нам событий, предшествовавших началу мировых войн.

Список литературы

1. Декларация России и Австрии о третьем разделе Польши 23 декабря 1794 г. Выверено по изданию: Под стягом России: Сборник архивных документов. - М.: Русская книга, 1992. – С. 146-147 : сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/poland3.htm> (дата обращения: 17.03.2017)
2. История международных отношений: в 3 т.: учебник / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – 3-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 1 т.
3. Конвенция между Россией и Пруссией о втором разделе Польши 12 января 1793 г. Выверено по изданию: Под стягом России: Сборник архивных документов. - М.: Русская книга, 1992. – С. 142 : сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/poland2.htm> (дата обращения: 17.03.2017)
4. Кючук-Кайнарджийский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1768-1774 гг. Выверено по изданию: Под стягом России: Сборник архивных документов. - М.: Русская книга, 1992, арт. 1. – С. 80-81 : сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm> (дата обращения: 3.08.2017)
5. Петербургская конвенция между Россией и Пруссией о первом разделе Польши 4 января 1772 г. Выверено по изданию: Под стягом России: Сборник архивных документов. - М.: Русская книга, 1992. – С. 132-133 : сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/poland1p.htm> (дата обращения: 17.03.2017)

6. Русский архив. Кн. 1. М., 1880. Письмо Екатерины II императору Иосифу II : сайт. — URL: <http://arzamas.academy/materials/86> (дата обращения: 3.08.2017)

Статья поступила в редакцию 19.06.2017

Tihomirova, M. A. The Greek project of Catherine Great and Grigoriy Potemkin: causes of failure and influence on following events

The article is devoted to the problems of the role in the history of the Greek project of Catherine the Great and Grigory Potemkin. The positions of European countries regarding this project are considered, as well as the situation in which the project was born and implemented. Analogies of similarities and differences in the Greek project and project on the partition of the Rzeczpospolita, revealed the reasons for the failure of the first and successful implementation of the second, examined the relationship between them and the impact on the further development of events. The analysis was carried out on the basis of well-known international treaties of the 18th century, the letter of Catherine the Great to Joseph II.

Key words: the Greek project, Catherine the Great, the Ottoman Empire, Rzeczpospolita, Great Britain, France, the Habsburg Empire, the balance of power, the status quo.

УДК 314:303.7

В статье, на основе архивного материала, значительная часть которого введена в научный оборот впервые, рассматривается процесс переселения жителей Краснодарского и Ставропольского краев в Крым и на Северный Кавказ в 1940-х гг. в рамках программы компенсационной миграции.

Ключевые слова: переселение, Крым, Северный Кавказ, компенсационные миграции, адаптация, обратничество.

В. Н. Ракачев, доцент, канд. истор. наук
Кубанский государственный университет
e-mail: midav.sf@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ В КРЫМ И НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 1940-Е ГГ. В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ КОМПЕНСАЦИОННОЙ МИГРАЦИИ

Происходившие в 1940-х гг. масштабные социально-политические процессы, в первую очередь, Великая Отечественная война, оказали существенное влияние на формы и направления миграционных потоков в стране, которые носили как добровольно-вынужденный, так и принудительный характер. К числу добровольно-вынужденных миграций в этот период можно отнести мобилизацию и демобилизацию, процессы эвакуации, а затем реэвакуации, к принудительным – депортации репрессированных народов и отдельных групп населения, незаслуженно обвиненных в государственной измене.

В социальных науках такой подход к управлению миграциями получил название административного. Он опирается на следующие принципы: 1) общество в конечном счете состоит из отдельных индивидов, слабо связанных друг с другом семейными, этническими, социальными, поселенческими и другими связями; 2) индивид в любой момент в соответствии с политическими решениями может быть переселен в любую точку доступного географического пространства, причем необязательно насильственным путем. Стимулирование таких переселений может осуществляться с помощью самых разных средств – моральных, идеологических, политических и экономических. Административный подход фактически делает ненужным научное исследование миграционного поведения: достаточно знать численность и плотность населения, в крайнем случае – динамику численности, зависящую от демографического потенциала регионов выселения и вселения [1, с. 88].

В период Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями достигает своего пика. Логика войны определяла доминирующую роль государства в управлении всеми процессами жизнедеятельности страны, в том числе и миграционными.

Остается приоритетным административный подход и в послевоенный период, стране требовались ресурсы для восстановления разрушенного народного хозяйства, необходимо было обеспечить возвращение населения на освобожденные территории.

Основные миграционные потоки в этот период затрагивали территории Центрального района (40,6%), Урала (12,3%), Поволжья (10,1%), Северного Кавказа и Крыма (7,7%). Масштабы перемещений в восточном направлении – на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток были заметно меньше, чем в период войны и эвакуации [8, с. 278]. Это было связано с государственными задачами привлечения демографических ресурсов на освобожденные территории страны.

Важнейшими задачами послевоенного периода были восстановление экономики пострадавшей в годы войны и продолжение процесса модернизации. Это требовало большого количества трудовых ресурсов, и в первую очередь рабочих рук для восстановительных работ в районах освобожденных от вражеской оккупации, в том числе и на Северном Кавказе и в Крыму.

Восстанавливается система организованного набора рабочей силы, Постановлением СМ СССР от 21 мая 1947 г. были созданы региональные конторы трудовых ресурсов для народного хозяйства страны. Краснодарская контора за 14 месяцев работы 1947–1948 гг. набрала 32,9 тыс. рабочих (в том числе 25,3 тыс. колхозников), в 1949 г. – 12 тыс. рабочих [21, с. 74].

Как и в 1930-е гг., основным источником пополнения трудовых ресурсов для восстановления и развития промышленности стало село. Новые кадры, пополнявшие ряды советских рабочих в 1947 г. – первой половине 1950-х г., были на 60–85% бывшими сельскими жителями [8, с. 279], а сельская

молодежь составляла $\frac{3}{4}$ выпускников в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищах [2, с. 85] готовивших кадры для промышленного производства.

Тяжелое экономическое положение деревни связанное с увеличением прямых и косвенных налогов при сократившемся трудоспособном населении подталкивает колхозников к поискам путей переезда в город. По сути, продолжает действовать механизм «выталкивания» крестьянства из деревни, запущенный еще в 1930-е гг. Наряду с легальными каналами: оргнаборами рабочих для восстановления народного хозяйства, учебой, службой в армии, действовали и стихийные. Не останавливала миграцию и низкая профессиональная квалификация переселенцев-крестьян. Для восстановления народного хозяйства требовались не только специалисты, высока была нужда и в работниках низкоквалифицированного труда.

Действовавшая в послевоенный период на Кубани и Ставрополье практика привлечения трудовых ресурсов для выполнения народнохозяйственных задач в других регионах страны противоречила потребностям самих регионов, которые являлись стратегически важным в плане обеспечения страны сельхозпродукцией и сами остро нуждались в трудовых ресурсах.

Косвенной причиной активных миграционных перемещений в послевоенный период было отсутствие сдерживающих факторов: разрушенное жилье, трудности в обеспечении продовольствием, неустроенная личная жизнь и отсутствие на ближайшее время перспектив их изменения, подталкивали людей к поиску новых условий, к миграции на новые территории. Послевоенная разруха, когда люди потеряли практически все, делало их «легкими на подъем», на старом месте их уже ничего не держало, а на новом была, хотя и небольшая, но надежда на перспективы, что и с успехом использовалось государственной пропагандистской машиной.

Мысли чувства такого переселенца хорошо показаны в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»: *«Он тоже понимал: никто их нигде не ждет. А поездов много. На один не сядешь, так на другой... Нищему терять нечего, одна деревня сгорит, он в другую уйдет».*

Отдельной формой миграционных перемещений в данный период выступают компенсационные миграции. Одним из таких миграционных потоков стали организованные переселения жителей Кубани и Ставрополья на территории Крыма и Северного Кавказа опустевшие в результате депортаций в годы войны.

Активнее в этих процессах участвовало население Ставропольского края, которое в административном порядке перемещалось на территории традиционного проживания народов, незаслуженно обвиненных в измене и депортированных в другие регионы страны. В состав Ставропольского края были переданы часть территорий Чечено-Ингушской АССР, Карачаевской АО и Калмыцкой АО. Таким образом, географическая близость к национальным территориям обеспечивала минимальные затраты на переселение и обустройство мигрантов.

Одним из первых направлений компенсационной миграции было заселение территории бывшей Карачаевской автономной области. По сведениям А.С. Мухортова с территории Ставрополья туда было переселено около 10000 чел. [7, с. 72–73].

Другим направлением миграционных перемещений стала Грозненская область (до 22 марта 1944 г. Грозненский округ в составе Ставропольского края), куда после депортации чеченцев и ингушей планировалось до 15 апреля 1944 г. к переселению из Ставропольского края 8 000 хозяйств «из числа проверенного контингента населения, с условием обязательного наличия в семье трудоспособных членов, в том числе 1 600 чел. из Кизлярского округа» [5]. Ставрополье теряет и часть своей территории – к Грозненской области 12 апреля 1944 г. отходит Кизлярский округ и Наурский район [20, с. 439], которые впоследствии в состав края не вернутся. По данным приведенным В.Г. Шнайдером: «к февралю 1946 г. в Грозненскую область из Ставропольского края прибыло 5472 семьи переселенцев» [23, с. 274].

Среди переселенцев были и те, кто прибыл в Грозненскую область стихийно. Вероятнее всего, из-за неурожая и голода 1946 г. в область прибыли до 2000 семей, в том числе и с территории Ставрополья [10]. Однако преобладающими остаются организованные миграции.

Часть переселенцев из Ставрополья направляются на территорию ликвидированной Калмыцкой АССР. Число переселенцев из Краснодарского края на эти территории было существенно меньше.

Следующим направлением организованных компенсационных миграций стал Крым, куда после незаслуженных обвинений и депортации крымских татар и других народов в соответствии с постановлением ГКО от 12 августа 1944 г. осуществляется переселение сельского населения из Краснодарского и Ставропольского краев, а так же ряда областей РСФСР [3]. Первым секретарем Крымского обкома партии в 1944 г. был назначен П.Ф. Тюляев занимавший до этого должность председателя Краснодарского крайисполкома [6, с. 743].

Колхозникам-переселенцам оказывалась широкая государственная финансовая и продовольственная поддержка, предоставлялись различные льготы: они освобождались на три года от всех видов натуральных поставок и денежных платежей, получали отсрочку при призыве в армию в 1944–1945 гг. [22].

По данным Государственного архива Республики Крым приведенным Э.И. Сеитовой: «в Крым в сентябре 1944 г. переезжает 17040 семей (62 104 чел.), в том числе 2349 чел. из Краснодарского края в Алуштинский район и 2 469 чел. из Ставропольского и Краснодарского краев в Судакский район» [19].

В 1950 г. в колхозы Крымской области было переселено из Краснодарского края 100 семей (472 чел.), из них мужчин трудоспособного возраста (16–59 лет) и женщин (16–54 года) – 57%; из Ставропольского края 94 семьи (438 чел.), из них трудоспособных мужчин и женщин – 56% [9].

Однако принудительный характер таких переселений давал о себе знать, часть переселенцев не приживалась на новых местах и возвращалась обратно. Власти так или иначе пытались воспрепятствовать попыткам возвращения [4].

В сентябре 1946 г. из 101 семьи колхозников Усть-Лабинского района Краснодарского края, направленных в Крымскую область, часть самостоятельно возвратилось обратно. Учитывая, что правительством были затрачены большие средства на переселение и хозяйственное устройство колхозников-переселенцев, Крайком ВКП(б) и Крайисполком постановляет: «самовольное возвращение из Крымской области колхозников-переселенцев является грубейшим нарушением государственной дисциплины и требуется установить причины самовольного возвращения из Крымской области колхозников переселенцев и провести среди них разъяснительную работу и принять ряд административных и хозяйственных мер по немедленному возвращению в Крымскую область» [3].

Несмотря на принимаемые меры, партийные и исполнительные органы Крымской области продолжают сообщать о самовольном выезде переселенцев на прежнее место жительства. Так за январь-февраль 1947 г. из Алуштинского района Крыма на Кубань самовольно выехало 66 семейств [22].

Причинами таких переселений в документе указываются: «в большинстве случаев бывшие колхозники по их прежнему месту жительства сохранили за собой дома и надворные постройки, приусадебные участки, имущество и, нередко, даже скот. Все это имущество до их возвращения оставалось на сохранении их родственников, знакомых или вторых членов семьи переселенцев» [22].

Органами государственной власти предпринимается ряд шагов по решению сложившихся проблем. С одной стороны ужесточаются меры по предотвращению стихийного возвратной миграции, получившей в документах того периода термин «обратничество», а с другой – начинают решаться бытовые и социальные проблемы переселенцев [18]. Это способствовало частичному решению сложившихся проблем, закреплению переселенцев на новой территории.

Другим направлением организованных переселений в послевоенный период стали районы западного Причерноморья. Колхозники Кубани в административном порядке в Адлеровский и Лазаревский районы для работы на чайных плантациях, согласно постановлениям Совмина СССР: от 17 августа 1947 г. № 290 «О развитии культуры чая, цитрусовых и других субкультур в Краснодарском крае», от 7 мая 1949 г. № 1839 и от 8 окт. 1952 г. № 1360 [14], а также в Таманский и Запорожский хлопкосовхозы [13].

В итоге в рамках плановых переселений в Адлеровский район в 1949–1953 гг. было направлено 1449 чел., в Лазаревский район – 1551 чел. [11].

Однако план переселений был выполнен лишь частично. В целом было переселено лишь 74,9% от запланированного числа колхозников. В Адлеровский чайколхоз прибыло 72% от запланированных переселенцев; Лазаревский чайколхоз – 64,5%; Приморско-Ахтарский хлопоколхоз – 105%; Павловский хлопкосовхоз – 82%; Каневской хлопоколхоз – 114% [17].

Согласно годовому отчету Переселенческого отдела при Краснодарском крайисполкоме по переселению и хозяйственному устройству переселенцев на 1953 г. отмечалось, что переселение помогло решить важные стратегические задачи по выполнению плана чайсовхозами и хлопкосовхозами. Но, поставленные задачи не были решены в полном объеме, т.к. часть колхозов не смогли закрепить прибывшее население на новом месте.

Выделялись и причины неудовлетворительного выполнения плана переселений. К ним относились: «обратные выезды переселенцев в районы выхода; осведомленность колхозного населения Кубани о тех затруднениях, которые переносят колхозники переселенцы в чаеводческих колхозах при неуклонном росте экономики колхозов степного края и повышении выдач на трудодни; дефицит рабочей силы в местах выхода переселенцев; неподготовленность колхозов к приему переселенцев вследствие чего 111 семей имеющих переселенческие билеты в места вселения не

отправлены и к концу года отказались от вселения; не обеспеченность жильем в местах вселения и пассивная позиция местной администрации в решении этих вопросов» [15].

Одной из актуальных проблем адаптации переселенцев стало взаимоотношение с местным населением. Часть руководителей колхозов и местное население отнеслось к переселенцам недоброжелательным. Переселенцы жаловались, что «им не дают дров, штрафуют за каждую мелочь, предоставляют приусадебные участки в местах непригодных для садоводства и огородничества и др.» [12]. Сложившаяся ситуация во взаимоотношениях с местными жителями способствовала возникновению упаднических настроений среди переселенцев и их желанию выехать обратно в свои районы.

Воспроизвести сложившуюся в местах вселения атмосферу, отразить настроения и проблемы с которыми сталкивались мигранты во взаимоотношении с местным населением помогают письма переселенцев в Переселенческий комитет представленные в Российском государственном архиве экономики. Попав в новую социальную среду, переселенцы влияли на изменение сложившегося уклада жизни, который в советское время зачастую основывался на сочетании работы на государство и работы на себя, что было актуально в послевоенных условиях мизерных выплат колхозникам по трудодням. Местные жители, в принципе уже создали такую систему и, возможно, опасались чужаков способных ее нарушить. Не имея прямых рычагов запретить прием переселенцев, они выстраивали дистанцию с последними, тем самым ставя их в заведомо невыгодное экономическое и психологическое положение. Это в ряде случаев и приводило к сложностям в адаптации и возвратной миграции.

Для решения возникших проблем в организации компенсационных переселений, адаптации переселенцев и взаимоотношения с местным населением в Крыму и на Северном Кавказе была создана государственная комиссия Главного переселенческого управления при Совете Министров СССР, инспекторы которой выехали на места для изучения и решения создававшихся проблем.

В резолюциях Переселенческого комитета отмечалось, что Кубань и Ставрополье, являясь одними из основных зерновых районов страны сами нуждаются в дополнительной рабочей силе, в связи с чем планы по организованному переселению следует пересмотреть в сторону их сокращения, а также способствовать улучшению материального положения переселенцев, вести пропагандистскую и воспитательную работу среди местного населения [16].

Активное использование региональных ресурсов в процессе компенсационных миграций 1940-х гг. в Крыму на Северном Кавказе негативно сказалось на демографическом развитии населения Кубани и Ставрополья которые и так понесли потери трудоспособного населения в ходе Великой Отечественной войны и сами нуждались в компенсации трудовых ресурсов.

Список литературы:

1. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М., 1998. – 271 с.
2. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. / О.М. Вербицкая. – М., 1992. – 222 с.
3. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1471. Оп. 1. Д. 579. Л. 39.
4. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–15.
5. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 66. Л. 4, 7.
6. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / Упр. по делам архивов Краснодарского края; Управление ФСБ России по Краснодарскому краю; ЦДНИКК; ГАКК; сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Кн. 1.: Хроника событий 1941–1942 гг. – Краснодар: Сов. Кубань, 2000. – 816 с.
7. Мухортов, А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук / А.С. Мухортов. – Пятигорск, 2010. – 192 с.
8. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.
9. Рассчитано по: РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 2.
10. РГАСПИ (Государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 38.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 32.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 37.

13. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 7.
14. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 13.
15. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 17.
16. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 28.
17. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 70.
18. Сеитова, Э. И. К вопросу социально-бытовой адаптации колхозников-переселенцев в послевоенном Крыму [Электронный ресурс] / Э.И. Сеитова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. - 2016. - Т. 12. - Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. - Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.24.
19. Сеитова, Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) / Э.И. Сеитова // Пространство и время. – 2013. – № 2 (12) // <http://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-krum-1944-1976>
20. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с.
21. Стругова, М.Р. Жизненные стратегии рабочих Краснодарского края в послевоенный период (1945–1953 гг.) / М.Р. Стругова // Вестник архивиста Кубани. – Краснодар, – 2006. – № 1. С. 68–77.
22. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5–5об.
23. Шнайдер, В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 - конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия / В.Г. Шнайдер. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.

Статья поступила в редакцию 23.06.2017

Rakachev, V. N. *Resettlement of residents of the Krasnodar and Stavropol Territories in the Crimea and the North Caucasus in the 1940s: the implementation of the program of compensatory migration*

In the article, based on archival material, a significant part of which was introduced into scientific circulation for the first time, the process of resettlement of residents of the Krasnodar and Stavropol territories to the Crimea and the North Caucasus in the 1940s is being considered. Within the framework of the compensation migration program.

Keywords: resettlement, Crimea, the North Caucasus, compensatory migration, adaptation, and reversal.

Попытки ряда стран обеспечить себе единоличный контроль над бассейном Чёрного моря, прослеживающиеся в событиях последних лет, рассматриваются автором как очередной этап в ряду аналогичных попыток, имевших место со времён греческой колонизации и Римской империи. На основе анализа причин безрезультатности прежних попыток делается вывод о невозможности бесконфликтно подчинить себе Черноморский регион: как в силу действия старых факторов, так и появления в их действии новых особенностей.

Ключевые слова: история, Черноморский регион, Черное море, международные отношения, межнациональные конфликты, межгосударственные конфликты

В. А. Матросов, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: mikelonster@gmail.com

О ЛОГИКЕ ИСТОРИИ: СТАНЕТ ЛИ РУССКОЕ МОРЕ АМЕРИКАНСКИМ?

История Черноморского региона внешне напоминает раскачивающийся маятник: относительно мирные периоды жизни разнородного причерноморского населения сменяются войнами и попытками установить здесь контроль одной определённой силы. В настоящее время мы наблюдаем очередной конфликтный период черноморской истории. Крах просоветских режимов в Болгарии и Румынии, поворот Украины и Грузии к Западу, конфликты 2008 г. и 2013-2014 гг. — все эти события не изолированы друг от друга, а представляют собой развивающуюся во времени систему событий, отражающую стремление определённых сил в очередной раз поставить Чёрное море под свой контроль.

Многочисленные публикации, посвящённые столкновениям интересов различных стран в бассейне Чёрного моря, направлены на то, чтобы раскрыть интересы конкретных стран, суть противоречий между этими интересами, цели отдельных сил и возможные способы их дальнейших действий. Исследователи исходят, прежде всего, из реалий настоящего времени, а исторические прецеденты привлекают лишь постольку, поскольку они позволяют раскрыть основной материал. Автор, со своей стороны, задался целью посмотреть на ситуацию с Чёрным морем не с точки зрения геополитика, а с точки зрения историка, т.е. оценить возможности и перспективы установления единоличного контроля над Чёрным морем, исходя из существующих исторических прецедентов и логики исторического развития особенностей, определивших результативность таких попыток.

Предысторией можно считать Великую Эллинскую колонизацию VII — V вв. до н.э., в итоге которой в бассейне Чёрного моря возник ряд городов, выполнявших изначально торговые (или вспомогательные к таковым) функции. Со временем часть таких торговых поселений сформировала вокруг себя небольшие государства. С I в. до н.э. в сторону Причерноморья начинается экспансия Римской империи, и во II в. практически весь бассейн Чёрного моря оказывается под прямым или косвенным влиянием Рима, но во второй половине III в. римские легионы вынуждены покинуть ряд городов Северного Причерноморья в связи с неспособностью противостоять напору варварских народов на эти территории, а также общим кризисом империи.

В начале IV в. внутренняя ситуация в Римской империи стабилизируется, и начинается очередной охват Чёрного моря. В рамках деятельности по реставрации единой Римской империи при Юстиниане I (518 — 565 гг.) Восточная Римская империя временно устанавливает свой контроль над Боспором, ведёт борьбу с Сасанидским Ираном за причерноморскую область Лазику. Однако после смерти Юстиниана контроль над Чёрным морем ослабевает вследствие славянских нашествий, а последовавшие во второй трети VII в. арабские вторжения заставляют империю переориентироваться в восточном направлении. В дальнейшем прослеживаются некоторые меры по усилению влияния Византии на Чёрном море, но систематического охвата уже не производилось.

Во второй половине XIV в. начинает усиливаться и расширяться Османская империя. Под её власть попадают районы западного и северного Причерноморья: часть балканских земель [4, с.22] и Валахия [4, с.24]. После 1453 г. под власть Османов попадают все бывшие причерноморские владения византийцев и генуэзские фактории. Ряд государств на побережье Чёрного моря становятся вассалами империи. Ко второй половине XVI в. в сферу контроля Османской империи входит бассейн Чёрного моря в полном объёме: после того, как по договору с Ираном в 1557 г. к ней на время переходит восточное побережье (западные Грузия и Армения) [4, с.57].

Со второй половины XVIII вв. османский контроль над Чёрным морем начинает разрушаться из-за российской экспансии в Северном Причерноморье. Если в XVI — XVII вв. российская политика в отношении Крымского ханства носила преимущественно самооборонительный характер, то во второй половине XVIII в. у России появляется потребность в выходе к Чёрному морю [6, с.29]. Причерноморье рассматривается как форпост дальнейшей колонизации, установления внешней торговли с европейскими странами, усиления своих позиций в отношениях с Османской империей. «Греческий проект», сформулированный в правление Екатерины II, предполагал освобождение христианских народов из-под власти Османской империи и восстановление Византии («Греческой державы») под российским верховенством [10, с.63]. В рамках его реализации к Российской империи были присоединены Крым и Северное Причерноморье. Тогда же Россия закрепляется в Прикубанье и Грузии. Далее Россия устанавливает контроль над Чёрным морем в рамках разрешения «Восточного вопроса», где добивается существенных успехов дважды: в 30-е гг. XIX в. и после войны 1877 – 1878 гг. Однако и в том, и в другом случае России пришлось отказаться от ряда своих достижений.

Российский «Черноморский проект» завершается событиями 1947 — 1948 гг., едва не приведшими к вооружённому противостоянию с англо-американской коалицией. После смерти Сталина Советский Союз отказался от своих территориальных претензий к Турции [8, с.113], однако послевоенные события в этом регионе повлекли за собой начало «холодной войны», продолжавшейся до 1991 года.

Интерес для нас представляют наиболее поздние попытки: «Османский проект» и «Российско-советский проект». Анализируя эти случаи, мы выделяем следующие причины, по которым единоличное влияние в районе Чёрного моря в итоге разрушалось.

Во-первых, и османский, и российско-советский проекты в некий момент времени столкнулись с наличием мощной противодействующей силы, претендующей на установление влияния в этом же регионе. Так, для Османской империи конца XVIII в. такой силой явилась Российская империя, имевшая потребность в выходе к Чёрному морю. Для Российской империи в XIX в. такой силой стали страны Западной Европы: в первую очередь Британия и Австро-Венгрия. В 1833 г., когда был заключён Ункяр-Искелесийский договор и российские корабли расположились в проливе Босфор, казалось, что России удалось сделаться неуязвимой для нападений со стороны государств, не примыкающих к Чёрному морю [9, с.45], однако в 1840 г. правительство, опасаясь обострений в отношениях с европейскими державами, решило отказаться от единоличного контроля над Проливами. После войны 1877 – 1878 гг., на Берлинском конгрессе под давлением Британии, Австро-Венгрии (при поддержке Германии) России пришлось отказаться от некоторых условий заключённого ранее Сан-Стефанского мирного договора: например, территория независимой Болгарии сокращалась, часть её земель под властью Османской империи образовывала провинцию Восточная Румелия [11, с.245].

В 1944 — 1946 гг. СССР выстраивает вокруг себя буферную зону, которая, в числе всего прочего, должна была охватить и бассейн Чёрного моря. Были установлены режимы «народной демократии» в Болгарии и Румынии. Турции были предъявлены претензии на некоторые территории и предоставление контроля над режимом Черноморских проливов. Вопрос о турецких территориях в 1947 г. пришлось оставить нерешённым ввиду того, что возникла угроза вооружённого конфликта с Британией и США. Именно в связи с этими событиями были созданы программные документы холодной войны — Фултонская речь и «доктрина Трумэна» [3, с.60].

Во-вторых, свою роль сыграли цивилизационные особенности различных районов: главным образом, религиозные.

Так, религиозной основой Османской империи был ислам в то время, как на балканских территориях было многочисленное православное население. Если во второй половине XIV в. позиции османских султанов были на Балканах прочнее, чем в Малой Азии, то после принятия Константинопомем Флорентийской унии в 1439 г. на Балканах вспыхивают антиосманские движения, которые в дальнейшем не прекращаются, а даже усиливаются. С XVIII в. религиозные различия внутри Османской империи рассматриваются Россией как рычаг влияния на политику Стамбула. С одной стороны, Россия способствует организации антиосманских движений на Балканах, а с другой стороны, во время Екатерины II берёт на себя покровительство православному населению Османской империи: формально для того, чтобы гарантировать соблюдение их прав. В XIX в. эти различия проявляются ещё более резко.

В-третьих, ни Османская империя, ни Российская империя (позже — СССР) не включали всех причерноморских территорий в свой состав непосредственно. Османская империя держала в Северном Причерноморье ряд вассальных государств, крупнейшим из которых было Крымское ханство. Но управление черноморским регионом она могла осуществлять без ощутимой конкуренции лишь до тех пор, пока к её пределам не начала продвигаться Российская империя.

Российская империя и СССР реализовала своё влияние также частью через государства-союзники: Румынию, Болгарию. И здесь показательным случаем является Болгария. При поддержке России этой стране удалось восстановить свою государственность, однако уже в 1880-е годы в отношениях России и Болгарии начинается кризис [11, с.253], имевший далеко идущие последствия. Несмотря на неоднозначность российско-болгарских взаимоотношений, в Первую мировую войну Болгария занимает не дружественную по отношению к России позицию, выступив на стороне Тройственного союза, а в годы Второй мировой войны выступает как германский сателлит. Аналогичную позицию Болгария заняла по отношению к России и в связи с российско-украинским конфликтом [13, с.104].

Итак, мы видим три основные причины, в силу которых контроль над бассейном Чёрного моря в полном объёме со стороны одного государства скоро начинал слабеть и в итоге разрушался, если вообще устанавливался:

1. Наличие мощной противодействующей силы, имеющей свои виды на этот же самый регион;
2. Разнородность проживающего в регионе населения и, соответственно, вероятность конфликта между носителями разных цивилизационных начал (например, межрелигиозных или межэтнических конфликтов);
3. Неустойчивость системы буферных государств, создаваемых с целью реализации своей политики на некотором пространстве.

В настоящее время у Чёрного моря располагаются 7 государств: Россия, Украина, Румыния, Болгария, Турция, Грузия, Абхазия. Из них только одно позиционирует себя как государство, дружественное России — Абхазия [15, с.13]. Румыния, Болгария, Украина, Грузия — государства, занимающие не дружественную позицию: первые два являются членами НАТО и ЕС [13, с.104; 215], последние — бывшие советские республики, ориентирующиеся на те же организации, но не входящие в них [14]; Турция — государство, претендующее на самостоятельное ведение черноморской политики и её отношение к России определяется скорее текущей ситуацией, чем контролем внешней силы.

Пять из этих государств — «государства-проводники», не столько имеющие собственное влияние, сколько содействующие реализации интересов более могущественных сил: Болгария, Румыния, Украина, Грузия, Абхазия. Россия и Турция — самостоятельны в своей политике, и поэтому могут рассматриваться как «государства-претенденты». Есть и государства, непосредственно не примыкающими к Причерноморью, но предполагающие установить свой собственный контроль над регионом: в данном случае мы берём в расчёт то, что такой силой является США, хотя в реальности положение дел сложнее.

Очевидно, что для каждой из трёх, взятых нами в расчёт стран, действует фактор противостоящей силы. Хотя бы потому, что в первую очередь встаёт вопрос о контроле над режимом Черноморских проливов. Попытка установить свой контроль над Чёрным морем со стороны Турции означала бы противодействие внешнему контролю над режимом Проливов, что одинаково ставило бы к ней в оппозицию как США, так и Россию. Что касается попыток России, то здесь очевидно противодействие США, но и для Турции это бы означало усиление российского влияния в отношении Проливов. Что касается попыток со стороны США, то мы можем наблюдать расклад сил непосредственно: Турция, которую до некоторой степени связывает членство в НАТО, тем не менее, пытается вести свою собственную, самостоятельную, политику, не говоря уже о России, которая вообще является второй стороной в развернувшемся с 2013 года противостоянии.

Вторым по значимости фактором является необходимость реализовать свой контроль посредством буферных государств, добровольно осуществляющих интересы господствующей в регионе державы.

Мы видим, что даже Османской империи, не имевшей вначале мощной конкуренции и не связанной нормами международного права, всё же приходилось ограничиваться взятием под контроль лишь наиболее значимых пунктов: например, в Крыму в состав самой Османской империи входило только южное побережье, остальная часть полуострова оставалась территорией Крымского ханства. В конце XVIII в. отречение законного крымского хана Шагин-Гирея пришлось организовать под предлогом, что хан был не в состоянии стабилизировать ситуацию в Крыму и даже, напротив, усиливал недовольство своей репрессивной политикой [2]. После складывания Венской системы процесс завоевания чужих территорий ещё более затруднился, и мы видели, что каждый успех Российской империи и СССР в бассейне Чёрного моря встречал противодействие коалиции государств, из-за чего от своих претензий приходилось отказываться: при этом о завоевании других государств в полном объёме речь не шла.

В настоящее время наиболее реальным политическим оформлением контроля над регионом Чёрного моря видится конфедерация государств, формально независимых, но реализующих интересы господствующей державы, которая явно может даже и не присутствовать в регионе. Но для создания

такой конфедерации все причерноморские государства должны выразить согласие на переход в статус «государств-проводников»: для России и Турции это явное понижение, поэтому бесконфликтным путём создать такую конфедерацию нереально. К тому же, в перспективе такая конфедерация оказывается ненадёжной в силу причин, среди которых значимую роль играет разнородность населения обширного причерноморского региона.

Внутри многих черноморских стран имеются конфликтогенные зоны, из-за чего эти страны находятся в уязвимом положении, т.к. появляется возможность оказывать на них давление.

Так, проживание в Крыму татарского населения, сохраняющего связи с Турцией, делает необходимым для России ведение более осмотрительной политики по отношению к представителям этой национальности. Интересно, что на стороне Турции крымских татар уже неоднократно именовали «крымскотатарскими турками»; представители некоторых радикальных движений выступают за включение Крыма в состав Турции (правопреемницы Османской империи) [1].

В период Евромайдана озвучивались планы вхождения Украины в НАТО, однако вхождение Украины в альянс невозможно без отказа от своих территориальных претензий [7]. Особенно важно, что в числе спорных территорий находится и Крым, который представляет из себя стратегически важную причерноморскую территорию.

Сюда же относятся грузинские территориальные проблемы с Абхазией и Осетией. Потенциальной конфликтогенной зоной является город Батуми, согласно Карсскому договору 1921 г. признанный частью Грузии, обладающей широкой автономией [5]. Имеются сведения, что Турция сохранила право вернуть себе город с прилегающим районом в случае нарушения договора (хотя, скорее всего, это — неправильно истолкованная ст.12 Московского договора 1921 г., согласно которой жители Батума сохраняли право свободного возвращения в Турцию [12]).

Остаётся нерешённым до сих пор конфликт Турции с Грецией на острове Кипр, начавшийся ещё в 1960-е гг. после того, как Кипр получил независимость от Великобритании.

Но пусть даже мы и признаем возможным создание такой конфедерации с улаживанием имеющихся конфликтов, то возникает вопрос: кто в принципе способен это осуществить?

Сомнительно создание такого образования Россией или Турцией, каждая из которых имеет свои собственные амбиции и ведёт свою собственную независимую от какой-либо иной стороны внешнюю политику. Способы расширения своей сферы влияния у того и другого государства достаточно жёсткие, и это делает маловероятным создание на добровольной основе такой конфедерации, существование которой было бы устойчивым в течение долгого времени.

Потенциалом в этом отношении обладает США, для которых характерно установление культурного и экономического доминирования в государствах, рассматриваемых как потенциальная сфера влияния. Способы здесь являются экономическое содействие с постепенным втягиванием страны-жертвы в финансовую зависимость; внедрение (в противовес традиционным ценностям) массовой культуры, обращённой к универсальным потребностям и желаниям человека; подчинение правящей верхушки путём расстановки на должности нужных людей и компрометации неугодных и т.д.

Результаты такой политики в XX — XXI в. мы наблюдаем неоднократно. На экономическом содействии и внедрении своих специалистов и управленцев основывалась помощь Греции и Турции, а позже и другим странам (в соответствии с «планом Маршалла»). Внедрение инородной массовой культуры дало результаты при раскачивании ситуации в СССР периода распада. Такие процессы наблюдались уже в начале XXI в., например, на Украине. Такие меры способны дать эффект на небольшое время, однако в долгосрочной перспективе их нивелирующий характер начинает порождать эффект отторжения, что мы уже можем видеть на примере России.

Таким образом, конфедерация, созданная на «американской», нивелирующей, основе просуществует очень недолго, поскольку каждое из причерноморских государств имеет свои собственные традиционные основы, которые, как и в случае с Россией, начнут постепенно усиливаться и противодействовать навязанным извне. И не будем забывать, что обращение к этим основам — достаточно эффективный способ активизации локальных конфликтов.

Таким образом, причины, из-за которых оказались безуспешными известные истории попытки охватить район Чёрного моря влиянием одной единственной страны, продолжают действовать до сих пор. Можно даже утверждать, что их действие в настоящее время сильнее, чем раньше. Поэтому крайне маловероятно, что в ближайшем будущем у какой-либо из сторон получится установить свой контроль над регионом и сохранить его на долгое время. Причины тому - множество сил, имеющих интересы на одной и той же территории и противодействующих друг другу; множество действующих и

потенциальных конфликтогенных зон, в силу чего активные движения какой-либо из сторон будут сопровождаться усилением имеющихся локальных конфликтов.

В 1990-е гг. мы наблюдали, как сбывался советский тезис об обострении классовой борьбы: в итоге возникло постсоветское российское общество, в котором формируются новые общественные классы. В начале XXI в. мы наблюдаем аналогичную ситуацию, когда попытка объединить мир на универсальной основе, устранив «особенное», приводит к обострённому осознанию народами и государствами своих особенностей и активной борьбе за них. В итоге самым вероятным исходом борьбы за контроль над Чёрным морем в полном объёме будет только усиление конфликтов и формирование причерноморских «обществ» с новыми или обновлёнными традиционными особенностями, но никак не конфедерация, состоящая из лишённых своего лица государств.

Список литературы

1. Анкара: Крымские татары? Крымско-татарские турки! // EurAsia Daily. — 20 марта 2017 г. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/03/20/ankara-krymskie-tatary-krymsko-tatarskie-turki> (дата обращения: 20.03.2017)
2. Высочайший манифест «О принятии Крымского полуострова, острова Тамана и всей Кубанской стороны» (Санкт-Петербург, 8 апреля 1783 г.) // Иванов И. И. История Крыма: Хрестоматия. — Б.м., 2015. — С. 200-201.
3. Выступление президента Гарри Трумэна на совместном заседании палат Конгресса США. Вашингтон. 12 марта 1947 года («Доктрина Трумэна») (В извлечении) // Системная история международных отношений в четырех томах. 1945-2003. Документы / Под ред. А. Д. Богатурова. — Т.4. — М.: НОФМО, 2003-2004. — 600 с.
4. Гасратян, М. А. Очерки истории Турции / М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. — М.: Наука, 1983. — 295 с.
5. Грузия опасается растущего турецкого влияния в Аджарии // Иносми.ру. — 14 марта 2017 года. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20170314/238869969.html> (дата обращения: 15.03.2017)
6. Дружинина, Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение) / Е. И. Дружинина. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. — 367 с.
7. «Если Украина вступит в НАТО, наша система безопасности полетит к чёрту» // Planet Today. — 14 апреля 2017 года. — URL: <http://planet-today.ru/krizis-na-ukraine/item/67618-esli-ukraina-vstupit-v-nato-nasha-sistema-bezopasnosti-poletit-k-chertu> (дата обращения: 14.04.2017)
8. Заявление советского правительства правительству Турции. Москва. 30 мая 1953 года // Системная история международных отношений в четырех томах. 1945-2003. Документы / Под ред. А. Д. Богатурова. — Т.4. — М.: НОФМО, 2003-2004. — 600 с.
9. Киняпина, Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. / Н. С. Киняпина // Научные доклады высшей школы. Серия исторических наук. — 1958. — №2. — С. 30-49.
10. Коршунова, Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» / Н. Коршунова // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2003. — Т.10. — №1(2). — С.62-68.
11. Краткая история Болгарии с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. — М.: Наука, 1987. — 568 с.
12. Московский договор между Россией и Турцией. 16 марта 1921 года // Хронос. — URL: http://hrono.ru/dokum/192_dok/19210316ru_tur.html (дата обращения: 15.04.2017)
13. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014-2015 гг.: Монография / Отв. ред. проф. И. И. Орлик. — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 378 с.
14. Степнов Н. Вступят ли в НАТО Украина и Грузия? / Н. Степнов. - URL: <http://ruspravda.info/Vstupyat-li-v-NATO-Ukraina-i-Gruziya-21266.html> (дата обращения: 10.04.2017)
15. Шамба, С. М. Россия и Абхазия: История и современность / С. М. Шамба // Вестник МГИМО университета. — М.: МГИМО МИД РФ, 2010. — №3. — С. 9-13.

Статья поступила в редакцию 26.05.2017

Matrosov M.A. About logic of history: Will the Russian Sea become the American one?

Attempts of a number of the countries to ensure individual control over the basin of the Black Sea, traced in events of the last years, the author are considered as the next stage among the similar attempts taking place since the Greek colonization and the Roman Empire. On the basis of the analysis of the reasons of futility of former attempts the conclusion about impossibility is drawn is frictionless to subordinate to himself the Black Sea region: as owing to action of old factors, and emergence in their action of new features.

Keywords: history, Black Sea region, Black Sea, international relations, international conflicts, interstate conflicts

УДК 93

Рассматриваются революции и контрреволюции как целостная система, имеющая свои законы. Утверждается, что в революционный период все политические режимы имеют черты диктатуры. В зависимости от сроков наступления и характера протекания революционных периодов выделено три основные группы стран. Рассмотрены основные закономерности, характерные для России в рамках революционного периода, начавшегося в начале XX в. и закончившегося в 90-е годы. Проанализированы основные процессы, предшествующие событиям 1917 г. в России, и причины прихода к власти большевиков.

Ключевые слова: история России XX века, Февральская революция, Октябрьская революция, реформы Столыпина, геополитическое пространство.

Б. М. Кондорский, канд. биол. наук

E-mail: bmkbox@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Каждое событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов [8; 9; 10].

Все государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ), страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности, Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился после Второй мировой войны. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. Т. е. основной единицей классификации здесь являются не отдельные революции, а РП в каждой стране. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих процессов.

Наличие революций не обязательно знаменует начало РП. Несмотря на то, что Испания в XIX в. пережила пять революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП имели место без конкретных революций.

В РП все политические режимы в той или иной степени имеют черты диктатуры (особенно во время самих революций). Во Франции – Якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона. Относительно либеральное правление Людовика XVIII сменилось диктатурой Карла X. На смену режиму Луи-Филиппа с элементами парламентской демократии вновь пришла диктатура Наполеона III.

Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, также как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (несмотря на последующие реставрации).

Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на ее Германию – мы знаем из истории.

Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место после Февральской революции в России, в 30-е годы в Испании, в период Арабской весны.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Попытки реформ «сверху» в России, Китае, Турции, Иране закончились полным провалом.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под непосредственным руководством государства.

В СТГ капитализм отсутствовал как система. Был капиталистический уклад. Уклад – это структура, которая в отличие от системы не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы.

Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно обуславливалось политическими интересами. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам.

В СТГ более 80 % населения проживало в сельской местности и имело традиционный крестьянский менталитет. Сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью [7, с. 60]. Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывал [12, с. 328].

В начале XX в. крестьянство превращается в самостоятельную политическую силу. Еще в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений [20, с. 18], который усилился во время революции и носил характер погромов помещичьих усадеб. Причем погромы, в большинстве случаев, носили организованный характер. Им предшествовали сельские сходы, на которых утверждались приговоры. Это нельзя назвать разбоем. Крестьянские выступления во время революции 1905-1907 гг. были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма во время гражданской войны [19, с. 61].

Чтобы предотвратить подобного рода эксцессы в будущем, Столыпиным и его окружением и была задумана реформа, целью которой было разрушение общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников, фермеров [5, с. 20].

Однако крестьяне-буржуа, которых мы видим в фильме «Соломенная шляпка», так и не появились. И дело не во внешнем виде, а в характере сознания. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Основная масса крестьян не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство своеобразной самозащиты перед лицом помещиков и государства.

Столыпинская реформа провалилась, в первую очередь, политически. Закон от 14 июня 1910 г. не только не снял социальную напряженность, но усилил ее до предела [1, с. 89]. Абстрактность замысла реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [5, с. 25]. В итоге политика Столыпина, по разным причинам, не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [17, с. 135].

Трагедия Столыпина – умного политика и талантливого организатора, особенно на фоне бесцветного императора и его окружения, заключалась в том, что с началом РП начинают действовать законы, независимые от сознания людей. Любые попытки реформ в рамках старой системы лишь создают дополнительные условия для последующих революционных событий. Нельзя было создать Великую Россию на полностью прогнившем фундаменте.

Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С. Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России [3, с. 173]. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Витте считал, что Россия не Китай, и что иностранный капитал никогда не вытеснит национальный [3, с. 19]. Однако опора на границу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение и создавала угрозу национальной безопасности. В конечном итоге политика Витте – Столыпина не привела к сближению с западной моделью, в первую очередь вследствие крайне низкого уровня капитализации. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых

компаний России [18, с. 19]. Выкупные платежи крестьян русские помещики, в отличие от японских, не вкладывали в развитие экономики, а «проедали».

На рубеже XIX – XX вв. Россия попала в финансовую зависимость от Франции. За счет колоссальных займов Франция пыталась удержать Россию в союзе. Внешние займы предполагали внешнеполитические обязательства [13, с. 39]. Достаточно сказать, что доля России в общемировой задолженности составляла 31 % [4, с. 172].

Заметный промышленный подъем в начале XX в. носил внешний характер. Подобного рода явления в предреволюционный период отмечены и для других стран. Но повышение уровня жизни в РП воспринималось уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением качества жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – ожиданием конституционной монархии английского типа, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которое носит пока скрытый характер.

Просматривается сходство с Францией в предреволюционный период. Разумные попытки реформ, предпринятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знает, что ему делать. Его действия носят судорожный характер, наступает паралич власти.

Активное развитие государственного капитализма способствовало тому, что в ведении государства оказались сосредоточены крупнейшие казенные предприятия оборонного значения, что обусловило высокую концентрацию рабочей силы. Рабочими обычно становились крестьяне, которые не смогли ужить в своей общине и у которых, по существу, отсутствовало традиционное сознание. Получался как бы «чистый лист», на котором различные политические силы могли формировать нужное им сознание. К тому же, относительная малочисленность пролетариата в России компенсировалась высоким уровнем его концентрации. Создавалась своеобразная критическая масса, в которой при определенных условиях могла пойти «цепная реакция».

Революция 1905 г. развеяла иллюзии в отношении «доброты батюшки царя» в лице Николая II и у рабочих, и у крестьян. Политическую точку в революции поставил указ Николая от 3 июня 1907 г. окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, что испортило отношения власти с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. Николай стал в глазах русского общества превращаться в «инородное тело». К тому же революция показала инертность и дряблость русской буржуазии, ее антиреволюционность [17, с. 7].

То же самое относится и к высшей бюрократии, которая уже при Николае I превратилась в своеобразную корпорацию, где внутренние интересы явно превалировали над внешними. Аналогичная ситуация в начале XX в. сложилась с политическими буржуазными и социалистическими партиями, за исключением большевиков. Они тоже сформировали у себя корпоративную структуру, превратившись в партии «в себе» и «для себя».

В предвоенный период и Витте, и Столыпин, и Коковцов понимали гибельность для российского самодержавия войны с Германией [13, с. 23]. В известной записке Николаю II бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [14, с. 239]. Россия вступила в войну, не имея ясно очерченной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией.

Здесь мы сталкиваемся с закономерностью, характерной для РП. Только государства, где уже закончился РП, могли стать полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII в. (момента окончания здесь РП) во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». Если Франция была уже субъектом геополитического пространства, то Россия – лишь объектом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. После окончания Первой мировой войны только три страны – Великобритания, Франция, США – оказались реальными победителями

Высшее руководство страны проявило свою беспомощность и во время войны. Для военного периода была характерна разобщенность армейского и гражданского руководства не умеющих, а часто не желавших искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между Ставкой и Советом министров [13, с. 347]. Правящая бюрократия в новых условиях стала быстро деградировать –

за короткий срок от Витте и Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева по кличке «мертвая голова».

Элита отвечает за поддержание социально-политического пространства общества. Деградация элиты означает деградацию этого пространства. Перед революциями это приводит к тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс.

Следует обратить внимание, что Февральская революция была полной неожиданностью не только для властей и буржуазии [15, с. 422], но и для революционных партий, включая большевиков [16, с. 158].

Став носителем государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. В первых декларациях провозглашалась «великая демократия», но не было ни слова о том как решить гигантские экономические и социальные проблемы, как трансформировать общество. Лидер либеральной буржуазии Милюков мог страстно утверждать в своих ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа» (как не вспомнить здесь современную Украину), но уже в первые дни признал, что начавшаяся революция уникальна и неуправляема [18, с. 353]. Конечно П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, А. И. Гучков и другие лидеры буржуазии были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали».

То же самое относится и к руководству социалистических партий – эсеров и меньшевиков. В процессе Февральской революции реальная власть оказалась в руках Петроградского Совета, который возглавили представители этих партий. Передавая власть буржуазному Временному правительству они наивно полагали, что оно сможет эффективно решить все те проблемы, которые стояли перед российским обществом. Однако все получилось с точностью наоборот. «Временные» министры всех трех коалиционных правительств занимались чем угодно, только не тем, чем нужно. Всего лишь за полгода они ухитрились растерять весь кредит доверия со стороны народных масс и превратиться в «инородное тело». Керенский, будучи в свое время блестящим адвокатом, оказался бездарным политиком. Очень точно определил период правления Временного правительства В. С. Завойко (из окружения Корнилова) как «эпоху свержпомпадуства» [6, с. 114].

Несмотря на то, что после июльских событий большевики подверглись преследованиям, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Переломным моментом стала организация большевиками отпора корниловской контрреволюции. Тысячи агитаторов распропагандировали войска, выступившие против революции. Сила большевиков заключалась не в призывах к социализму, представления о котором оставались у народа еще крайне туманными, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле.

Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер [13, с. 33]. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. «Февральская революция не явила миру новых Дантонов и, тем более, Робеспьеров» [2, с. 60].

Создается впечатление, что во время войны и Февральской революции буржуазия играла роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего удивительного, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путем упрощения его структуры.

В России, также как и в других СТГ, РП закончился в 90-е годы. Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой. Например, в Турции (где РП закончился в 90-е годы) вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит еще более выраженный характер в Иране.

В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать фундаменту. К тому же данный архетип невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли еще в 80-е – 90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. В России доморожденные либералы попытались в 90-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Если к настоящему времени в политической сфере

руководство страны это осознало, то в экономической – пока недостаточно. Здесь реально имеют место кризисные явления.

Относительная легкость перехода к исходному состоянию в Польше, Чехословакии, Венгрии была обусловлена тем, что архетипический «фундамент», сформировавшийся здесь в предшествующий РП (который закончился после Второй мировой войны), носил «буржуазный» характер. В Советском Союзе основными инициаторами распада государства стали прибалтийские республики с их буржуазным менталитетом.

Если бы не был изменен либеральный курс, Россия имела бы то, что сейчас происходит на Украине. Здесь «советский» архетип был полностью проигнорирован, и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Определяющую роль здесь сыграло влияние представителей западных областей (особенно в СМИ). РП Западной Украины прошел в рамках Австро-Венгрии и буржуазной Польши. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности вследствие попыток консолидации общества на основе поиска внутреннего и внешнего врага [10].

По существу, в конце 80-х – начале 90-х годов произошло воспроизведение «февральской» ситуации. Попытка «демократизации» общества на основе опыта западных стран привела к развалу государства. Несколько другим путем пошел Китай и важную роль здесь сыграла «культурная революция». Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было «культурной революции», направленной против носителей либерального сознания (в широком смысле этого слова), не было бы современного Китая. Любая «перестройка горбачевского типа» привела бы к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер [11, с. 163].

Список литературы

1. Аврех, А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
2. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
3. Верт, Н. История Советского государства / Н. Верт. – М.: Весь Мир, 2006. – 560 с.
4. Завалько, Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках / Г. А. Завалько. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
5. Зырянов, П. Н. Столыпин без легенд / П. Н. Зырянов. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
6. Иоффе, Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма / Г. З. Иоффе. – М.: Наука, 1987. – 367 с.
7. Кабытов, П.С. Русское крестьянство в начале XX века / П. С. Кабытов. – Саратов: Изд-во Саратов.ГУ, 1990. – 146 с.
8. Кондорский, Б. М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий / Б. М. Кондорский // Политическая наука перед вызовами современной политики: Мат. VII Всероссийского конгресса политологов (Москва 19-21 ноября 2015 г.). – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 289-290.
9. Кондорский, Б. М. Революционный период в Китае / Б. М. Кондорский // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 134-150.
10. Кондорский, Б. М. Теоретический взгляд на события XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) / Б. М. Кондорский // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи». Мат. Международной научно-практической конференции (25-26 сентября 2015 г.). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2015. – С. 382-390.
11. Кондорский Б. М. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода / Б. М. Кондорский // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. IX Международной конференции. – Казань: Изд-во «Фэн», 2016. – С. 156-166.
12. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XX в.). Т. 1 / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
13. Оськин, М. В. История Первой мировой войны / М.В. Оськин. – М.: ИД Вече, 2014. – 496 с.
14. Пайпс, Р. Русская революция. Кн. 1 / Р. Пайпс. – М.: РОССПЭН, 1994. – 399 с.
15. Палеолог, М. Царская Россия накануне революции / М. Палеолог. – М.: Политиздат, 1991. – 493 с.
16. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1 / Л. Д. Троцкий. – М.: ТЕРРА, 1997. – 464 с.
17. Тютюкин, С. В. Марксисты и русская революция / С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996. – 240 с.

18. Уткин, А. И. Первая мировая война / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.
19. Шанин, Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 – 1917-1922 / Т. Шанин. – М.: Весь мир, 1997. – 560 с.
20. Шацилло, В. К. 1905-й год / В. К. Шацилло. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 470 с.

Статья поступила в редакцию 30.06.2017

Kondorskii, B. M. *Comparative-historical factors of Russian revolutions*

Revolutions in one country make up a revolution period (hereinafter – an RP) an integral system that has its own laws. Specific revolutions are just evidence of these processes. All political regims during an RP have the features of dictatorship. Depending on the time of the RP and its nature the countries are divided into three main groups. The major regularities specific for Russia and other countries of the third group during the RP, which started in the beginning of the XXth century and was over in 90s, have been studied. The major processes preceding the events of 1917 in Russia and the reasons of the bolsheviks' coming to power have been analysed in the article.

Keywords: history of Russia in the XXth century, February Revolution, October Revolution, Stolypin reforms, geopolitical space.

УДК 94(470).03.23.31

Рассмотрена семантика собственных имен и топонимов, применявшихся в религиозной, политической и культурной идеологии России последней четверти XVIII в., более известной как греческий проект. Отражены идеи проекта в выборе имен для цесаревичей Екатериной II, формирование идеологических фигур концепции в искусстве, а также особенности и значение изменения крымской топонимики после присоединения к России Крымского полуострова в 1783 г.

Ключевые слова: Россия, Екатерина II, Григорий Потемкин, греческий проект, Византия, Константинополь, Крым.

Е. В. Шимберева, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: masya_sev@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ОНОМАСТИКИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И ГРИГОРИЯ ПОТЕМКИНА

Идея освобождения древней столицы Византии и православных народов от турецкого ига в различных формах присутствовала во внешнеполитических стратегиях русских монархов в течение многих веков [1, с. 166-170; 5, с. 10-12; 6, с. 31-32]. Однако четкую формулировку восточный вопрос получил при императрице Екатерине Великой под названием «греческий проект». Его политические и культурные контуры начали складываться еще во время русско-турецкой войны 1768-1777 гг. Блестящая победа России и заключение Кючук-Кайнарджийского договора [11, с. 78-82] вдохновили графа Г. А. Потемкина на формирование одного из самых сложных внешнеполитических проектов русской монархии. План, предусматривавший вытеснение Турции из ее европейских владений и создание на ее территории возрожденной Греческой империи был составлен в середине 1770-х гг. Именно Светлейшему князю английским послом Джеймсом Харрисом вменяется роль одного из вдохновителей императрицы Екатерины II на воплощение идеи создания империи на востоке [7, с. 33-34, с. 38-39].

Реализация греческого проекта легла в основу национальной идеологии, которая окончательно сформировала образ «древней и великой Российской империи» в русском и европейском сознаниях [1, с. 170]. Для выражения коллективной целостной культуры, а также национального самоопределения требуется «особый «язык», оперирующий в основном знаками и символами» [1, с. 166]. Поэтому предметом данного исследования является семантический контекст онимов - собственных имен, использовавшихся в рамках греческого проекта, в частности, номинативных объектов, которые изучают разделы ономастики - антропонимики и топонимики.

Концепция греческого проекта наряду с военно-политическими мероприятиями России определяла и особенности культурной жизни страны. Россия, как и другие славянские государства, с принятием христианства из Византии восприняла и до XVIII в. пронесла позднеантичные традиции. Идеи «греческого возрождения» в конце 1770-х гг. придали новизны русскому классицизму, который творчески интерпретировал античные формы и мотивы, зачастую заимствованные из Западной Европы [12, с. 111; 13, с. 245]. Помимо активной переписки со знаменитыми французскими просветителями Екатерина II была в числе первых представителей русской интеллигенции, транслировавших интерес к исследованиям античности и французскому стилю *goût grec* (греческий вкус), популярному во Франции во второй половине XVIII в. [12, с. 111, с. 114-115; 13, с. 248-249].

В русской культуре XVIII в. между определениями «греческий» и «византийский» часто ставился знак равенства [12, с. 111]. Идеологическая модель, в которой религиозная преемственность по умолчанию приравнивалась к культурной, предполагала, что Россия, как единственная церковная наследница Византии, является легитимной наследницей греческой античности [7, с. 36].

Для обозначения греко-русской языковой преемственности Екатериной II осуществлялось непосредственное попечение о приведении в порядок и описании греческих книг и рукописей Синодальной ризницы и библиотеки. В 1776 г. была опубликована «Илиада» Гомера в переводе П. Е. Екимова. В произведениях искусства последней четверти XVIII в. неизменно присутствовали мотивы классической Греции.

Отдельного внимания заслуживает претворение идей греческого проекта в частной жизни императорской семьи. В 1777 г. в семье великого князя Павла Петровича родился сын. Вопреки многим

ожиданиям первого внука Екатерина II назвала Александром. Императрица проводила параллели с величайшим полководцем античности Александром Македонским, распространявшим греческую империю на территорию Малой Азии, с одной стороны, и русским героем-покровителем Александром Невским - с другой [7, с. 63-64].

1779 г. ознаменовался рождением второго цесаревича, который был окрещен Константином в память первого и последнего византийских императоров. Празднование по случаю рождения, устроенное графом Г. А. Потемкиным, было в греческом стиле: пение и чтение стихов производились на греческом языке [10, с. 64]. На реверсе памятной медали на рождение великого князя были изображены озаренные лучами античные фигуры Веры, Надежды и Любви с младенцем в руках, стоящие на берегу Черного моря. Справа от фигур был помещен Константинопольский собор Святой Софии, слева - два корабля и восходящая звезда.

С раннего детства Константин Павлович имел кормилицу-гречанку по имени Елена и грека Дмитрия Куруту в качестве камердинера [17, с. 442, прим. 109]. В детских играх князя сопровождали воспитанники основанного в 1777 г. Петербургского училища для молодых греков [9, с. 124; 10, с. 64-65]. Обилие античных мотивов в повседневной жизни, программа воспитания и, особенно, выбор имени и сюжета памятной медали ясно свидетельствовали о планах императрицы относительно роли Константина Павловича в создании новой Греческой империи. Константин должен был возглавить восточную державу, связанную братскими узами с державой северной, управляемой Александром [7, с. 35-36, с. 99].

В письме от 10 сентября 1782 г. австрийскому императору Иосифу II императрица Екатерина писала о восстановлении «древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте оного варварского владычества, конечно при направленном с моей стороны условии поставить это новое греческое государство в полную независимость от моей собственной державы, возведя на его престол младшего из моих внуков, Великого князя Константина, который в таком случае обязался бы отречься от всяких притязаний на Русский престол, так как эти два государства никогда не могут и не должны слиться под державою одного государя» [16, с. 230-291].

Эта концепция нашла отражение в искусстве. В 1781 г. по заказу Екатерины II известный английский портретист Ричард Бромптон создал «Портрет великих князей Александра и Константина». В этом произведении художник изобразил царственных потомков с милитаристскими атрибутами греческого проекта и передал символическое присутствие образа Александра Македонского - великого полководца и правителя [23, с. 63].

В поэзии идеологическую конструкцию греческого проекта показал поэт Г. Р. Державин. В 1784 г. он опубликовал оду «На приобретение Крыма», где был упомянут великий князь Константин, «которого государыня желала возвести на престол, изгнав турков из Европы, и для того обучен был греческому языку» [3, с. 255-256]. Во многих одических произведениях второй половины XVIII в. авторства Ф. С. Голицына, В. В. Петрова и др. развивалась тема особого предназначения Константина Павловича.

В 1784 г. у Павла Петровича и Марии Федоровны родилась дочь. И Екатерина, последовательно продолжая ряд своих «византийских» жестов, дала новорожденной великой княжне имя Елена [7, с. 104].

Итоги русско-турецкой войны 1768-1777 гг., заключение мирного договора и особенности европейской дипломатии той эпохи привели Екатерину II и ее приближенных к пониманию того, что чрезвычайно амбициозный греческий проект невозможно было осуществить в его изначальных масштабах. Грандиозная цель проекта, диктуемая стремлением водрузить крест над собором Святой Софии и построить «новую Византию», была заменена присоединением Крыма и части Кубанских земель.

Впрочем, для большинства окружающих замена была не явной, так как происходившее по-прежнему прямо демонстрировало планы императрицы по восстановлению Византийской империи и запуску механизмы семантической памяти. Предшественники Екатерины неоднократно использовали символическое присвоение византийских атрибутов: женитьба великого князя Ивана III на последней представительнице рода византийских императоров – Софье Палеолог; «шапка Мономаха», значение которой было переосмыслено в контексте концепции «Москва – Третий Рим» [21, с. 77]; «крест Константинов», приобретенный в правление Алексея Михайловича. Неоспоримое семантическое перенесение было осуществлено при строительстве в 1788 г. в городке София Вознесенского собора, который должен был напоминать Софийский собор в Константинополе [1, с. 172]. Английский посол Джеймс Харрис писал о том, что Екатерина «строит в Царском Селе город, который будет называться Константинополем» [15, с. 154].

8 апреля 1783 г. Екатериной был подписан тайный манифест о присоединении Крыма. Полуостров в Северном Причерноморье издавна являлся одним из наиболее значимых этнокультурных символов в русском национальном сознании [1, с. 166, 168]. Завоевание греческой Корсуни киевским князем Владимиром Святославичем, его крещение и женитьба на византийской царевне Анне положили начало христианизации Руси. Особый сакральный статус приобретенной территории подчеркивал Г. А. Потемкин в письме императрице: «Таврический Херсон — источник нашего христианства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое» [4, с. 180].

Еще до покорения Крыма были сделаны шаги по созданию «новой Эллады». По заключении Кючук-Кайнарджийского мира на присоединенных землях в 1778 г. был заложен Херсон, который был призван напоминать о Херсонесе Таврическом.

В финале поэмы 1787 г. «Владимир Возрожденный» М. М. Херасков описывает покорение Крыма войсками Екатерины, которые возвращают «российский Вифлеем, <...> древний град Херсон» [22, с. 244].

Помимо следов христианской Византии Крым хранил и античное наследие Древней Греции. Результатом колонизационных усилий ионийских греков стали города в восточной части полуострова Пантикапей [8, с. 16-18] и Феодосия [2, с. 5-6]. По мегарской колонизационной модели были основаны Фанагория на азиатской стороне Керченского пролива [8, с. 27-36] и Херсонес Таврический на юго-западе Крыма [20, с. 257-258.]. Таким образом, приобретая полуостров, Россия становилась сопричастной эллинистической культуре.

После успешной крымской кампании Г. А. Потемкин стал губернатором новообразованной Таврической губернии. В энергичной административной деятельности Светлейшего князя особое место отводилось изменению крымской топонимики. Племянник графа, а также его сотрудник и биограф, генерал А. Н. Самойлов писал, что в рамках этих преобразований турецкие и татарские города и поселения получали греческие наименования: Крым был назван Тавридой, окрестности древнего Херсонеса Севастополем, Ахт Мечеть Симферополем, Кафа Феодосией, Гезлев Евпаторией, Еникале Пантикапеем, Тамань Фанагорией. Восстановленные древние античные названия, а также номинативные шедевры, в переводе с греческого означавшие: Севастополь — «августейший город», Симферополь — «город пользы» и Евпатория — «благородная» — были призваны поражать «умы блистательностью деяний великия Екатерины, чтоб отрясть и истребить воспоминание о варварах» [18, 1015].

В «Путешествиях по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году» П. И. Сумароков пишет: «В 1783 году Россия обратила взор на древнее свое завоевание, и Таврида, претерпевшая толикие над собою превратности, приобщилась наконец под ее державу и составляет ныне прелестную оной область» [19, с. 305–306].

Т. С. Мальгин в «Зерцале Российских Государей» показывает, что Екатерина «Крым или Херсон Таврический <...> очистив и покорив державе своей, обновила древнее святилище с великою пользою. Там Великий Владимир веру в Христа торжествующую приял, а великая Екатерина попорченную воздвигла и обновила» [14, с. 142].

Таким образом, Российская империя возвратила свою древнюю святыню, провела тотальное переименование, придавая крымским землям греческий облик, и тем самым вновь обрела собственную веру и историю [7, с. 102]. В то же время были «освобождены» и «присвоены» Константинополь и Византия, так как во второй половине XVIII века Крым являлся их полноценной символической заменой [1, с. 167].

Вступление Крыма в состав Российской Федерации в марте 2014 г. продемонстрировало устойчивость представлений о том, что обладание Крымом являет собой смысл и венец цивилизационной миссии России. На протяжении уже более 200 лет в «культурной памяти» россиян хранится идея об особом «смысловом» пространстве Таврического полуострова [1, с. 172] как «первоисточнике» русского православия и территории когда-то принадлежавшей античному миру.

Как мы постарались показать греческий проект определял не только внешнеполитический курс Российской империи в последней четверти XVIII в., но и являлся основной концепцией культурной жизни страны. Несмотря на то, что в современной историографии преобладают исследования исключительно политических аспектов «восточной стратегии» Екатерины II и графа Г. А. Потемкина, на наш взгляд символическое измерение проекта является одним из решающих для оценки исторического значения греческого проекта.

Список литературы

1. Гончарова, О. М. Крым в русской истории и этнокультурном сознании (XI-XVIII века) / О. М. Гончарова // Вестник Герценовского ун-та. - 2014. - Вып. 3-4. - С. 166-176.
2. Город двадцати пяти веков: сб. ст. / сост. П.А. Дегтярев. – Симферополь: Крым, 1971. – 287 с.
3. Державин, Г. Р. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1984. - 400 с.
4. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. – 311 с.
5. Жуков, К. А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв. / К. А. Жуков // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 13 (Востоковедение. Африканистика). – 2009. - Вып. 2. – С. 10-22.
6. Задохин, А. Г. Национальные ценности во внешней политике России в конце XX столетия / А. Г. Задохин // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2001. - Вып. 1. – С. 31-41.
7. Зорин, А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII - первой трети XIX века / А. Зорин. - М.: Новое литературное обозрение, 2001. - 416 с.
8. Зубарь, В. М. На берегах Боспора Киммерийского / В. М. Зубарь, А. С. Русяева. - Киев: Изд. дом «Стилос», 2004. - 239 с.
9. Карцов, А. С. Русский консерватизм во внешнеполитических взглядах Ф.И. Тютчева / А. С. Карцов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6 (Политология. Международные отношения). – 2006. - Вып. 3. – С. 121-129.
10. Коршунова, Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» / Н. Коршунова // Вестник Челябинского ун-та. - 2003. - Вып. 1. - Т. 10. - С. 62-68.
11. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: сб. архивных документов. - М.: Русская книга, 1992. - С. 78–82.
12. Литвин, Т. А. «Греческий проект» Екатерины II и стиль *goût grec* в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в. Т. А. Литвин // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 15 (Искусствоведение). – 2013. - Вып. 4. – С. 110-120.
13. Литвин, Т. А. Образ античного треножника в русском декоративно-прикладном искусстве второй половины XVIII века / Т. А. Литвин // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 15 (Искусствоведение). – 2012. - Вып. 4. – С. 245-260.
14. Мальгин, Т. Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования и кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями / Т. Мальгин. - СПб., 1789. - 145 с.
15. Мальсбюри, Г. Дж. Лорд Мальсбюри о России в царствование Екатерины II / Г. Дж. Мальсбюри // Русский архив. - 1874. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 143–186.
16. Переписка Екатерины Великой с Германским императором Иосифом II (1774-1780) // Русский Архив. - 1880. - Кн. 1. - С. 230-291.
17. Пыляев, М. И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. – СПб.: Паритет, 2003. – 655 с.: ил.
18. Самойлов, А. Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического / А. Н. Самойлов // Русский архив. - 1867. - Вып. 4, 7, 10, 12.
19. Сумароков, П. Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех мест // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / П. Сумароков. - М., 1990. - С. 290–391.
20. Тюменев, А. И. Херсонесские этюды. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса / А. И. Тюменев. - ВДИ, 1938. - № 2. - С. 257-258.
21. Успенский, Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов Б. А. Успенский. – М.: «Языки русской культуры», 2000. - 144с.
22. Херасков, М. М. Владимир Возрожденный // Эпические творения Михайла Хераскова. В 2 т. Т. 2 / М. М. Херасков. - М., 1787. - С. 9–244.
23. Чиглинец, Е. А. Рецепция мифа об Александре Македонском в современном массовом сознании / Е. А. Чиглинец // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. Вып. 1. - Т. 150. – С. 54-64.

Статья поступила в редакцию 2.06.2017

Shimbereva, E. V. Symbolic language of onomastics in the «Greek Project» of Catherine the Great and Grigory Potemkin

The study is devoted to the semantics of proper names and toponyms used in the religious, political and cultural ideology of Russia in the last quarter of the 18th century, better known as the "Greek Project". The concept, the main ideologists of which were the Empress Catherine II and Count Potemkin, assumed the conquest of Constantinople and the creation of an updated Byzantine Empire under the aegis of Russia.

The main ideological figure of the "eastern strategy" was the Grand Duke Constantine, whom Catherine II was preparing to manage the revived Greek Empire. From his birth Constantine was among the Greeks and mastered the Greek language. The theme of his special predestination was widely reflected in art.

A special attention in the article is paid to the process of changing the Crimean toponymy. The significance of these measures is revealed within the framework of the Hellenization of the annexed territories of Crimea.

Despite the fact that Catherine the Great failed to achieve the central and most difficult goal of the Greek Project - the conquest of Constantinople, in the minds of the Russian people the acquisition of Crimea, the center of Russian Christianization, became a symbolic conquest of the Byzantine heritage.

The implementation of the Greek Project formed the basis of the national ideology, which finally formed the image of the "ancient and great Russian Empire" in Russian and European consciousness. The author sought to show how important a symbolic dimension is for assessing the historical significance of the Greek Project.

Keywords: Russia, Catherine II, Grigory Potemkin, Greek Project, Byzantium, Constantinople.

УДК 94 (477.62):281.93:316.7

Рассматривается проблема влияния Православной Церкви на культуру Донецкой области в 1988-2004 гг. Обосновывается идея о том, что после затяжного периода атеистической политики в государстве начинается постепенное возрождение социокультурной функции религии в обществе. Особое внимание уделено культурным мероприятиям, которые проводились под эгидой Православной Церкви: конкурсы, фестивали, выставки и др.

Ключевые слова: православие, культура, Донецкая область

Л. П. Ландик, аспирант

Донецкого национального университета

E-mail: lplandik@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА КУЛЬТУРУ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (1988-2004 гг.)

Культура никак не может оказаться вне зоны влияния православной церкви, поэтому неудивительно, что мы видим такие строки в «Основах социальной концепции православной церкви» в 2000 году: «Отцы и учителя Церкви подчеркивали изначальное божественное происхождение культуры» [4]. Поэтому вполне логичным является тот факт, что Церковь довольно активно принимает участие в культурных событиях в период с 1988 по 2004 годы. Кроме того, культура непосредственно в Донецкой области очень долго оставалась вне сферы влияния православия, оставаясь только светской, поэтому, когда такая возможность появилась (в связи с принятием «Закона о свободе совести»), то Церковь начала восстанавливать свое утраченное в годы советской власти влияние.

Историографическая база по данному вопросу является довольно ограниченной, так как не существует специальных работ, посвященных данному вопросу. Поэтому данная статья базируется, в первую очередь, на документах Государственного архива Донецкой Народной Республики (ГАДНР) и средствах массовой информации, выпускаемых Православной Церковью.

При этом роль культуры в современном обществе находится на довольно высоком уровне: «Культурные традиции помогают сохранению и умножению духовного наследия в стремительно меняющемся мире. Это относится к разным видам творчества: литературе, изобразительному искусству, музыке, архитектуре, театру, кино» [4]. Таким образом, именно культуре отводится одна из главных ролей в сохранении духовности в обществе. И Православная Церковь признает все сферы современной культуры и не против сотрудничества со светскими жанрами также. Но есть определенные исключения: «Если творчество способствует нравственному и духовному преображению личности, Церковь благословляет его. Если же культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловечной, превращается в антикультуру, то Церковь противостоит ей. Однако подобное противостояние не является борьбой с носителями этой культуры» [4]. Таким образом, даже выступая против какого-либо направления или жанра в культуре, Православная Церковь не ставит целью борьбу с отдельными личностями, что еще раз подчеркивает гуманистический и позитивный характер влияния Церкви на культуру.

Однако 1990-е годы прошли под знаком широкого проникновения массовой культуры (очень часто довольно низкого качества) в общественное сознание и быт население всего СНГ. На Архиерейских соборах РПЦ неоднократно заявлялось о ее пагубном влиянии на духовное состояние общества.

Уже в 1990-е годы особую актуальность приобретает проблема «искусство и религия». «Для искусства становится все более свойственно использование религиозных образов и сюжетов, чем в советский период. Наблюдалось также бурное развитие чисто церковного искусства. Быстрыми темпами происходило строительство новых храмов, для росписей которых привлекалось большое количество художников, а для непосредственно строительства – архитекторов. Возрождаются иконописные традиции. Создаются школы, мастерские, которые занимаются написанием икон. Происходит возрождение и духовной музыки, в связи с чем создаются хоры в храмах монастырях и учебных заведениях» [6, с.12]. Такой бурный всплеск объясняется особенностями предыдущего периода, который характеризовался политикой атеизма и запретом на взаимодействие культуры и религии.

В 90-е годы XX века такой запрет был окончательно снят и появилась свобода для установления новых культурных взаимосвязей. Происходит возрождение церковной архитектуры в связи со

строительством большого количества новых храмов в области. Так, с 1996 по 2004 год число культовых зданий православной церкви увеличивается в 2 раза, что в свою очередь влекло за собой улучшение техники строительства храмов, так как был приобретен определенный опыт.

Особенно примечательным является история строительства Свято-Преображенского храма (автор проекта – донецкий архитектор В. Ануфриенко) – одного из главных храмов православной церкви в Донецкой области. После долгих переговоров с местными органами власти 27 февраля 1993 года в сквере им. Горького Преосвященнейший Епископ Ипполит освятил место строительства Свято-Преображенского собора, где был заложен камень. И осенью того же года началось строительство маленькой церкви-часовни на этом месте, которая была открыта в 1994 году. Однако на этом все и закончилось. Пришлось приложить немало усилий для того, чтобы идея постройки храма была реализована. Только в октябре 2004 году митрополит Донецкий и Мариупольский Иларион совершил чин освящения нижнего храма еще строящегося Спасо-Преображенского кафедрального собора, однако это еще не знаменовало собой окончание строительства. Таким образом, в рамках рассматриваемого периода Спасо-Преображенский кафедральный собор так и не был полностью возведен и закончен.

В 1998 году появилась информация о намерении снять фильм о событиях двухвековой давности, связанных с переселением греков с Крыма в Приазовье. Идея этого проекта возникла у группы тележурналистов, ведущих программу «Православные» на мариупольском телевидении. Главным героем картины стал митрополит Игнатий [2]. Таким образом, такую отрасль культуры как кино тоже пытались использовать в качестве налаживания духовного климата в обществе.

С 1999 по 2002 год в регионе проходил фестиваль «Золотой скиф», в рамках которого проводились мероприятия, направленные на популяризацию православной культуры и православных ценностей. Так, в рамках фестиваля, в 2000 году произошла презентация издания-фотоальбома «Донбасс православный», в 2001 году – установка скульптуры Архангела Михаила, в 2002 году – открытие статуи Архистратига Михаила с огненным мечом в деснице у Свято-Преображенского кафедрального собора и т.д.

В конце 90-х годов шла довольно активная подготовка к празднованию 2000-летия Рождества Христова. В связи с этим в Донецкой области планировалось большое количество культурных событий и мероприятий: открытие памятного знака в честь этого выдающегося события, а также готовился к проведению детский литературный конкурс «Христос в моем сердце» и т.д. Финансы, как всегда, тормозили эту подготовку, однако все это было реализовано [7, с.3]. Тем не менее, Управление культуры организовало и провело цикл юбилейных концертов, тематических показов спектаклей, посвященных 2000-летию Рождества Христова, а также книжные выставки, дискуссии, христианские диалоги, вечера-встречи с религиозными деятелями, уроки духовности, тематические вечера, читательские конференции. Постоянно функционировала в краеведческом музее экспозиция на тему: «История христианства в Донбассе». Была организована выставка-конкурс «Библейские мотивы в картинах современных художников» [3].

Кроме того, в 2000 году в Донецкой области проходил конкурс для детей под названием «Збудуємо храм любові», посвященный 2000-летию Рождества Христова. Организаторами конкурса были Донецкое епархиальное управление УПЦ, областной учебно-методический центр культуры, областной художественный музей, Донецкое художественное училище и Донецкая базовая художественная школа. Тематами конкурсных работ были: библейские сюжеты, Евангельские заповеди, современная духовная жизнь человечества. В конкурсе приняло участие около 400 детей, а финальный этап проходил в Святогорье [5, с.7].

В этом же 2000 году была открыта первая литературно-просветительская гостиная в Донецке при городском дворце культуры в Калининском районе, где также была организована библиотека православной литературы, книжный фонд которой обеспечила городская женская организация «Дія», руководителем которой являлась Ольга Аникушина, она же стала инициатором создания православного духовного клуба в Донецке. Первое заседание прошло в октябре 2000 года под названием «Доброго держись, или Об истинной церкви». В обсуждении приняли участие священнослужители Донецкой епархии о. Андрей (Коваленко), о. Игорь (Кононенко) из Донецка и о. Никита (Панасюк) из Докучаевска. Среди слушателей преобладала студенческая молодежь. Диалог велся вокруг вопросов смысла жизни, распространения сектантства, гордыне ума и т.п. Такие встречи носили постоянный характер и проводились дважды в месяц.

В библиотеке православной литературы была собрана достаточно большая коллекция: аудио- и видео-кассеты, подшивки газет «Донбасс православный», «Десятина», «Русь державная», журналы «Спасите наши души», «Свет Рождества», книги по основам православия, молитвословы, акафисты,

жития святых, учебники по Закону Божьему, пособия соответствующей тематики. Количество постоянных читателей составило около 400 человек.

Музеи Донецкой области также принимали активное участие в популяризации православной культуры и привлечении внимания к православным датам и важным событиям. Так, в 2001 году в Донецком областном краеведческом музее открылась выставка, посвященная празднику Пасхи. В экспозиции были представлены: формы для выпекания пасхальных куличей, кресты, облачения епископа XIX века, пасхальные открытки начала XX века и др.

Кроме того, к этому же событию была приурочена выставка икон и фотографий в первой православной библиотеке Донецка под названием «Торжество православия». На выставке были представлены работы иконописцев Татьяны Русиновой, Андрея Чибисова и Сергея Новикова, фотографии Олега Дзюбы.

Краеведческий музей довольно часто организовывал мероприятия, посвященные православным праздникам. В частности, проводились утренники для детей в честь дня Святого Николая.

К празднику Рождества Христова в Макеевском городском художественно-краеведческом музее открылась выставка мастеров Ольги и Сергея Поповых. В экспозиции были представлены иконы святых – Сергия Радонежского, Александра Невского, Матери Божией Игоровской, а также отлитые из бронзы и латуни подсвечники, лампы.

В музее истории и этнографии греков Приазовья в поселке Сартана также была открыта выставка «Дивен Бог во своих святых», авторами которых являлись участники творческого объединения художников и народных умельцев «Вдохновение» (руководитель Р. Кислючаева). В экспозиции были представлены соборы, часовни, монастыри, колокольни – графические работы художника Ю. Федорова. Мастер резьбы по дереву В. Червяков украсил выставку резными иконами, среди которых «Святой Георгий Победоносец», который считается покровителем Сартаны. Кроме того, были представлены и вышитые работы – Л. Ляшенко «Рождение Христа», «Рождественская ночь».

В 2002 году произошло одно из важнейших событий в культурной жизни Донецкой области – Первый Всеукраинский фестиваль хорового православного пения «Певческий Собор на Святых Горах», который открылся в городе-курорте Славянгорске Донецкой области 12 сентября. В фестивале участвовали лучшие хоровые коллективы: муниципальные камерные хоры «Киев» и «Крещатик»; женский хор Луганского колледжа искусств «Благовест»; мужской квартет «Сретенье» из Харькова, хор мальчиков и юношей Национальной музыкальной академии Украины им. П. Чайковского (г. Киев) и др. [1] В стенах Святогорского монастыря звучала православная музыка украинских и российских композиторов прошлых эпох, лучшие сочинения наших современников. Кроме того, в рамках фестиваля прошли «круглые столы» ведущих деятелей отечественного хорового искусства. Данный фестиваль стал ежегодным событием, что доказывает еще раз огромный интерес к православной культуре со стороны профессионалов в сфере музыкального искусства и обычных людей.

2003 год также ознаменовал собой проведение целого ряда выставок на православную тематику. В частности, «Україна духовна», на которой свои лучшие работы представили 12 художников со всей Украины. Так, Алексей Малинко и Алена Плесовская представили свои иконы «Спаситель» и «Острображская Пресвятая Богородица». Кроме того, прошла выставка, посвященная 50-летию краснолиманского художника Николая Корягина, где были выставлены такие его работы, как: «Вознесенский храм» и портреты монашествующих в Святых горах.

Епархиальный духовно-просветительский центр во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, ставший своеобразным центром распространения православной культуры в регионе, планировал провести работу с 2003 по 2005 год по таким направлениям:

- молитвенная комната при Центре;
- образцовая детская воскресная школа;
- сеть кружков на базе ДК металлургов для детей и подростков;
- летний православный лагерь для детей;
- методический кабинет (епархиального уровня);
- библиотека духовной литературы и методических материалов;
- видеотека православных фильмов;
- работа с приходскими воскресными школами и с педагогами светских учебных заведений;
- работа с родителями и семьями;
- противосектантская работа;
- краеведческая работа;
- духовно-просветительская работа с населением города;

- выставочный зал для экспозиций работ православных художников, выставок рисунков детей воскресных школ;
- проведение пасхальных и др. ярмарок с продажей изделий, изготовленных в монастырях и приходах епархии;
- духовно-просветительская работа с обществом слепых;
- издание православных журналов и сотрудничество со светскими СМИ.

В 2003 году произошло еще одно важное событие - город Мариуполь готовился к празднованию 225-летия со дня своего образования. Город был основан святителем Игнатием, митрополитом Мариупольским, который был канонизирован. Чин канонизации был совершен 15 ноября 1998 года в Свято-Николаевском соборе Предстоятелем УПЦ Блаженнейшим Митрополитом Киевским и всея Украины в сослужении митрополита Одесского и Измаильского Агафангела, архиепископа Луганского и Старобельского Иоанникия, архиепископа Ровенского и Острожского Варфоломея, архиепископа Донецкого и Мариупольского Илариона, епископа Херсонского и Таврического Иова, и епископа Алипия.

По инициативе мэра города Юрия Хотлубея юбилейные торжества были намечены на середину сентября. В праздничных мероприятиях приняли участие общественные организации региона, предприятия города, в том числе металлургический комбинат «Азовсталь», морское пароходство, речной порт, а также священнослужители УПЦ. Празднование проходило под девизом «Мариуполь православный».

Донецкими краеведами, историками и богословами был подготовлен цикл лекций об истории Православия в Приазовье. Кроме того, прошел показ фильма «Мариупольская мистерия», рассказывающего о старинных храмах, разрушенных большевиками в годы тоталитарного режима. Управление внутренней политики, информации и образования провели конференции по истории Православия, которые прошли в вузах города. Был разработан эскиз юбилейной медали, которой в дальнейшем после ее выпуска были награждены все архиереи, участвовавшие в канонизации святителя Игнатия, а также видные ученые, представители федерации греков в Украине и священнослужители епархии. На торжества были приглашены священники из Греции. Накануне дня города в здании драматического театра состоялся торжественный вечер, на котором хор Свято-Николаевского кафедрального собора дал концерт духовной музыки. В день юбилея, 14 сентября, была отслужена Божественная литургия, которую возглавил Предстоятель УПЦ Блаженнейший Митрополит Владимир.

И как своеобразный итог прошедшего периода 2004 года был объявлен годом духовности в Донецкой области.

25-27 марта 2004 года в Донецкой торгово-промышленной палате прошла специализированная выставка «Искусство Донбасса. Пасхальный вернисаж 2004». Основными разделами выставки были: «Живопись», «Графика», «Скульптура», «Декоративно-прикладное искусство», «Фотоискусство», «Дизайн», причем авторами работ являлись разновозрастные художники – от детей до признанных корифеев в своей отрасли.

10 апреля 2004 года в Славянске в городском краеведческом музее была открыта художественно-этнографическая выставка «Пасхалия», которая состояла из нескольких разделов: первый – рассказывал о жизни Иисуса Христа, другие демонстрировали церковную литературу и культовые предметы. Было представлено множество фотографий и листовок с видами церквей Славянска и Святогорска.

В сентябре 2004 года в Донбассе в Доме работников культуры была открыта выставка работ фотохудожника Михаила Полтавского «Лавра – тихая пристань человеческих душ». На ней были представлены фотографии Свято-Успенской Киево-Печерской, Свято-Успенской Почаевской, Святогорской Свято-Успенской лавр. Организаторами выставки были отдел культуры Донецкого городского совета, областной благотворительный фонд «Арка», Дом работников культуры г. Донецка [8].

Таким образом, источники свидетельствуют о том, что в период с 1988 по 2004 год идет постепенное установление связей между православной и светской культурой, что также проявилось и в Донецкой области. Начинается активный процесс строительства новых и реставрация старых храмов, создание просветительских обществ, проведения выставок и конкурсов, посвященных религиозным событиям и т.п. Идейными организаторами этих мероприятий, выступали как православные священники, так и светские люди. Однако после празднования 1000-летия крещения Руси наблюдается некое затишье в культурных событиях, связанных с Православной Церковью, а бурный всплеск активности характерен для конца 90-х – начала 2000-х годов. Это совпало по времени с проведением

фестиваля «Золотой скиф», культурными событиями, посвященными празднованию 2000-летию Рождества Христова, выставками в краеведческом и художественном музеях Донецка, Макеевки, Сартаны, Мариуполя, открытием первого «Певческого Собора на Святых горах» и др. Определенный перерыв в 90-е годы объясняется тем, что Церковь вынуждена была считаться с изменившимися реалиями и формировать новый подход к взаимоотношениям с обществом в целом: были поставлены задачи борьбы с секуляризмом и проведения христианизации культуры, а глобальной целью стало формирование коллективной идентичности на базе православных ценностей. Причем сместился акцент деятельности Церкви в пользу регионов, что повысило интерес к ее деятельности в Донецкой области в том числе.

Список литературы

1. В Славяногорске открылся первый фестиваль хорового православного пения // Credo.ru : сайт. - URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=2684> (дата обращения 31.01.2017).
2. ГАДНР (Государственный архив ДНР). Ф. 4021, Оп.1, Д. 653. Л. 24.
3. ГАДНР. Ф. 4021, Оп.1, Д. 665. Л.15.
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви : сайт. - URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 03.01.2017).
5. «Построим храм любви» // Донбасс православный. - 2000. - №7 (июнь). - С.7.
6. Прокопчук, Л. В. Трансформаційні процеси в православних конфесіях України в 90-ті роки XX ст. : автореф. дис ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Л. В. Прокопчук ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2005. — 17 с.
7. «События 200-летней давности в Приазовье воссоздаст телефильм» // Донбасс православный». - 1998. - № 9 (август). - С.3.
8. Церковь и общество // Украина православная. - 2003. - Вестник №25. - URL: http://pravoslavnye.org.ua/2003/08/tserkov_i_obshchestvo_12/ (дата обращения 12.02.2017)

Статья поступила в редакцию 4.05.2017

Landik, L. P. *The impact of the Orthodox Church on the culture of the Donetsk region (1988-2004)*

This article discusses the problem of the influence of the Orthodox Church on the culture of the Donetsk region in 1988-2004. It substantiates the idea that after a long period of atheistic policy in the state begins a gradual revival of the social and cultural function of religion in society. Particular attention is paid to cultural activities, which were conducted under the auspices of the Orthodox Church: contests, festivals, exhibitions and others.

Key words: Orthodoxy, culture, Donetsk region

* * *

УДК 32.019.52

Представлены результаты комплексного прикладного исследования количественных и качественных характеристик образа исторического прошлого России в представлениях студентов вузов Крыма и Севастополя. Проанализированы представления крымской и севастопольской студенческой молодежи об истории России; смысловое и эмоциональное наполнение государственной символики в представлениях целевой аудитории; историческая субъектность студенческой молодежи Крыма и Севастополя (восприятие ими себя творцами истории, информационные потоки о «Русской весне» в социальных сетях); национально-государственная идентичность крымской и севастопольской студенческой молодежи.

Ключевые слова: образ прошлого страны, историческая субъектность, национально-государственная идентичность, студенческая молодежь, киберметрия, опрос, дискурс-анализ.

Е. В. Бродовская, доцент, д-р полит. наук

Московский педагогический государственный университет

E-mail: brodovskaya@inbox.ru

А. Ю. Домбровская, д-р социол. наук

Московский педагогический государственный университет

E-mail: an-doc@yandex.ru

Д. Н. Карзубов, аспирант

Московский педагогический государственный университет

E-mail: karzubovdn@gmail.com

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Воссоединение Крыма с Россией, создание новых субъектов РФ актуализируют процессы формирования национально-государственной идентичности, восстановления исторической памяти, укрепления культуры межнационального согласия, предотвращения мобилизации неконструктивной протестной активности в молодежной среде полуострова. На протяжении украинского периода развития Крыма наблюдались тенденции эскалации и фальсификации истории, лимитирования социокультурного пространства русского языка и российской культуры, в том числе посредством системы образования и ее гуманитарной составляющей. В этих условиях поколение молодых крымчан, социализировавшихся в украинских школах, испытывают кризис идентичности, проблемы с формированием позитивного образа исторического прошлого России, что имеет тенденцию к усилению в неблагоприятной экономической ситуации.

Актуальным в этой связи представляется комплексное изучение когнитивных и аффективных составляющих образа исторического прошлого России в представлениях крымских и севастопольских студентов.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют базовые положения ученых, изучающих феномен исторического прошлого в сознании различных социальных групп [7-10, 12]. В соответствии с концепцией Е. А. Приходько и С. О. Лебедевой [11], историческая память рассматривается нами как явление, означающее, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях – событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы. Историческая память непосредственно

¹ Исследование реализовано при поддержке гранта Института социально-экономических и политических исследований № Г-224-3/15 от «20» января 2016 г. «Образ России в представлениях преподавателей социальных и гуманитарных наук вузов Крыма».

взаимосвязана с формированием национально-государственной идентичности личности. Этот феномен изучается нами как фрагмент политического сознания, структурируемый посредством поиска баланса трех составляющих:

1. Глубинных компонентов политико-культурной «матрицы» (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой принадлежности и т.д.).

2. Культурно-символических компонентов (доминирующие в обществе ценности и образы, символическое пространство, совокупность ключевых маркеров самоидентификации).

3. Конструируемых компонентов (возможность государства как центрального института политической системы воздействовать через идеологию и проводимую информационную политику на идентификационный выбор и паттерны политического самосознания граждан) [1-6, 13].

Эмпирическая модель исследования включала следующие методы сбора и анализа информации, позволившие всестороннее изучить предмет:

- массовый опрос 1100 студентов из всех городов Крыма и из Севастополя (выборка репрезентативна по полу, профилю, году обучения и месту жительства) позволил аккумулировать данные о структуре образа исторического прошлого России в представлениях респондентов;

- глубинное интервью с 30 студентами крымских и севастопольских вузов (в выборке представлены все гендерные группы студентов из всех вузов – объектов исследования) обеспечило понимание субъективных смыслов, вкладываемых респондентами в образ исторического прошлого России;

- киберметрический анализ социально-медийных сообщений об отношении к присоединению Крыма к России (1 млн. сообщений выгружен с помощью онлайн сервиса для мониторинга социальных сетей IQBuzz из 10 социальных сетей и микроблогов за период с 01.03.2014 г. по 01.03.2016 г.) позволил сегментировать информационные потоки о воссоединении Крыма и России, определить удельный вес сообщений, содержащих позитивную и негативную оценку событий «Русской весны» в Крыму;

- анализ графов социальных сетей, выполненный с помощью специального сервиса, измеряющего силу связей внутри и между группами в социальных сетях (выявлены связи внутри и между 8 группами в социальной сети «В Контакте»);

- дискурсивный анализ 500 наиболее содержательных сообщений социальных сетей Рунета из информационных потоков о воссоединении Крыма и России обеспечил типологизацию сообщений двух противоположных информационных потоков, определение их семантической специфики.

Результаты исследования отразим в следующей последовательности блоков исследования:

- представления студенческой молодежи Крыма и Севастополя об истории России;

- смысловое и эмоциональное наполнение государственной символики в представлениях студенческой молодежи Крыма и Севастополя;

- историческая субъектность студенческой молодежи Крыма и Севастополя (восприятие ими себя творцами истории, информационные потоки о «Русской весне» в социально-медийных сообщениях);

- национально-государственная идентичность студенческой молодежи Крыма и Севастополя.

Представления об истории России целевой аудитории исследования имеют количественные и качественные измерения. В рамках массового анкетирования количественными показателями данного признака служили ответы респондентов на открытый вопрос: «Какие события Вы считаете ключевыми в истории России?» В целом характеризуя результаты, отметим, что представления об историческом прошлом России студентов вузов Крыма и Севастополя довольно близки. Оценивая исторический период, охватывающий XV и XVI вв., крымчане и севастопольцы назвали довольно не много событий и упомянули такие из них, как образование российского государства и расширение территории страны, правление Ивана Грозного, освобождение Руси от татаро-монгольского ига. Интересен тот факт, что интенсивность упоминания самых значимых событий студентами Крыма несколько более высокая в сравнении с аналогичным показателем севастопольских студентов. Так, наиболее весомое в ответах обеих территориальных групп освобождение от татаро-монгольского ига названо 7,9 % крымчан и лишь 5,7 % севастопольцев. Похожая ситуация с правлением Ивана Грозного, упомянутого 6,8 % крымских студентов и только 4,5 % севастопольских респондентов. Учитывая высокую точность выборочной совокупности, погрешность которой – не более 0,1 %, эту разницу в ответах студентов следует признать статистически значимой. Этот и последующие анализируемые вопросы об историческом прошлом страны являются инструментом измерения когнитивной составляющей процесса ресоциализации крымских и севастопольских студентов. Рассмотренное распределение

свидетельствует о несколько более сформированной когнитивной компоненте ресоциализации студентов крымских вузов.

Аналогичные результаты получены и в отношении знаний об истории России XVII века. Три наиболее заметных, по мнению респондентов, события: восхождение на престол династии Романовых, «Смутное время» и начало правления Петра Великого наиболее интенсивно называли крымчане. Вместе с тем, в отношении такого события, как «Смутное время» севастопольцы были чуть более активны: 6,1 % против 4,9 %. Из истории XVIII века студенты обеих территориальных групп вспомнили реформы Петра I, присоединение Крыма к России, правление Екатерины II. Частота упоминания этих событий крымчанами и севастопольцами наиболее дифференцированная. Так, правление Петра I в существенной степени ценят 12,8 % крымских студентов и только 8,1 % севастопольцев, зато правление Екатерины II принципиально важно для несколько большей части севастопольцев – 6,1 % против 5,7 %. О том, что именно в XVIII веке Крым был присоединен к России вспомнили и маркировали как значимое событие 7,2 % крымчан и немного меньше севастопольцев – 5,3 %.

Некоторые события XIX века смогли воспроизвести около трети всех территориальных групп опрошенных. Севастопольцы чуть интенсивнее упоминали отмену крепостного права (15,2 % против 14,2 %), Отечественная война 1812 года маркирована как важное событие практически равным количеством крымчан и севастопольцев – 10,5 % и 10,9 % соответственно. Вместе с тем, Крымская война вновь была более интенсивно упомянута студентами крымских вузов (5,3 % против 2,2 %).

Более существенная доля респондентов вузов Крыма и Севастополя ориентируется в ключевых событиях XX века. Представления о событиях этого века коренным образом меняют ситуацию с интенсивностью упоминания студентами – севастопольцами исторических событий. Так, Вторая Мировая война как наиболее весомое событие XX века названа 41,3 % студентов вузов Севастополя. Среди крымских студентов, упомянувших эту войну как значимое событие, лишь 33,6 %. Второе событие по частоте упоминания обеими территориальными группами – образование и распад СССР. Его называют 15,5 % крымчан и чуть меньше севастопольцев – 12,6 %. То же самое и с Первой Мировой войной – ее чуть чаще называют вновь крымчане (10,9 % против 9,7 %). Революция 1917 года вновь несколько важнее для крымчан (13,2 % против 8,5 %) – рис. 1.

Рис. 1. Ключевые события истории России XX века в представлениях Крымской и Севастопольской студенческой молодежи, в %.

Такое относительно нечастое упоминание образования и распада СССР нельзя интерпретировать в отрыве от результатов глубинных интервью. Согласно этим качественным данным, история СССР занимала центральное место в интервью, даваемых студентами вузов Крыма и Севастополя. По сути,

Вторая Мировая война, Великая Отечественная война и история СССР составляли единое семантическое поле большинства интервью, поскольку рассуждения об этих событиях были взаимосвязаны в смысловом и содержательном отношениях:

«Существование СССР – это действительно великое прошлое России, только СССР мог победить во Второй Мировой войне и в Великой Отечественной войне, только союз дружественных соседних государств мог противостоять адской фашистской машине» (КФУ им. В.И. Вернадского, Евпатория).

«СССР – победитель двух параллельных войн XX века» (СевГУ, Севастополь).

Вообще анализ глубинных интервью студентов вузов Крыма и Севастополя позволил охарактеризовать качественные параметры их исторической памяти и связанного с ней ресоциализационного процесса. Согласно данным дискурсивного анализа транскрибов глубинных интервью, проблема состояния исторической памяти целевой аудитории исследования имеет два аспекта: когнитивная бедность, недостаточность знаний об истории России и содержательная узость знаний истории российского государства.

Вместе с тем, исследование выявило так называемый феномен «достраивания образа мало известной страны по наиболее известному периоду в ее истории». Так, согласно данным глубинных интервью со студентами, образ России и ее историческое прошлое ассоциируется с советским периодом, о котором им известно не только из школьной и вузовской программ, но и из рассказов родителей и прародителей:

«Мы всегда... с самого рождения считали Россию своей, ведь она – наследница Советского Союза, в котором жили мои родители, дедушки и бабушки... Они рассказывали об СССР с такой тоской... как о чем-то навсегда утерянном... Но они (прародители) считают Россию правопреемницей СССР, а потому – Крым через Россию вновь связан с советской историей» (СевГУ, Севастополь).

Подобные высказывания характеризуют студентов, не имеющих проблем с ресоциализацией в новых условиях, поскольку они имели опыт социализации в условиях позитивного восприятия российского государства.

Однако качественная сторона проблемы исторической памяти исследуемой группы студентов состоит и в том, что в их сознании актуализируются лишь общие сведения, далекие от действительно глубоких и системных представлений об истории России. Свидетельство тому – ответы информантов на уточняющие вопросы. К примеру, довольно часто на вопрос о значимых периодах в истории России студенты упоминают период Великой Отечественной войны, вместе с тем, любые уточнения о количестве погибших, полководцах этого периода или любые другие подробности вызывают у респондентов трудности или служат поводом для вербализации ложных представлений.

Анализ показал, что часть респондентов указывают на недостаточность своих знаний об истории российского государства и уклоняются от развернутого ответа:

«...Пока не было времени выучить историю России...» (КИПУ, Симферополь).

«Для меня Россия – пока что-то непонятное и неизвестное, а потому – опасное... неизвестно, что будет дальше» (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь).

Одной из компонент данного типа знаний, несомненно, являются представления о символах Российской Федерации.

Говоря о смысловом и эмоциональном наполнении государственной символики в представлениях анализируемой социальной общности, отметим, что символами России для опрошенных крымских и севастопольских студентов является, чаще всего, государственная символика. Заслуживает внимания тот факт, что севастопольцы почти вдвое чаще, чем крымчане, называют герб главным символом России (34,0 % и 18,1 % соответственно). Та же тенденция в распределении ответов характерна и для признания гимна как основного символа РФ: фактически вдвое больше севастопольцев указывают на гимн России как на главный символ страны (29,1 % и 7,4 % соответственно). Практически единодушны обе территориальные группы в признании символом России национального лидера – В. В. Путина (17,7 % и 16,6 % соответственно). Таким образом, при общей для всех респондентов ориентации на государственную символику, студенты Севастополя в существенно большей степени проявляют сфокусированность на значимости герба и гимна России как главных государственных символов Российской Федерации. При этом, 33,9 % в среднем по всем опрошенным смогли дать содержательную трактовку символического значения российского флага, еще 23,9 % – национального герба: независимость, величие, сила, несокрушимость. 5,3 % респондентов воспринимают символическое наполнение российского герба как демонстрацию контроля над Западом и Востоком.

Согласно данным глубинного интервью со студентами, основной акцент респондентами ставится на интерпретацию символов России с позиций ее военного прошлого. В подавляющем большинстве случаев опрошенные интерпретируют красный цвет государственного флага как символ пролитой крови за свободу российского народа. Синий цвет государственного флага означает для существенной доли респондентов военную доблесть российской армии. И даже белый цвет ассоциируется в представлениях многих студентов как символ военной истории, в частности, как символ чистоты помыслов и применения оружия только в целях защиты государства и народа. Ориентированность на военную символику также проявляется в частом упоминании таких всемирно известных символов, как автомат Калашникова, российские танки, вся российская военная авиация и в целом российское оружие.

Исключительно важным параметром изучения представлений крымских и севастопольских студентов об образе исторического прошлого России является их историческая субъектность, состоящая в восприятии себя творцами истории.

Исследование стенограмм глубинных интервью с представителями целевой аудитории показало, что их существенная часть осознает себя как активных участников исторического процесса, связанного с воссоединением Крыма и России. Эти установки выражены в таких типичных высказываниях:

«Крым вернулся на историческую родину! И мы были участниками этого события!» (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь).

«Крым вернулся в родную гавань. Мы сделали это!» (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь).

«..Все нормально, что вы переживаете, Россия – матушка не даст в обиду! Мы всё сделали правильно!» (КФУ им. В.И. Вернадского, Евпатория).

«..Мне очень приятно, как сегодня себя позиционирует Россия, я горжусь тем, что стал частью этой страны» (СевГУ, Севастополь).

«..Для меня Россия – это мощь, это перспектива» (КИБ, Симферополь).

Эти данные глубинного интервью свидетельствуют о более развитой аффективной составляющей образа исторического прошлого России в представлениях респондентов в сравнении с когнитивным измерением данного образа.

В рамках рассматриваемого направления анализа также осуществлялась содержательная оценка ценностного фона сообщений социальных медиа о воссоединении Крыма и России. Использовались два противоположных по ценностному смыслу высказывания, выражающие отношение крымских пользователей Рунета, более двух третей которых составляют представители молодого поколения, к «Русской весне». Первое словосочетание – «Крымская весна», отражающее позитивное отношение к событиям 2014 года и второе – «Крым – это не Россия», связанное с прямо противоположной оценкой «Русской весны» в Крыму.

Результаты киберметрического анализа показывают, что удельный вес сообщений, в которых используется словосочетание «Крымская весна», в значительной степени превышает объем сообщений, содержащих упоминание словосочетания «Крым – это не Россия» (см. рис. 2). Таким образом, эмоциональный фон анализируемого информационного потока имеет в целом позитивную тональность, как в оффлайновой, так и онлайн-средах.

Рис. 2. Распределение объема сообщений, в которых репрезентированы противоположные ценностные высказывания «Крымская весна» и «Крым – это не Россия» в социальных сетях Рунета в период с 01.03.2014 г. по 01.03.2016 г.

Дискурсивное поле сообщений социальных сетей следует сгруппировать в четыре кластера, три из которых относятся к позитивному типу сообщений. Сообщения первого типа имеют общий смысл, выражаемый утверждением «Россия – Родина». Наиболее типичные фрагменты сообщений данного

кластера: «Крым с Россией», «Радость воссоединения с Родной Гаванью», «Гимн России – подпевай и гордись своей страной», «Россия, с тобою весь», «Давайте поддержим Россию. Россия вперед!!!». Второй тип сообщений обозначен таким общим смыслом, как «Россия – великая держава». Показательные высказывания этого типа: «Мы являемся гражданами Великой Страны – России!», «Наш национальный лидер – Владимир Путин! Мы с Вами любим и уважаем своего Президента!», «Все бежали от России, спотыкаясь, как младенцы», «Россия – Великая Страна», «Россия – сила и мощь». Третий кластер документов – сообщения, условно объединяемые идеей: «Россия – путь в успешное будущее». Эти сообщения фокусируются на оптимистических установках в отношении перспектив Крыма в составе Российской Федерации: «Мы на Родине!», «Теперь всё будет путем!». Последний тип сообщений имеет негативный смысловой оттенок. Это документы, в которых сконцентрированы представления об отрицательных сторонах развития российского общества: «Россия – вечный круг проблем». Таким образом, смысловое наполнение позитивно ориентированных сообщений, авторами которых в большинстве своем выступают крымчане – молодые пользователи Рунета, отражающих дискурсы «Русской весны» в Крыму, значительно шире данного показателя социально-медийных документов с негативной оценкой присоединения Крыма к России.

Исследование позволило установить наиболее популярные группы в социальной сети «В Контакте», участники которых ориентированы на обсуждение вопросов, связанных с интеграцией крымчан в российское общество. В таблице 1 представлены данные об этих группах.

Таблица 1

Группы в социальной сети «В Контакте», ориентированные на обсуждение интеграции крымчан в российское общество.

Центральные темы, идеи, лозунги	Адрес	Численность группы, в абс. значениях	Численность группы, в относит. значениях (%)
«Крым и Россия. Вместе навсегда»	https://vk.com/russia_krym	30 116	47,2
«Русская весна»	https://vk.com/club57084994	6 826	10,7
«Крымская весна»	https://vk.com/za_nezavisimost	1 764	2,8
«Крым – это Россия»	https://vk.com/rossiya_i_krim_vmeste	11 273	17,7
«Оккупация Крыма» «Крым – это не Россия» «Крым – это Украина» «Захват Крыма»	https://vk.com/krym_sos	4600	7,2
	https://vk.com/club12397616	1530	2,4
	https://vk.com/uakrim	7 093	11,1
	https://vk.com/club73863472	552	0,9
Итого		63754	100

Согласно данным таблицы 1, суммарная численность участников групп, конструирующих позитивный диалог вокруг процесса интеграции крымчан в российский социум, превышает три четверти участников всех проанализированных групп (78,4 %). Объединение четырех групп, развивающих негативный дискурс, связанный с воссоединением Крыма и России, означает то, что указанные идеи и утверждения характерны в равной мере для всех данных групп.

На рисунке 3 показаны взаимосвязи между всеми группами, в которых формируется позитивный дискурс вокруг процесса интеграции Крыма в Российскую Федерацию. Эти данные свидетельствуют о существенной консолидированности пользователей, поддерживающих идеи исторической справедливости воссоединения Крыма и России на различных электронных площадках. В то же время, подобных связей не выявлено между группами, представляющими критические дискурсы в отношении вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

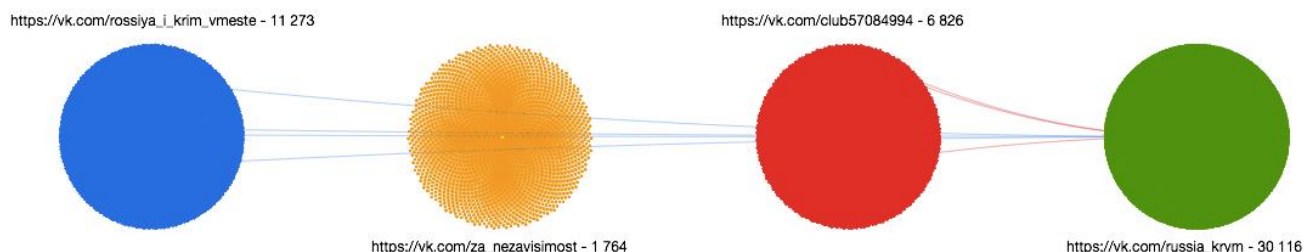

Рис. 3. Взаимосвязи между группами в социальной сети «В Контакте», конструирующими позитивный дискурс об интеграции крымчан в российский социум.

Особый исследовательский интерес вызывает структура связей внутри анализируемых групп. Как показали результаты анализа графов, схема интеракций между участниками групп, конструирующих позитивный и негативный дискурсы, довольно существенно дифференцирована. Наиболее показательными примерами специфики этих взаимосвязей служат группы <https://vk.com/club57084994>, в которой репрезентируются идеи «Русской весны» и <https://vk.com/club12397616>, которая направлена на обсуждение отрицательных сторон воссоединения Крыма и России.

На рисунке 4 показана схема взаимодействия группы <https://vk.com/club12397616>, для которой характерны идеи критического отношения к воссоединению Крыма и России. Согласно данным этого рисунка, в группе функционирует довольно большое число лидеров общественного мнения, конструирующих мнение о процессах интеграции крымчан в российское общество: 10 наиболее явных и влиятельных лидеров и 22 – пользователей, имеющих чуть меньшую пользовательскую аудиторию, но также осуществляющих воздействие на формирование мнений. Таким образом, для критически ориентированных групп характерно существование большого числа «центров» воздействия, стимулирующих обсуждение различных негативных сторон интеграции крымчан в российский социум.

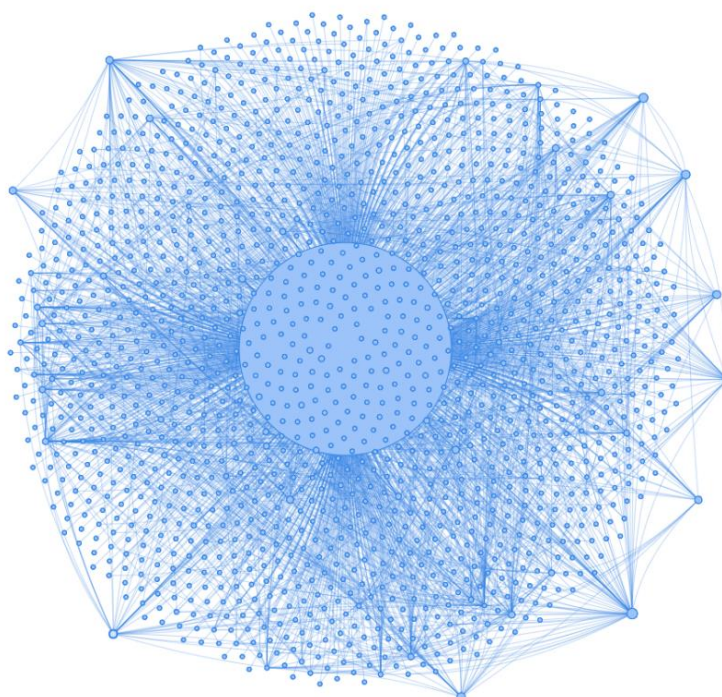

Рис. 4. Схема взаимодействия группы <https://vk.com/club12397616>.

На рисунке 5 представлена структура интеракций внутри группы <https://vk.com/club57084994>, репрезентирующей идеи «Русской весны». Согласно данным этого рисунка, взаимосвязи между участниками этой группы следует выражать в терминах «горизонтальных связей», то есть отсутствия явных модераторов – лидеров, целенаправленно формирующих общественное мнение. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что негативно ориентированные группы основаны на принципе конструирования критических дискурсов значительным числом лидеров мнений, а для позитивно ориентированных групп характерен механизм горизонтальных взаимосвязей без явного доминирования лидеров общественного мнения.

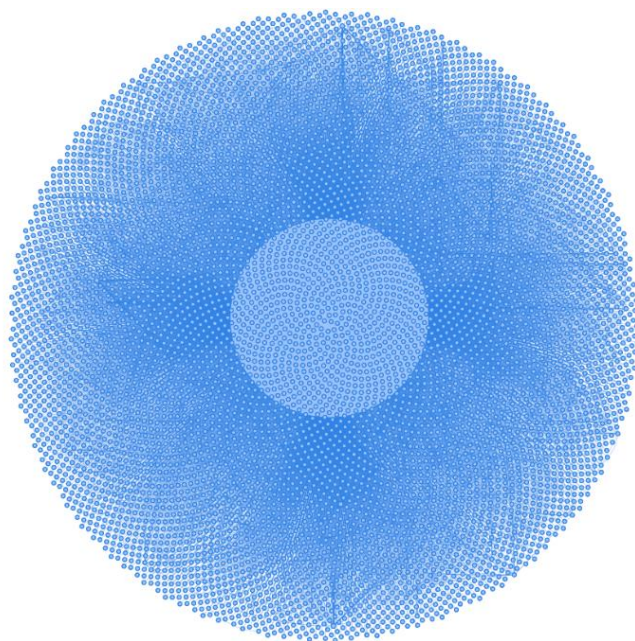

Рис. 5. Структура интеракций внутри группы <https://vk.com/club57084994>.

Исходя из изложенного выше, следует констатировать воспроизводство эмпирических данных, полученных с помощью опроса и киберметрии, о высокой субъективной значимости для крымской и севастопольской студенческой молодежи феномена «Русской весны» в Крыму, а также доминирования позитивного образа исторического прошлого России и положительного отношения к событиям «Русской весны» 2014 года.

Вообще, историческое самосознание в существенной степени взаимосвязано с формированием национально-государственной идентичности. Данный параметр ценностно-потребностной сферы личности студентов вузов Крыма и Севастополя изучался с помощью нескольких переменных. Рассмотрим значения таких, как «самоидентификация» и «качества, необходимые для того, чтобы реализоваться как гражданин РФ».

Результаты самоопределения респондентов отражены в рисунке 6. Совокупно с результатами ответов на вопрос о символах России, распределение ответов севастопольских респондентов на вопрос о собственной самоидентификации свидетельствует о том, что студенты Севастополя имеют более прочно сформированную позитивную российскую национально-государственную идентичность – см. рис. 6. Более четвертой доли севастопольцев на первое место ставят свою принадлежность к российскому государству и лишь во вторую – локальную идентификацию. Для сравнения, аналогичный показатель крымских студентов более чем вдвое ниже – см. рис. 6. Вместе с тем, для трети крымчан и севастопольцев одинаково свойственно причисление себя в первую очередь к жителям полуострова, что выдает в них доминирование анклавной идентичности. Показательно сопоставление долей крымских и севастопольских студентов, ставящих во главу угла свою этническую и религиозную принадлежность. Севастопольцев, ориентированных на эту идентичность, вдвое меньше, чем крымчан. Очевидно, это можно объяснить более многообразной этнической палитрой крымских регионов в сравнении с национальным составом жителей Севастополя.

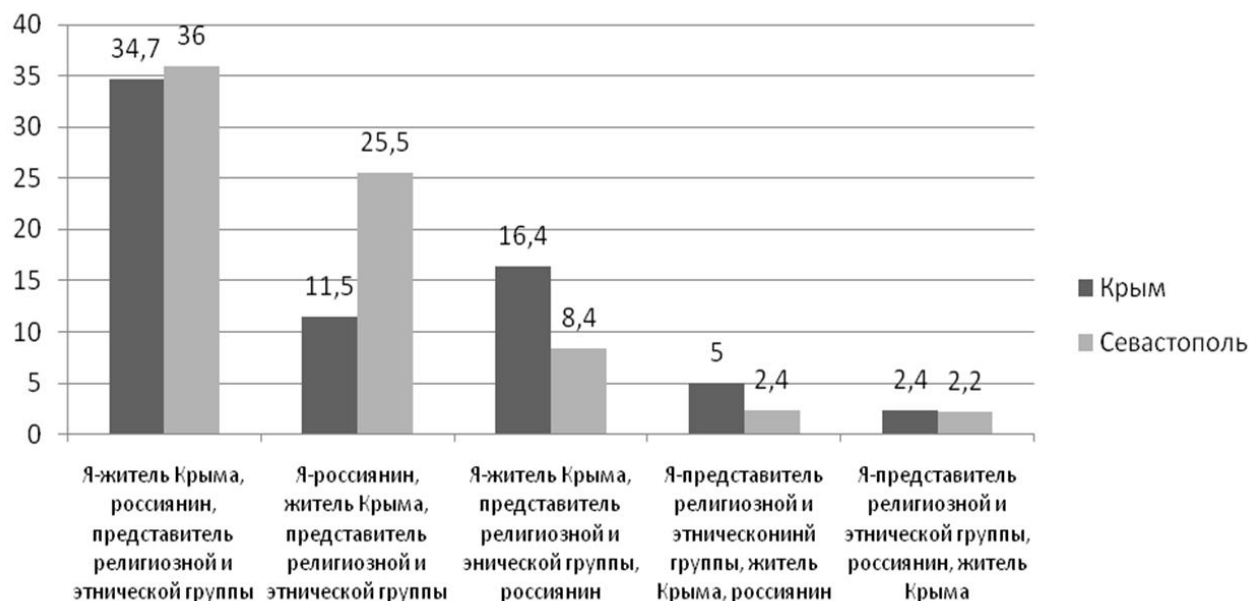

Рис. 6. Самоидентификация студентов вузов Крыма и Севастополя, в %.

Другой стороной идентичности личности крымских и севастопольских студентов являются их представления о качествах, необходимых для реализации как граждан РФ. Ответы респондентов – крымчан и севастопольцев – имели довольно сходные тенденции. На рисунке 7 показаны усредненные значения ответов студентов обеих территорий. Доминирующим качеством оказалась способность беречь традиции (59 %). Около половины опрошенных студентов (47 %) уверены, что главное для гражданина РФ – это гордиться победами предков. В тройку лидеров попал и такой формальный признак, как наличие паспорта гражданина РФ. Около 40 % крымчан и севастопольцев убеждены в важности говорить на русском языке, уметь защищать слабых и стремиться к справедливости – рисунок 7. Порог трети ответов преодолело такое качество, как способность быть причастным к великой культуре, десятую часть – необходимость служить в армии. Это распределение ответов в целом характеризует крымскую и севастопольскую студенческую молодежь как адекватно воспринимающую круг ценных и неотъемлемых качеств гражданина Российской Федерации.

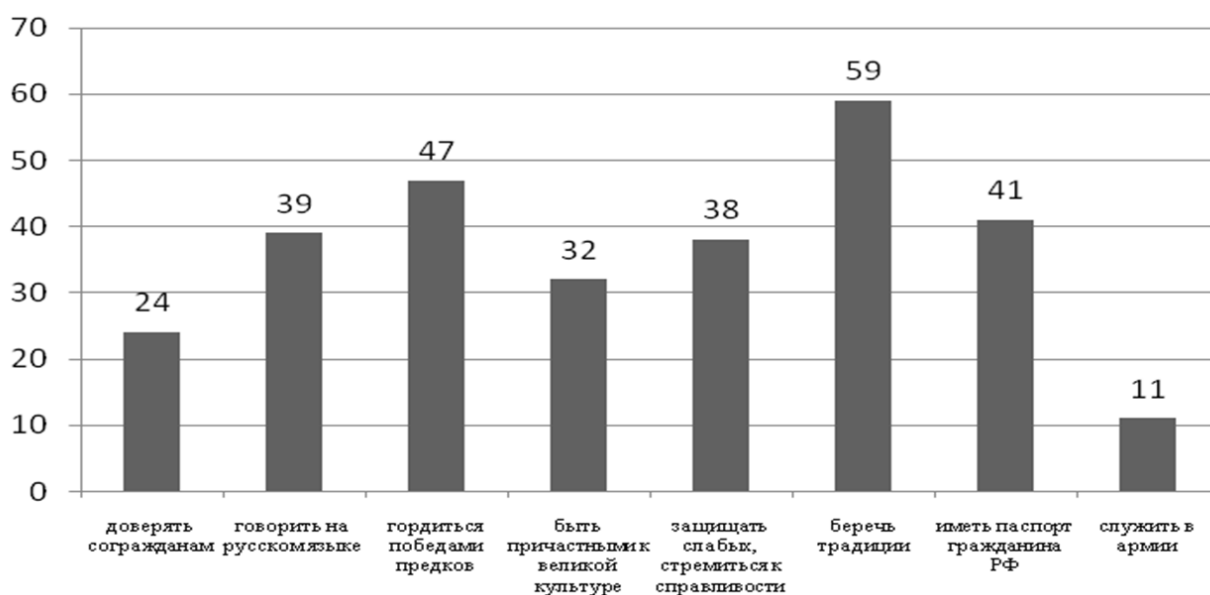

Рис. 7. Качества, которые, по мнению респондентов, нужны, чтобы реализоваться как граждане РФ, в %.

Национально-государственная идентичность студенческой молодежи Крыма и Севастополя была также предметом анализа транскрибов глубинных интервью с целевой группой исследования. В

соответствии с результатами этого анализа следует выделять две противоположные позиции целевой группы исследования в отношении самооценки своей государственной идентичности. Первая состоит в демонстрации успешной интегрированности в социальное пространство России, а также наличия прочно сформированной позитивной национально-государственной идентичности. Эта позиция отражена в следующем типичном высказывании:

«Я с самого детства чувствовал общность с Россией, россиянами... Всё время «болел» сразу за две страны» (КФУ им. В.И. Вернадского, Евпатория).

Довольно часто позитивная российская идентификация выражается в положительных оценках, произошедших в Крыму за последние два года изменений и перспектив развития Крыма в составе Российской Федерации. Наиболее показательными цитатами глубинных интервью, выражающими эту позицию, являются такие фрагменты интервью:

«Появилась возможность участвовать в различных научных проектах, студенческих отрядах.... студенческая жизнь... закипела, стала насыщеннее, интереснее.... и еще стало возможно зарабатывать на собственном интеллекте, на хорошей учебе... Планирую стать председателем студенческого научного сообщества... И тогда я сделаю всё для привлечения студентов к научным исследованиям» (КФУ им. В.И. Вернадского, Ялта).

Другая группа респондентов обнаруживает некоторые проблемы в процессе формирования позитивной российской идентичности. Это объясняется их опасениями за свое будущее в России и неготовностью в короткие сроки изменить национально-государственную идентичность. Наиболее показательным такое высказывание:

«...пугает неизвестность, нет уверенности в будущем...» (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь).

Исследование показало, что информанты такого типа не готовы терпеть естественные для переходного периода проблемы, не разделяют убеждения о новых перспективах в составе российского государства, имеют сложности с формированием позитивного образа исторического прошлого России, а, следовательно, и ресоциализацией.

Таким образом, анализ особенностей образа прошлого, настоящего и будущего России в представлениях студентов вузов Крыма и Севастополя позволил выявить состояние исторической памяти целевой аудитории, оценить масштабы данной проблемы. Результаты осуществленного прикладного исследования могут служить основанием для разработки направлений деятельности по преодолению установленных противоречий и первоочередных мер по созданию условий для формирования и укрепления позитивной российской национально-государственной идентичности целевой аудитории.

Список литературы

1. Агеева, Е. А. Консолидация общества как политический феномен // Политика и политология: актуальный ракурс / Е. А. Агеева. – Москва – Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. – 109 с.
2. Акулич, М. М. Функционально-целевое согласие: становление и развитие / М. М. Акулич // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 7-17.
3. Байме, К. Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2 т. Т.2 / ред.-сост. П. Штынов. – СПб.: Европ. ун-т СПб., 2004. – 493 с.
4. Бродовская, Е. В. Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан / Е. В. Бродовская // Ценности и смыслы. – 2012. – № 5. – С. 37 – 38.
5. Бродовская, Е. В. Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие : автореф. дисс. ... д-ра полит.н. : 23.00.02 / Е. В. Бродовская. – Тула, 2008. – 62 с.
6. Богдан, И. В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты / И. В. Богдан // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7. – № 3 (35). – С. 24-34.
7. Касамара, В. А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи / В. А. Касамара, А. А. Сорокина // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. С. 107-118.
8. Кривоусков, В. В. Доверие в российском обществе в постсоветский период: динамическая характеристика / В. В. Кривоусков // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 150-158.
9. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М., 2015. – 207 с.

10. Никифоров, Ю. А. «Переосмысление» истории Великой Отечественной войны: фальсификация или просто другое мнение? / Ю. А. Никифоров // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2011. - № 1. - С. 177-194.
11. Приходько, Е. А. Историческая память и историческое сознание / Е. А. Приходько, С. О. Лебедева. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-istoricheskoe-soznanie#ixzz44u1D83li> (дата обращения: 25.07.2016).
12. Романович, Н. А. Реконструкция образа государства в социальной памяти / Н. А. Романович // Регион: системы, экономика, управление. - 2014. - № 3 (26). - С. 80-86.
13. Титов, В. В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века / В. В. Титов. - М., 2011. – 165 с.

Статья поступила в редакцию 7.06.2017

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. The image of Russian history in the Crimean and Sevastopol student's attitudes

The results of comprehensive applied research quantitative and qualitative characteristics of the image of the historical past of Russia in the perception of students of universities of Crimea and Sevastopol are presented. Analyzed how Crimean and Sevastopol students youth about the history of Russia; the semantic and emotional content of the state symbols in the representations of the target audience; the historical subjectivity of the student youth of Crimea and Sevastopol (the perception itself, the creators of history, information flows about the "Russian spring" in social media); national identity of the Crimean and Sevastopol students.

Key words: the image of the past, historical subjectivity, national identity, students cybermetrics, mass poll, depth interview, discourse analysis.

Исследуются проблемы политического управления интеграционными процессами в синергетической парадигме. Рассматриваются модели систем управления надгосударственными образованиями, отвечающие идее неконфронтационной солидарности. Анализируются новые комбинации взаимодействия элементов надгосударственных систем, которые позволят избежать лоббирования интересов отдельных участников интеграционного процесса и снижения гибкости системы.

Ключевые слова: синергетика, политическая система, политическое управление, интеграционные блоки.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ИДЕИ САМООРГАНИЗАЦИИ КАК ОСНОВА НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Предпринимая попытки преодолеть методологический кризис, современные научные политологические школы обосновывают целесообразность использования приемов и подходов, являющихся междисциплинарными или получивших развитие в точных дисциплинах. Авторству политологов принадлежат перспективные разработки в этой области исследований, прежде всего, развитие идей коллективного выживания в условиях техногенной культуры и синергетического подхода как эффективного метода анализа социальных систем в условиях нестабильности.

Синергетика – научное направление, представляющее собой совокупность математических методов, позволяющих исследовать родственные нелинейные явления в разных сферах и предполагающих принципиально новое понимание процессов развития общества. В ее основе лежат идеи системности, целостности мира, общности закономерностей развития всех уровней материальной и духовной организации, многовариантности, необратимости, глубинной взаимосвязи хаоса и порядка, кооперативного взаимодействия отдельных частей неупорядоченных систем, созидательной роли неустойчивости и спонтанности. Закономерности переходных процессов – от хаоса к устойчивости, от устойчивости к хаостизации – признаются двигателями цивилизационной эволюции, а исторический прогресс выступает повторяющейся непрерывностью постепенно усложняющихся социальных форм, в которой выделяются определенные фазы и периоды, обладающие собственными функционально-структурными признаками. Понятия неравновесности систем признаны релевантными процессам интеграции. Самоорганизацией объясняется возникновение способности конкретного социума объединять большие пространства и достигать уровня экономической и культурной мощи, чередование этапов формирования интеграционных блоков и распада влиятельных политических объединений. Возможность определять оптимальные направления международно-политического развития и тем самым получать рычаги управления эволюционными процессами послужила основанием к рассмотрению интеграционных процессов в качестве синергетических.

Согласно теории диссипативных структур И. Пригожина, в равновесном и слабонеравновесном состояниях система остается пространственно однородной. Самоорганизацией называют процесс воспроизводства систем, обладающих высоким уровнем сложности и вероятностным характером взаимодействий между большим количеством их компонентов. Самоорганизационная модель выполняет роль интегрирующего механизма в политической системе. Процессы самоорганизации возможны только при наличии перманентной политической активности индивидуальных и коллективных субъектов: сеть перекрещивающихся взаимоотношений между индивидами, их группами и сообществами формирует институты и неинституциональные механизмы, между которыми происходит распределение власти и влияния, динамизм которых зависит от интенсивности воздействия внешне- и внутривнутриполитических факторов. В общественных системах реальными субъектами процесса самоорганизации способны стать только те, которые реализуют автономные формы политического участия; пассивные же формы включаются в мобилизационные рамки, регламентированные политической властью.

Процесс самоорганизации реализует принцип пульсирующего ритма восхождения к единому целому и характеризуется полицентричностью и разнонаправленностью проявлений. На стадии эволюции происходит упорядочение системы, энтропия (хаос) снижается на каждом уровне системы.

Передача энергии (информации) на следующий уровень осуществляется в возрастающей прогрессии, вызывая увеличение разнообразия на каждом из них (согласно закону иерархических компенсаций А. Седова, предусматривающему продуктивный рост разнообразия на верхнем уровне при ограничении разнообразия на предыдущих уровнях). При приближении к точкам бифуркаций решающую роль играют флуктуации (случайные элементы), что является признаком асимметрии или неуравновешенности системы. В промежутках между бифуркациями преобладают детерминистические аспекты. Асимметрия в политическом процессе воздействует на взаимоотношения ключевых субъектов, подготавливая возможные альтернативы развития и резкие изменения состояния всей системы, предопределенные вероятностными параметрами процесса. Нестабильность в определенных условиях выступает контролируемым условием динамики; равновесность является свидетельством тупикового (застойного) характера политического процесса, а отсутствие ресурсного резервного хаоса приводит к невозможности устойчивого развития.

Политические системы, следовательно, функционируют в состоянии постоянной диссипативной структуры, которая нуждается в конкуренции параметров порядка и выбора моделей их движения. Политические процессы, обусловленные конкуренцией параметров порядка, получают устойчивые свойства неопределенности. Неустойчивость циклов пространственно-временных колебаний в изменении направления развития системы и фазовых переходов зависит от уровня нелинейности, собственных ресурсных возможностей при наличии определенной степени свободы выбора одного из вариантов развития. При формировании необходимых предпосылок на стыке циклов для перехода на следующий этап, появляются возможные варианты динамики системы, ограниченные определенным принципом текущего цикла, связанным с выбором на предыдущей стадии цикла, а также с тем, к которому она переходит. Характеристика нового цикла, соответственно, подчинена внутренней логике предшествующего и задана рамками циклического тренда, факторами, связанными с циклическими процессами, и избранному сценарию дальнейшего развития системы. Циклы перманентно накладываются друг на друга, образуя «сетевую» структуру.

Открытые системы характеризуются вариативностью и динамичностью структуры, способностью учитывать изменения во внешнем мире. Свойство изменчивости политических систем позволяет им стабилизировать существующие политические порядки, придавая соответствующим процессам разнонаправленный характер. Флуктуации подвигают формирование диссипативного (создание нового) процесса самонастройки системы. Открытость системы обусловлена взаимным влиянием внешней и внутренней среды, способностью обмениваться энергией и информацией с другими системами. Характерной чертой процесса самоорганизации является «петля положительной обратной связи», с наличием которой связывают возникновение новых состояний при использовании внутренних резервов системы. Пространственные характеристики интеграционного блока, соответственно, характеризуются его ресурсной базой и системой коммуникации между отдельными элементами. На уровне местных сообществ процесс самоорганизации обеспечивает устойчивость системы к внешним воздействиям и возможность синхронизации их функционирования на основе совместного согласованного принятия политических решений. Результатом самоорганизации становится возникновение, взаимодействие, взаимосодействие (кооперация, коэволюция) и регенерация динамических объектов (подсистем), более сложных в информационном смысле, чем элементы (объекты) среды, из которых они возникают. Соответственно, чем более развитой является система, тем больше степень ее свободы, многовариантность возможных направлений развития. В процессе самоорганизации под влиянием различных внешних и внутренних факторов выделяются несколько основных степеней свободы, к которым впоследствии подстраиваются и все остальные.

Концепции циклического развития (смена этапов рождения, расцвета, старения и смерти государств, их союзов) широко применяются в теории неомарксистов. Современные исследователи в рамках структурно-демографической теории и математических моделей описывают циклический характер роста мощи отдельных держав, их объединений, и процесса их распада. Западные историки проводят параллели с колониальной глобализацией викторианской эпохи, развивают идеи Й. Шумпетера и Ф. Броделя об инновационных циклах и долгих волнах. Как утверждает И. Валлерстайн, в сложнейших социальных системах, наиболее трудно поддающихся анализу системам во Вселенной, постоянно идет борьба за построение лучшего общества, и в периоды перехода от одной исторической системы к другой (природу которой невозможно знать заранее) эта борьба приобретает наибольшее значение. В такие периоды «свободная воля» преодолевает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия, и возможные фундаментальные изменения, которые не являются предопределенными, побуждают людей действовать более рационально в поисках совершенной исторической системы [1, с. 12].

Российские исследователи экстраполируют основные положения синергетической концепции самоорганизации на процессы глобализации. Основываясь на анализе согласованного состояния процессов самоорганизации в сложных системах различной природы, отечественные ученые констатируют, что именно политика «единственной сверхдержавы» в конце XX века, направленная на создание однополярной замкнутой модели мира, усилила энтропию, трансформировала открытую глобальную систему в неустойчивое состояние, а ответной реакцией системы стало ее сопротивление нарастанию энтропии. Специалист в области теоретической физики Л. Шелепин и экономист В. Лисичкин процесс формирования мировой империи называют следствием закономерностей синергетики (аналогично самоорганизации ячеек Х. Бенара): самоорганизация обеспечивается разностью доходов внизу иверху глобальной общественной пирамиды, а существование глобальной империи гарантирует высокий уровень поляризации социума на богатых и обездоленных [2]. Крах bipolarной (относительно устойчивой) модели миропорядка связывается с изменением состояния относительного равновесия глобальной системы, с увеличением степени энтропийности, спровоцировавшими финансово-экономические кризисы и обострение социальных проблем. На основании анализа этой увеличивающейся в геометрической прогрессии поляризации в мировом сообществе во всех его сферах российские политологи утверждают неизбежность крупных геополитических перемен: волнообразность развития проявляется в формировании эволюционных циклов или циклов эволюционного усложнения развитых нелинейных систем, что позволяет с высокой вероятностью прогнозировать появление новых циклов и волн модернизации, которые не отменяют поступательного развития и формируют его многоплановость (В. Пантин, С. Черняховский, Г. Ситнянский, Б. Межуев и др.). М. Ильин примером самоорганизации систем считает эволюционные процессы в ряде регионов мира – Европе, АТР, Евразии, Латинской Америке, где их направленность обусловлена внутренними свойствами объектов (подсистем), каковыми в данном случае выступают отдельные государства и национальные структуры в их индивидуальном и коллективном проявлении, а также воздействиями со стороны глобальной среды, в которую «погружена» система. Примерами же проявления признаков регресса в процессе самоорганизации М. Ильин называет процессы, протекающие на Африканском континенте или на постсоветском пространстве. Он приходит к выводу, что в настоящий момент глобальная система переживает процесс своего преобразования, постепенного перехода к конфигурации многополярного мира. Считая, что однополярный мир является достаточно развитой системой, Ильин доказывает, что его переход к многополярной структуре возможен только через кризис, точкой бифуркации которого является современный мировой экономический кризис, служащий «скачком», переломным моментом перехода системы однополярного мира в более устойчивую систему многополярности. Кризис, таким образом, рассматривается как фазовый переход к формированию новой «кристаллической решетки» мировой цивилизации [3, с. 79-80].

Основными критериями смены социальных циклов сторонники синергетической теории называют противоречия индивидуального и общественного в социальной жизни, а причиной краха крупных интеграционных проектов – завершение очередного социально-политического цикла, обусловленное сменой поколений, соответствующих информационных потоков, и формирование базовых ценностей, которые привели к идеологическому кризису. Исходя из законов самоорганизации и конкретно-исторических условий развития системы, усложнением и изменением ее свойств обосновывается возможность неожиданных изменений направления течения эволюционных процессов. Формирующуюся глобальную систему М. Калашников, называет нейромиром, представляющим собой «качественный гиперскачок»; царством чудесных технологий и многослойных сетей [4, с. 79]. Он соглашается с доводами С. Переслегина, согласно которым в сегодняшнем дне нужно найти точки-локусы, сосредоточения явлений, тенденций и процессов, которые особенно интенсивно развернутся в будущем и определяют его, превратившись в несущие конструкции [4, с. 82]. Объясняя происходящие в современной миросистеме процессы объективными законами функционирования нелинейных систем, представляя желательное состояние системы и следуя естественным тенденциям бесполоусной самоорганизации, можно выявить направления, которые позволят сократить время выхода на аттрактор, к которому устремляются все траектории движения, например, будущую форму организации, как сетевая наднациональная конфедерация.

Современная наука позволяет постигать особенности современного геополитического противоборства при помощи когнитивных моделей синергетической парадигмы. Особенности цивилизационных процессов требуют появления новых качеств функционирования надгосударственных образований и проектирования моделей систем управления, основанных на результатах инновационного развития, которые превратят национальные особенности в конкурентные преимущества в глобализирующемся мире с критическим состоянием его экономических,

экологических, духовных составляющих. Актуальным для функционирования крупных суверенных государств на современном этапе остается поиск эффективной модели организации пространства на основе новейших социальных технологий, способной восстановить глобальное равновесие в условиях изменившейся системы международных связей при возросшей роли сетевых структур. Необходимыми становятся проекты, реализация которых позволит минимизировать влияние отрицательных долгосрочных, инерционных кодов и связанных с ними крупных ошибок.

Традиционным организационным принципом интеграции является разделение активного доминирующего центра и остальной (подчиненной) части системы – периферии, с варьированием степени ее подчиненности и уровня противоречий между их интересами, что не отвечает идее неконфронтационной солидарности. Актуальным направлением развития межгосударственных объединений становится децентрализация, предполагающая наличие одновременно многих управляющих центров, а также рост сетевых горизонтальных неиерархических связей как внутри, так и вне системы, способная смягчить противоречия управления союзными образованиями и стать гарантией сохранения национально-государственной идентичности их участников.

Для расширения возможностей системы международных альянсов требуется формирование ее управляющей части полицентричной, имеющей нескольких лидеров с четко разграниченными функциями, для того, чтобы создать возможность появления новых степеней свободы. С одной стороны, нестабильной систему сделают претензии каждого из центров на лидерство, с другой – устойчивость системе придаст отсутствие конкуренции центров между собой в их разных центральных функциях. Перспективу с точки зрения теории самоорганизации могут иметь системы, в которых отсутствуют строгая структура и иерархии, консолидированные изнутри, с надежно защищенными внешними границами, основанные на определенных жизненных ценностных ориентирах населения и этических и политических идеях – устойчивых гуманитарных регуляторах. Аналогично и интеграционные блоки с частичными лидерами, ни один из которых не претендует на руководство всей системой, либо устойчивые бесструктурные, могут явиться более эффективными, нежели их современные аналоги, и способными обеспечить добровольное интеграционное взаимодействие в новых геополитических условиях, свободное от рамок определенной идеологии и привлекательное для возможных сторонников за пределами союза.

В условиях резкого противодействия российским интеграционным устремлениям со стороны иных центров силы, даже при наличии уникального сочетания внутренних и внешних факторов для активных действий в направлении расширения существующих альянсов, актуальным является использование возможностей синергетического управления, в частности, управление социумом путем поиска таких элементов системы, воздействие на которые будет определяться согласованностью ее внутренних подсистем для возведения необходимых структур, и подбора динамичных социальных топосов с выработкой инновационных технологий, согласованных с общественными характеристиками, с его внутренними свойствами; политических решений, обладающих свойством преадаптации, то есть прогнозирования тенденций развития и формирование результата, предвосхищающего спрос на него, а также точного управления, основанного на информационной динамике.

Список литературы

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
2. Лисичкин, В. А. Глобальная империя зла / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М. : Эксмо, 2003. – 448 с.
3. Ильин, М. В. Теоретико-методологические основы глобалистики / М. В. Ильин. – М. : Изд-во Московского университета, 2009. – 108 с.
4. Калашников, М. Нейрономика : жизнь в стиле action : материалы к заседанию клуба «Красная площадь» (10 февраля 2006 г.) ; Тема заседания: «Альтернативные сценарии глобальной революции» – М. : Клуб «Красная площадь», 2006. – С. 73-90.

Статья поступила в редакцию 12.05.2017

Skrebets, E. V. Ideas of self-organization as basis of new approaches to political management by integration processes

The problems of political management by integration processes in a synergetic paradigm are explored in the article. The models of the management systems by supranational formations, complying the idea of no

confrontation solidarity are considered. New combinations of co-operation of elements of the supranational systems which will allow to avoid lobbying of interests of separate participants of integration process and decline of flexibility of the system are analysed.

Keywords: synergetic, political system, political management, integration blocks.

На основе анализа членства европейских и закавказских стран-членов СНГ в международных организациях, а также на основе их голосования в ГА ООН анализируется многовекторность внешней политики данных стран. Применяемые прикладные методики внешнеполитического анализа пока не получили широкого распространения в отечественной науке о международных отношениях.

Ключевые слова: прикладной анализ, голосование в ГА ООН, международные организации, многовекторность

Д. А. Дегтерев, доцент, канд. экон. наук

Российский университет дружбы народов, МГИМО МИД России

E-mail: Degterev@RUDN.University; Degterev@mgimo.ru

МНГОВЕКТОРНСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ И ЗАКАВКАЗСКИХ СТРАН-ЧЛЕНОВ СНГ И ГРУЗИИ: АНАЛИЗ ЧЛЕНСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ГОЛОСОВАНИЯ В ГА ООН В 1992-2016 ГГ.

Кафедрой теории и истории международных отношений РУДН уже несколько лет ведутся прикладные исследования внешней политики стран СНГ [1, 3]. Актуальность исследования придает тот факт, что РУДН участвует в деятельности Сетевого университета СНГ (СУ СНГ) по направлению подготовки «Международные отношения». Ежегодно около 10 магистров-международников из всех стран Содружества обучаются на кафедре, идет активное научное сотрудничество с ведущими экспертами-международниками из вузов СУ СНГ.

В 2016 г. кафедрой был реализован НИР «Внешняя политика стран СНГ: прикладной анализ», по итогам которого подготовлена коллективная монография с участием более 60 авторов из всех стран-членов СНГ (все разделы по своим странам писали исключительно исследователи из этих стран), а на Экспертном портале РУДН по международным отношениям [4] сформирована база данных по внешней политике стран СНГ (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура базы данных по внешней политике стран СНГ

№	Название	Описание
1	Базовые документы СНГ	Полнотекстовые версии основных соглашений СНГ и даты их подписания странами-членами Содружества
2	Базовые документы ОДКБ	Полнотекстовые версии основных соглашений ОДКБ даты их подписания странами-членами Организации
3	Базовые документы ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП и ЕАЭС	Полнотекстовые версии основных соглашений и даты их подписания странами-членами
4	Вузы-участники СУ СНГ	Перечень вузов участников Сетевого университета СНГ и полнотекстовые версии соглашений о совместной подготовке магистров
5	Доктринальные документы стран СНГ	Полнотекстовые версии основных концептуальных документов (концепции внешней политики, стратегии национальной безопасности, национальные доктрины и др.) стран СНГ, включая действующие и предыдущие версии
6	Участие стран СНГ в международных организациях и форумах	Статус членства стран СНГ в 20 международных организациях, основная хронология и полнотекстовые версии документов о сотрудничестве с данными организациями
7	Голосование стран СНГ на ГА ООН	Сравнение голосования стран СНГ в ходе 47-70 сессий ГА ООН друг с другом, а также со странами «Группы двадцати»
8	Выступления представителей стран СНГ на общих дебатах ГА ООН	Полнотекстовые версии выступлений (на русском и английском языке) представителей стран СНГ на открытии 64-71 сессий ГА ООН
9	Сеть дипломатических представительств стран СНГ за рубежом	Сеть посольств стран СНГ в зарубежных странах с разбивкой по регионам

Политическая динамика

10	Двустороннее сотрудничество стран СНГ и сопредельных государств	Основные документы двустороннего сотрудничества стран СНГ между собой, а также с Грузией, США, КНР, Японией, Турцией, Ираном и Афганистаном. Анализ приведен по 115 парам двусторонних отношений
11	Торгово-экономические связи стран СНГ	Указаны основные партнеры по экспорту и импорту стран СНГ в 1997-2016 гг.

В данной статье представлены некоторые из результатов прикладных исследований РУДН, относящиеся к внешней политике европейских и закавказских стран-членов СНГ и Грузии, выполненные с использованием вышеуказанной базы данных, и представленные на второй Международной научной конференции «Потемкинские чтения» в апреле 2017 г. в г. Севастополь.

Многовекторность внешней политики рассматривается сквозь призму членства РФ, Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Азербайджана в международных организациях, а также по итогам голосования данных стран и Грузии по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН в ходе 47-70 сессий.

Анализируется членство рассматриваемых стран в международных организациях в сфере обороны, безопасности и политики (табл. 2), в международных экономических организациях (табл. 3) и в организациях в сфере религии и культуры (табл.4).

Таблица 2

Членство европейских и закавказских стран СНГ в международных организациях в сфере обороны, безопасности и политики

Организация Страна	ОДКБ	ШОС	НАТО	ОБСЕ	СЕ	СВМД А	ГУАМ	ЕС	ДН
Азербайджан	БЧ	ПД	СП	Ч	Ч	Ч	Ч	ЕПС	Ч
Армения	Ч	ПД	СП	Ч	Ч			ЕПС	Н
Белоруссия	Ч	Н	СП	Ч	ПП	Н		ЕПС	Ч
Молдавия			СП	Ч	Ч		Ч	СА	
РФ	Ч	Ч	СП	Ч	Ч	Ч		СПС	
Украина			СП	Ч	Ч	Н	Ч	СА	БЧ

Источник: [3]

Таблица 3

Членство европейских и закавказских стран СНГ в международных экономических организациях

Сфера Организация Страна	Экономика								
	ЕАЭС	ЕАБР	ЕБРР	АБР	АБИ И	ИБР	ВТО	ОЭС	ОЧЭС
Азербайджан			Ч	Ч	Ч	Ч	Н	Ч	Ч
Армения	Ч	Ч	Ч	Ч			Ч		Ч
Белоруссия	Ч	Ч	Ч				Н		
Молдавия			Ч				Ч		Ч
РФ	Ч	Ч	Ч		Ч		Ч		Ч
Украина			Ч				Ч		Ч

Источник: [3]

Таблица 4

Членство европейских и закавказских стран СНГ в международных организациях (религия, культура)

Сфера Организация Страна	Религия, культура		
	ОИС	ТС	МОФ
Азербайджан	Ч	Ч	
Армения			Ч
Белоруссия			

Молдавия			Ч
РФ	Н		
Украина			Н

Источник: [3]

Обозначения:

ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности; ШОС – Шанхайская организация сотрудничества; НАТО – Североатлантический альянс; ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; СЕ – Совет Европы; СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии; ГУАМ – Организация за демократию и экономическое развитие; ЕС – Евразийский союз; ДН – Движение неприсоединения; ЕАЭС (ЕврАзЭС) – Евразийский экономический союз; ЕАБР – Евразийский банк развития; АБР – Азиатский банк развития; АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; ИБР – Исламский банк развития; ВТО – Всемирная торговая организация; ОЭС – Организация экономического сотрудничества; ОЧЭС – Организация черноморского экономического сотрудничества; ОИС – Организация исламского сотрудничества; ТС – Тюркский совет (Совет сотрудничества тюркоязычных государств); МОФ – Международная организация франкофонии.

Ч – член; БЧ – бывший член; ЕПС – участник программы «Европейская политика соседства»; Н – наблюдатель; ПД – партнер по диалогу; ПП – реализуют партнерские программы; СА – подписано Соглашение об Ассоциации; СП – страна-партнер; СПС – подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

В последние годы неслучайно эксперты говорят о *геополитическом плюрализме* на постсоветском пространстве. Особенно наглядно это видно на примере международных организаций в сфере культуры и религии (см. табл.4). Например, Азербайджан присоединился к Организации исламского сотрудничества (РФ стала наблюдателем ОИС), а также к Совету Сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет).

Тюркский совет был создан непосредственно на территории Азербайджана (в г. Нахичевань) в 2009 г. при участии Казахстана, Киргизии и Турции. Секретариат новой организации размещен в г. Стамбул (Турция), тем не менее, нельзя говорить об исключительном доминировании Турции в данной организации. Несмотря на то, что Саммиты государств тюркских языков проводятся еще с 1992 г., постсоветские тюркоязычные страны первоначально негативно восприняли патронаж со стороны Турции, которая намеревалась взять шефство над новыми независимыми странами сразу после распада СССР. Вновь созданные государства (в особенности, Казахстан) выступали за суверенное равенство в отношениях. Неслучайно, флаг Тюркского совета, утвержденный на Втором саммите совета в августе 2012 г. в г. Бишкек, представляет собой объединение флагов всех стран членов: синий фон – от флага Казахстана, полумесяц – от флага Турции, звезда над полумесяцем – от флага Азербайджана, лучи солнца снаружи полумесяца – от флага Киргизии. Таким образом, даже на уровне символов Тюркского совета отражено равноправие всех членов организации.

Армения и Молдова стали полноправными членами Международной организации франкофонии, а Украина – ее наблюдателем. Молдавия успела даже побывать членом Латинского союза, объединявшего страны, говорившие на романских языках (испанский, португальский, французский, итальянский, румынский и каталанский), до того как в 2012 г. из-за финансовых сложностей было принято решение о приостановлении деятельности организации. Таким образом, меняется идентичность постсоветского пространства, часть стран усиливает исламский вектор, часть стран – европейский вектор.

Азербайджан пополнил ряды субрегиональной Организации экономического сотрудничества (ОЭС), почти все рассматриваемые страны (кроме Белоруссии) стали членами Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) (см. табл.3). В отличие от упомянутых выше организаций, ОЭС и ОЧЭС носят сугубо региональный характер. Вместе с тем, членство в ОЭС, созданной в 1977 г. Ираном, Пакистаном и Турцией, безусловно, усиливает исламский вектор во внешней политике Азербайджана. ОЧЭС как организация возникла уже в постсоветский период (1992 г.) и ровно половину ее членов составляют бывшие республики Советского союза. Организация имеет достаточно разнородный состав участников, а лидирующие позиции оспаривают Турция (где расположена штаб-квартира ОЧЭС) и Греция (где расположена штаб-квартира Черноморского банка торговли и развития).

Ряд стран в своей внешней политике стали придерживаться концепции нейтралитета и вступили в ряды Движения неприсоединения (Азербайджан и Белоруссия). Армения и Украина имели статус наблюдателя в рамках Движения, впоследствии Украина отказалась от данного статуса. Конечно, характер участия европейских и закавказских стран СНГ в Движении неприсоединения нельзя сравнить с Туркменистаном, который фактически встал на путь самоизоляции. Тем не менее, ряд стран, в особенности, Белоруссия последовательно продвигают и поддерживают инициативы Движения.

Примечательно, что Белоруссия является единственным европейским членом организации, правда при этом входит в ОДКБ.

Многие форматы международного взаимодействия были инициированы непосредственно странами СНГ. Среди них Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразийский банк развития (ЕАБР) и другие.

Планы участия Украины в деятельности евразийских интеграционных объединений каждый раз наталкивались на резкое неприятие их со стороны западных партнеров, а их форсирование со стороны действующей украинской власти приводило к т.н. майдану и свержению законной власти. Так, в 2003 г. Украина была председателем в рамках СНГ и вместе с РФ, Белоруссией и Казахстаном подписала Соглашение о формировании Единого экономического пространства, которое было ратифицировано Верховной Радой в 2004 г. Планировалось, что в Киеве будут размещены органы управления нового интеграционного объединения, началась подготовительная работа по созданию единой нормативно-правовой базы. Но уже осенью произошла «оранжевая революция» и был назначен третий тур президентских выборов. В 2012 г. Украина ратифицировала договор о зоне свободной торговли СНГ, а в 2013 г. было принято решение отложить подписание договора об Ассоциации с ЕС, что привело ко второму «майдану» и свержению Президента В. Ф. Януковича.

Важной инициативой в сфере укрепления безопасности и сотрудничества на постсоветском пространстве и в целом в Азии стало Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), инициированное президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1992 г. Азербайджан и Россия являются членами, а Белоруссия и Украина – наблюдателями в рамках данной организации. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г. особо отмечается, что РФ рассматривает формат СВМДА как «востребованный механизм развития многопланового практического сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона», в связи с чем будет активно участвовать в деятельности организации [2].

Армения и Азербайджан являются членами Азиатского банка развития, а Азербайджан и РФ присоединились к созданному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). По мнению ряда экспертов, последний является альтернативой многосторонним банкам развития, созданным в рамках институтов Бреттон-Вудса, в т.ч. Азиатскому банку развития. В акционерном капитале АБИИ ведущая роль принадлежит КНР, а проекты банка будут направлены на финансирование проектной деятельности, в т.ч. в рамках реализации Экономического пояса Шелкового пути.

Большинство рассматриваемых стран являются членами ВТО, кроме Азербайджана и Белоруссии, которые имеют статус наблюдателей в рамках данной международной экономической организации. Грузия стала членом ВТО в июне 2000 г., Молдова – в июле 2001 г., Армения – в феврале 2003 г., а Украина – в мае 2008. Российская Федерация стала членом Всемирной торговой организации 22 августа 2012 г. Переговоры о вступлении Азербайджана в ВТО ведутся с июля 1997 г., 13 встреча рабочей группы прошла в июле 2016 г. В ходе нее азербайджанская сторона пообещала ускорить переговорный процесс. Переговоры о вступлении Белоруссии в ВТО ведутся с октября 1993 г., в январе 2017 г. прошла 8 встреча рабочей группы. Процесс осложняется фактом членства Белоруссии в Евразийском экономическом союзе, что вызывает необходимость сопряжения правил и стандартов ЕАЭС со стандартами ВТО. Для содействия Правительству Республики Беларусь при вступлении в ВТО с 2008 г. реализуется проект международной технической помощи, который финансирует Российская Федерация.

Все рассматриваемые страны в той или иной степени сотрудничают с НАТО, ОБСЕ и Советом Европы, реализуют проекты Европейского банка реконструкции и развития. В последние годы практически сошла на нет активность Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), которая объединяла ряд стран СНГ на антироссийской основе.

Членство в ряде международных организаций оказывает непосредственное воздействие на внешнеполитическую позицию государств, в т.ч. в контексте их голосования по резолюциям ГА ООН. Голосование в ООН является важным индикатором внешнеполитической позиции страны, во многом позволяющим судить о многовекторности ее курса.

В данном исследовании рассматривается голосование европейских и закавказских стран-участниц СНГ (включая Грузию, которая до 2009 г. входила в Содружество) по резолюциям 47-70 сессии ГА ООН. Голосование стран СНГ сопоставляется с голосованием других стран СНГ.

Для оценки близости внешнеполитических позиций был рассчитан средний уровень совпадения голосования по 47-70 сессиям ГА ООН, а также количество сессий, в ходе которых другая страна имела с рассматриваемой страной наибольший уровень совпадения при голосовании.

Процент совпадения при голосовании подсчитывался следующим образом: за каждую резолюцию, по которой совпадало голосование (обе страны голосовали «за», «против», воздерживались или не голосовали), добавлялся 1 балл. Если одна страна голосовала «за» или «против» резолюции, а другая воздерживалась или не участвовала в голосовании, то добавлялось 0,5 балла. Получившийся результат делился на общее количество резолюций, принятых голосованием в ходе данной сессии. Результаты расчетов представлены в табл. 5, где указаны топ-3 страны по каждому показателю.

Таблица 5

Близость позиций при голосовании стран СНГ и Грузии в ГА ООН (47-70 сессии)²

Страна СНГ	Среди других стран СНГ	
	ТОП-3 по среднему уровню поддержки	ТОП-3 по количеству сессий с максимальной поддержкой
Азербайджан	Казахстан (90,88%) Белоруссия (89,60%) Киргизия (86,74%)	Казахстан (8 сессий) Киргизия (8 сессий) Белоруссия (6 сессий)
Армения	Белоруссия (87,76%) Казахстан (87,09%) Азербайджан (85,98%)	Белоруссия (10 сессий) Таджикистан (5 сессий) Казахстан (4 сессии)
Белоруссия	Азербайджан (89,60%) Казахстан (89,53%) Армения (87,76%)	Азербайджан, Узбекистан (по 7 сессий) Украина (6 сессий)
Грузия (до 2009)	Молдавия (90,48%) Украина (88,69%) Армения (81,28%)	Молдавия (16 сессий) Украина (7 сессий) *
Молдавия	Украина (91,47%) Грузия (90,48%) Армения (82,22%)	Грузия (12 сессий) Украина (11 сессий) Армения (3 сессии)
Российская Федерация	Белоруссия (86,64%) Армения (84,58%) Казахстан (84,34%)	Белоруссия (10 сессий) Казахстан (5 сессий) Узбекистан (3 сессии)
Украина	Молдавия (91,47%) Грузия (88,69%) Армения (83,03%)	Молдавия (11 сессий) Белоруссия (6 сессий) Грузия (5 сессий)

Источник: [3]

Вполне ожидаема взаимная близость позиций Молдавии, Украины и Грузии (до 2009 г. входила в СНГ), вставших на путь евроатлантической интеграции еще в начале 1990-х гг.

В рамках СНГ наблюдается достаточно сильное совпадение при голосовании в рамках треугольника Азербайджан-Белоруссия-Казахстан. У РФ и Армении внешнеполитическая позиция в значительной степени совпадает с Белоруссией. Данные совпадения объясняются развитым политическим диалогом между странами. Последние три страны тесно взаимодействуют в рамках ОДКБ, дополнительным свидетельством чему является назначение в апреле 2017 г. начальника Главного штаба Вооружённых сил Армении (2008—2016) Ю. Г. Хачатурова на должность генерального секретаря организации.

Прикладной внешнеполитический анализ, в т.ч. исследование членства в международных организациях и количественный анализ голосования в ГА ООН позволяет выявить некоторые особенности внешнеполитического курса рассматриваемых стран. Данный анализ необходимо впоследствии дополнять качественными исследованиями, основанными на обширном фактологическом материале по истории внешней политики и дипломатии изучаемых стран.

² Жирным шрифтом выделены страны, уровень поддержки которых составляет более 90% или не менее 10 сессий
* - с остальными 4-5 странами имеется максимальное совпадение только по 1 сессии

Список литературы

1. Дегтерев, Д. А. Прикладной анализ внешней политики стран СНГ / Д. А. Дегтерев, А. Х. Дегтерев, М. А. Никулин, А. Л. Оганесян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 176-184.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. : сайт. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения : 12.03.2017)
3. Курылев, К. П. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России / К. П. Курылев, В. С. Нарышкин, Е. Озинковская, К. Х. Рахимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 75-86.
4. Экспертный портал РУДН по международным отношениям. Электронное приложение к учебнику «Внешняя политика стран СНГ» : сайт. – URL: <http://ir.rudn.ru/> – (дата обращения : 12.03.2017).

Статья поступила в редакцию 14.06.2017

Degterev, D. A. MULTIVECTOR FOREIGN POLICY OF EUROPEAN AND CAUCASIAN MEMBERS OF CIS AND GEORGIA: ANALYSIS OF MEMBERSHIP IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND VOTING IN UN GA IN 1992-2016

Based on the analysis of the membership of European and Caucasian CIS member countries in international organizations, as well as on the basis of their voting in the UN General Assembly, the multivector nature of the foreign policy of these countries is analyzed. Applied methods of foreign policy analysis have not yet received wide distribution in the Russian science of international relations.

Keywords: applied analysis, voting in the UN GA, international organizations, multi-vector

УДК 323.1

Рассматривается проблема моделирования национальной политической идентичности на примере Французской республики. Целью работы является изучение процесса формирования французской национальной идентичности, в том числе, и в контексте общеевропейских тенденций. Автор анализирует основные предпосылки, приведшие к масштабному кризису идентичности, характерному для современного французского и европейского общества. В итоге проводится сравнение французского опыта с практикой построения российской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, кризис идентичности, российская модель национальной идентичности, образ будущего, французская нация.

А. Э. Сенцов, канд. полит. наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: 134-43@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ³

Для современного государства одним из важнейших направлений символической политики становится утверждение коллективной политической идентичности той или иной нации. Так, О. Ю. Малинова высказывает мнение о том, что «интерпретация стоящих за государствами сообществ в качестве наций в рамках сложившейся политической картины мира является доминирующей; идея нации задает общую рамку, в которую так или иначе должна быть вписана макрополитическая идентичность» [1].

Таким образом, нация является одним из ключевых символов политической семиосферы. В словаре С. И. Ожегова нация трактуется как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [2, с. 508]. В современной политической науке нация понимается как социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность.

Одним из базовых в контексте моделирования национальной идентичности является понятие родины (patria). Э. Канторович констатирует, что «в классической античности это понятие означало совокупность всех моральных, политических и религиозных ценностей, за которую человек мог жить и умереть» [5, с. 232]. В раннее Средневековье, когда вассальные отношения полностью определяют политическую жизнь, понятие родины становится неактуальным. Но уже в XIII в. со становлением новых национальных государств появляются понятия «своя родина» (город, область) и «общая родина» (государство), крепко связанные между собой [5, с. 232-248]. Верность «своей родине» стала автоматически подразумевать верность общему государству, закладывался базис последующего формирования новых европейских наций.

Кроме того, в структуре модели национальной идентичности важную роль играет понятие происхождения. Актуализация этого компонента происходит во второй половине XVIII века, когда в европейской культуре греко-римская античность как базис цивилизации начинает утрачивать свои позиции. Так, в 1760 году шотландский поэт Д. Макферсон издает в Эдинбурге сборник «Отрывки древней поэзии, собранные в горах Шотландии». Это произведение подталкивает развитие движения культурного движения кельтомании, которое ставит под сомнение классическую гомеровскую культурную модель и популяризирует творчество кельтских бардов [3, с. 400].

Последовавший за этим интерес к европейскому эпосу, движение оссианизма дают импульс к переформатированию понимания нации, она начинает трактоваться как единство, сплоченное общим

³ Исследования выполнены в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук «Формирование политической идентичности в контексте моделирования образа будущего», МК-7447.2016.6.

происхождением, появляется тезис о народности нации. Кроме того, ряд ученых (например, И. Гердер) развивают лингвистические теории о языке как выражении нации.

Одним из поворотных моментов в становлении французской национальной идентичности становятся события Французской революции конца XVIII века, во многом повлиявшие на дальнейшее общественно-политическое развитие не только Франции, но всего мира в целом.

Именно в этот исторический период происходит формирование французской нации в ее современном понимании, начинается длительный и довольно непростой процесс ее конструирования. Прежде всего, следует отметить, что во Французском королевстве образца конца XVIII века, образованная часть общества которого была пронизана идеями эпохи Просвещения, практически ни у кого не было представления о том, что же представляет собой нация. В тот момент в масштабах Европы культурные, языковые и социальные различия между жителями отдельных провинций королевства были гораздо более глубокими и принципиальными, чем между представителями аристократии разных стран. На территории Франции лишь немногая часть населения активно использовала французский язык в повседневном общении. И главной задачей молодой республики на последующее столетие стало построение общей национальной идентичности, преодолевая все имеющиеся различия и проблемы. Примерно в этот же исторический промежуток времени начинают свое становление и другие европейские нации, которые, по примеру Франции, формируют определенный набор базовых составляющих, моделирующих содержание национальной идентичности и определяющих ее: обязательная многовековая история, величие предков-основателей (галлы во Франции, даки в Румынии, гунны в Венгрии и т.д.), язык, общенациональные герои, кухня, памятники, фольклор.

Отметим, что идея нации, появившаяся в республиканской революционной Франции, в ряде европейских стран была взята на вооружение правящим аристократическим классом, как крайне эффективная для продвижения и защиты своих интересов (например, Пруссия, Австро-Венгрия, Сардинское королевство). Во Франции же, последовавшие за Революцией война и иностранная интервенция кристаллизуют концепт «государство-нация-территория», добавляя к нему еще одно измерение – понятие об «естественных границах». Утверждение данного концепта вместе с гердеровским пониманием о народе-нации становится базисом дальнейшего развития французской наций [6, с. 109].

Внедрение в обществе идей общепаранцузской национальной идентичности зачастую сопровождалось принудительными и ограничительными мерами, например, в сфере повсеместного насаждения французского языка. Революционные власти и все последующие правящие политические силы страны изначально взяли курс на языковую унификацию государства, поощрения статуса французского языка как единственного легитимного средства общения нации и, как следствие, искоренение и уничтожение других языков и диалектов на национальной территории [4, с. 207].

Но эти усилия могли остаться тщетными без поддержки основной массы населения, которое принимало переход на французский язык более по экономическим и социальным причинам, чем в результате политического давления. Помимо этого, огромную роль в этом процессе сыграла новая республиканская школа, интеллектуалы, деятели науки, творческая интеллигенция новой нации, а также и различные средства массовой коммуникации, меняющиеся от эпохи к эпохе: песни, патриотические праздники и балы, почтовые открытки, посуда, национальные костюмы и т.д. В конечном счете, сформировавшаяся модель национальной идентичности в XIX веке глубоко вошла в массовое сознание французов, эта привитая с раннего детства идентичность действительно скрепляла большинство населения страны [6, с. 68].

Кроме того, в понимании национальной идентичности актуализировалась идея превосходства французской нации-носительницы вечных смыслов, открывающей истину всему человечеству. Подобное сакральное видение Революции, представленное в поздних работах М. Робеспьера, трудах Ж. Мишле и республиканской историографии, окончательно формулируется в серии трудов по истории Франции под руководством Э. Лависса в начале XX в. Таким образом, окончательно утверждаются два основных постулата, «цементирующих» французскую модель национальной идентичности: единство, однородность культурного и языкового плана республиканской нации и самые широкие возможности добровольного в нее вхождения новых элементов, принимающих вышеуказанные характеристики.

В масштабе Европы, несмотря на изначальную общность подходов к проблематике национальной идентичности в европейской общественно-политической мысли в течение XIX века, можно выделить две основные концепции, которые все-таки противостояли друг другу. Длительное время актуальным было противопоставление «французской концепции» нации, основанной на идее добровольного вступления, и «немецкой модели», основанной на главенстве фактора происхождения. Своеобразное противостояние теории общественного договора и народного духа, право почвы против права крови, революционная нация против нации романтической.

В современном же восприятии данное противопоставление кажется чересчур упрощенным. Ведь в контексте самого французского общества в исторической перспективе, так или иначе, имеют место оба эти подхода. Первый вариант находит отражение в работах М. Барреса и Ш. Морраса. Определяющим в данной трактовке национальной идентичности становится убежденность в том, что человек не в состоянии стать французом, он может только быть им изначально, по праву рождения. Для этой концепции характерен культ корней, упор делается на историческое и культурное наследие, откуда идет постоянная отсылка к земле, предкам и т.д. В отличие от опыта Германии, во Франции этот национализм строился не вокруг понятия о расе, а о доминировании католической религиозной идентичности (которая прочно утвердилась во французском обществе еще со времен Религиозных войн XVI в.) [6, с. 94].

Первая концепция емко характеризуется фразой М. Барреса: «Национализм – это принятие предопределенности» [8, с. 18]. Второй же подход резюмирует выступление Э. Ренана. На вопрос «Что же такое нация?» историк ответил, что нация не определяется ни принадлежностью к определенной расе, языку, религии, региону проживания и даже к определенной группе интересов. Для него нация – это «великая солидарность», созданная «большими жертвами, которые уже принесены, и которые еще предстоит сделать» [8, с. 20]. Нация определяется не только общим прошлым, но и «четко выраженным желанием продолжать совместное существование», «существование нации – это ежедневный плебисцит, как существование человека есть вечное утверждение жизни» [8, с. 20].

Подобное волевое понимание нации зиждется на безусловном принятии некоторого набора общих ценностей. В самом конце XIX в. в эпоху республики, одновременно укрепляющейся и подвергающейся нападкам, в годы нескольких глубоких социально-политических кризисов (ультраправое реваншистское движение буланжистов и дело Дрейфуса) эти фундаментальные принципы окончательно оформляются. В рамках Третьей Французской республики, которая не имела подлинной Конституции, основные принятые законы становятся ее фундаментальными законодательными актами: законы о свободе прессы, о республиканской школе, о профсоюзах, свободе объединений и разделении церкви и государства.

С течением времени укрепляется именно эта республиканская национальная идентичность: принимаются законы об оплачиваемом отпуске, женщины получают избирательные права, вводится система социального обеспечения, отменяется смертная казнь и т.д. Существование своеобразного общего наследия прав и свобод подчеркивает в понимании национальной идентичности постоянное наличие того или иного развивающегося «политического проекта» в противовес устоявшимся и зафиксированным один раз и навсегда общим нормам.

Именно французская республиканская модель национальной идентичности, предполагающая самые широкие возможности для вхождения в нее новых составляющих и контрастирующая с «немецкой моделью», определяет в текущий момент реакцию французского общества на волну эмиграции, захлестнувшую Европу в последние несколько лет. Реакция эта в значительной степени отличается от того, что происходит в соседней Германии, где постоянно имеют место массовые протесты местного населения, общество реально раскалывается по вопросу отношения к иммигрантам и возможностям их интеграции. Либо в странах Восточной Европы, которые, фактически, «саботируют» общеевропейскую программу по обязательному приему иммигрантов и, в связи с этим, сталкиваются с беспрецедентным давлением европейских структур. Во Франции же определенные политические силы правого спектра (например, Национальный фронт М. Ле Пен) актуализируют в своей риторике данные проблемы, но широкой поддержки данная точка зрения не находит, внутри французского общества не наблюдается широкого противостояния по этой проблеме, до реальных массовых протестов дело не доходит в принципе.

В текущих условиях важнейшее противоречие, заложенное в самой сути республиканской модели нации между ее однородностью, монолитностью и возможностью добровольного в нее вступления, разрушает изнутри на концептуальном уровне французскую нацию.

Это ощущение «французского упадка» начинает все отчетливее присутствовать во французском обществе с 1980-х годов. Именно в это время под воздействием глубоких кризисных явлений во французской экономике, заметном ухудшении позиций Французской республики на международной арене, нация стала восприниматься как своеобразное «прибежище» французской идентичности. В тот момент для политического класса стало уже очень проблематичным мобилизовать другие виды идентичности, например, классовую, которая практически исчезла из повестки дня в связи с кризисом марксистской идеологии. Всеобщее чувство уязвимости вместе с кризисом коллективных ценностей позволили проблематике национальной идентичности оставаться в самом центре дискуссий вплоть до сегодняшнего момента.

В этот же период во Франции, как и в других странах Западной Европы, начинает набирать силу концепция мультикультурализма, практически неограниченной интеграции в нацию все новых и новых членов. Однако, в связи с известным иммиграционным кризисом, разразившимся в Европе в последние годы, такая модель изменения национальной идентичности терпит явный крах. Кроме того, подобный подход идет абсолютно в разрез с одним из основных постулатов республиканской национальной идентичности французов о единстве и неделимости нации, о ее гомогенности и однородности.

Именно поэтому в последние десятилетия, как правые, так и левые президенты и правительства на словах признают сложную мультикультурную структуру современного общества Франции. В то же время, даже на формальном уровне отказывают этим разным культурам, группам и этносам в праве быть официально обозначенными, дабы французская нация хотя бы в официальных отчетах продолжала выглядеть, как и прежде монолитно. Имеется в виду полное отсутствие официальных данных об этнической, расовой, религиозной принадлежности граждан (при рождении, получении вида на жительство/гражданства и т.д.), такая статистика просто не ведется.

Неудивительно, что в реальной жизни французское общество, а вместе с ним и часть политического класса страны (в основном правого спектра), все острее замечает тревожные трансформации, которые порой вызывают самую резкую реакцию. Например, бывший президент Франции Н. Саркози выступил с резкой критикой политики мультикультурализма в отношении новых граждан республики и заявил о необходимости скорейшего внедрения практики полной их ассимиляции, стирающей какие-либо «следы» их прежней этнической или религиозной идентичности [7]. Естественно, что подобный подход в сегодняшних условиях представляется слишком прямолинейным, трудноосуществимым и нежизнеспособным. В этом подходе крайне опасно то, что при нем акцент в модели национальной идентичности однозначно фиксируется в прошлом, а именно ориентация модели национальной идентичности на будущее, теснейшая связь образа будущего нации во временном плане с прошлым и настоящим скрепляет ее, формирует прочный каркас и гарантирует само существование нации.

Проблема кроется еще и в том, что в идеологическом, научном и эпистемиологическом плане видение плана прошлого под названием «История Франции» до сих пор датируется серединой XIX века. Принимая во внимание новые знания, за последние 150 лет нашедшие отражение в работах археологов, антропологов, историков, данное видение представляется губительным для французского общества. В настоящий момент крайне актуальным является осмысление прошлого Франции в контексте общей истории человечества, отход от присущей французской исторической и политической науке замкнутости в рамках национальной территории. Картина прошлого, а, как следствие, и будущего должна иметь более глобальный характер, она более не может находиться в рамках евроцентристского восприятия времени (античность, Средние века, эпоха модерна, современность), которое во многом является пережитком прошлого, но все еще остается институализированным на самом официальном уровне.

Подводя итог, следует отметить, что французская революционная модель национальной идентичности оказала значительное влияние на формирование национальной идентичности в самых разных странах по всему миру. Модель российской идентичности, испытывавшая глубокие

трансформации в результате Русской революции 1917 года, впитала в себя определенные черты республиканской модели французской нации. Однако, на современном этапе российская идентичность, вновь находясь в процессе серьезных трансформаций в результате, как внешних воздействий, так и внутренних процессов в российском обществе, показывает большую стабильность, жизнеспособность и практическую ориентацию на будущее, сохраняя при этом временную связь «прошлое-настоящее-будущее».

По нашему мнению, секрет успешности и стабильности российской модели, равно как и ее привлекательности для ряда стран и народов, заключается в изначальном постулировании многоэтничности, национальном и религиозном разнообразии российской нации, самобытности ее составляющих, но при этом единстве культуры, общности истории народов России. Таким образом, российской нации удастся быть открытой для всех возможных новых составляющих (вспомним опыт вхождения Республики Крым и города Севастополь в состав России), но при этом не возникает идентификационной напряженности внутри нации, которая характерна для современного французского и европейского общества.

Ведь проблема представляется не в самом факте полиэтничности и многоконфессиональности современной Франции (лишь немногие современные европейские страны могут считаться действительно однонациональными), а именно в этом концептуальном «провале» между сутью модели республиканской нации, которая по определению монолитна и единообразна, и фактическим положением вещей, которое абсолютно не соответствует данному подходу. Причем отметим, что применение именно подобной французской модели национальной идентичности (зачастую с упором именно на монолитность и однородность нации) в ряде стран в XX веке и в наше время имеет довольно неоднозначные последствия. В краткосрочной перспективе подобный подход позволяет достигать определенных положительных результатов, но через некоторое время внутренние противоречия запускают необратимый процесс распада утверждаемого единства нации. Так, основные принципы однонациональности, абсолютного доминирования одного языка, заложенные М. К. Ататюрком в основу модели турецкой национальной идентичности, не учитывающие реальной этнической и языковой обстановки, уже в наши дни приводят к глубинному кризису турецкой нации. Еще более нелепыми выглядят попытки политического класса стран Балтии, Украины в XXI веке постулировать монолитность соответствующих наций, агрессивно насаждать языковую однородность и т.д.

Как уже было сказано выше, образ будущего, формируемый в рамках той или иной концепции национальной идентичности, в конечном счете, определяет ее успешность и стабильность в дальнейшем. Совпадение видения будущего каждого гражданина, каждой этнической или религиозной группы населения с тем глобальным образом, который предлагает модель национальной идентичности, и создает условия для динамичного развития общества, его социально-экономического и политического прогресса.

Список литературы

1. Малинова, О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Журнал ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза : сайт. – URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (дата обращения: 28.08.2017).
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
3. Gaskill, H. The Reception of Ossian in Europe / H. Gaskill. – London, New York : Continuum International Publishing Group, 2004. – 520 p.
4. Goldstein Sepinwal, A. The Abbé Grégoire and the French Revolution; the Making of Modern Universalism / A. Goldstein Sepinwal. – Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 2005. – 341 p.
5. Kantorowicz, E. H. The King's Two Bodies: A study in Mediaeval Political Theology / E. H. Kantorowicz ; introduction C. Leyser, preface W. C. Jordan. – 2nd ed. – Princeton : Princeton University Press, 1957. – 632 p.
6. Martigny, V. Dire la France. Culture(s) et identités nationales (1981-1995) / V. Martigny. – Paris : Presses de Sciences Po, 2016. – 376 p.

7. *Nos ancêtres les Gaulois: Sarkozy crée la polémique* // L'OBS : site. – URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/presidentielle-primaire-droite/20160920.OBS8356/nos-ancetres-les-gaulois-sarkozy-cree-la-polemique.html> (дата обращения 30.08.2017).

8. *Perget, J. Virtualité et réalité de l'identité française* / J. Perget. // *Topique*. – 2011. – vol. 114. – № 1. – С. 17-22.

Статья поступила в редакцию 8.06.2017

Sentsov, A. E. *The Formation of National Identity: Causes of Crisis Phenomena*

The article deals with the problem of the building of the national political identity through the example of the French Republic. Nowadays the models of the national identity that have been developed for centuries face serious problems because of the social, economic, and political changes of the modern global society. The aim of the work is to study the prerequisites and the process of forming of the French national identity in the context of all-European trends. In the article the key stages of creation of the French national identity model are revealed and the conceptual structure of this model is determined. Finally the author analyzes the process of the nation formation and emphasizes its characteristics which have led subsequently to a large-scale identity crisis that marks the modern French and European society. As a result, the French experience is compared with the practice of the construction of the Russian national identity. The Russian model of the national political identity is considered as more stable and efficient due to the heterogeneous nature of its parts and, at the same time, because of the common cultural and value potential of the Russian nation in historical retrospection and in the current state of affairs.

Key words: national identity, identity crisis, Russian model of the national identity, image of the future, French nation.

УДК 902(477.75)

Рассматривается деятельность севастопольских музеев в 1941-1942 годах, в период обороны города, и процесс эвакуации их коллекций, в результате которого большую часть музейных собраний Севастополя удалось сохранить.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музейное дело, музеи Севастополя.

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: elenaboicova@list.ru

Е. В. Левченко, магистрант

Севастопольский государственный университет

СПАСЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изучение деятельности севастопольских музеев в один из самых драматичных периодов истории XX века – в годы Великой Отечественной войны, дает возможность глубже понять систему духовных ценностей советского народа, истоки его самоотверженности в спасении памятников историко-культурного наследия. В стремлении сберечь бесценные коллекции от немецко-фашистских захватчиков сотрудники музеев Севастополя ежедневно проявляли стойкость, мужество и самопожертвование, ставшие примером для будущих поколений. В 1944 году, сразу после освобождения Крыма от немецко-фашистской оккупации, потребовались столь же героические усилия для проведения реэвакуации и восстановления севастопольских музеев.

Значительный вклад в изучение истории советских музеев в годы Великой Отечественной войны внесли работы Л. К. Александровой, Л. В. Макасовой, Н. И. Никандрова, Д. А. Равикович, М. П. Симкина, Т. Ю. Юреновой и других исследователей [1; 24; 28; 36; 39; 48]. Деятельность в 1941 – 1945 годах крымских и севастопольских музеев пока остаётся мало изученной, однако, её различные аспекты рассматриваются в публикациях С. А. Андросова, И. А. Антоновой, Н.А. Бендюковой, З. П. Богоявленской, Е. В. Веникеева, Л. В. Голиковой, В. М. Зубаря, Л. Ю. Исаевой, С. В. Костюченко, С. В. Рузаева и других учёных [2; 3; 5; 7; 10; 17; 20; 37; 38].

В данной статье предпринята попытка систематизировать материалы о деятельности севастопольских музеев в 1941-1945 гг. Исследование базируется на разнообразном круге источников, в том числе материалах Государственного архива города Севастополя (ГАГС). В двух фондах ГАГС: Управления градостроительства и архитектуры Севастопольской городской государственной администрации (Р-308) и Управления культуры Севастопольской городской государственной администрации (Р-183) представлены копии распорядительных документов центральных органов власти и подлинные материалы делопроизводства Крымского областного Совета депутатов трудящихся, Исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся, Управления Главного архитектора города Севастополя и другие, относящиеся к рассматриваемому периоду [33; 34; 42; 43]. Например, переписка с областными отделами архитектуры и Управлением по делам архитектуры при Совете Народных Комиссаров РСФСР по вопросам охраны и ремонта памятников архитектуры в Крыму с 21 апреля 1945 по 24 декабря 1945 г. [34].

Редкие документы хранятся в коллекциях ведомственных архивов, в том числе архива Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (АГИАМЗХТ) и архива Государственного музея Героической обороны и освобождения Севастополя (АГМГООС). В частности, путевые дневники С. Ф. Стржелецкого (сентябрь - декабрь 1941 г.), «Докладная записка о Херсонесе в эпоху немецкой оккупации бывшего хранителя музея А. Тахтая от 1 января 1945 г.» [13; 31], «Сообщение об эвакуации панорамы К. Т. Святенко от 21.09.1942 г. Кустанай», «Общие сведения по реставрационному обследованию Панорамы «Оборона Севастополя»

от 6.09.1944 г.», «Стенограмма совещания экспертной комиссии по восстановлению Панорамы академика живописи Ф.А. Рубо от 7.12.1950 г.» и др. [25; 32; 42; 43].

Многие материалы по истории героической эпопеи спасения и восстановления севастопольских музейных собраний были опубликованы, в том числе, воспоминания участников этих событий: В. М. Апошанского, Б. А. Борисова, В. Н. Ерошенко, Н. А. Невровой, А. П. Пальчиковой, Г. В. Терновского, А. М. Хамадана [4; 14; 27; 30; 44; 45].

В Севастополе, накануне Великой Отечественной войны, функционировали: Херсонесский историко-археологический музей, Панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», Военно-исторический музей Черноморского флота и картинная галерея.

Севастополь как главная база Черноморского флота, одним из первых городов нашей страны принял удар фашистской авиации, поэтому ценнейшие собрания севастопольских музеев были включены в первоочередные планы эвакуации. Уже в июле 1941 года, по указанию Советского правительства и Крымского обкома партии, в Севастополе началась эвакуация на Кавказ заводов, учреждений, культурных и исторических ценностей. Общее руководство эвакуацией осуществлял секретарь горкома партии А. А. Сарина [9, с. 8]. До начала обороны Севастополя удалось эвакуировать не только важнейшие предприятия, но и Институт имени Сеченова, техникумы, ремесленные училища, Биологическую станцию АН СССР, драматический театр, наиболее ценные экспонаты Херсонесского музея и Военно-исторического музея Черноморского флота.

С началом Великой Отечественной войны главной задачей музеев, оказавшихся в прифронтовой полосе, стала забота об обеспечении сохранности коллекций и объектов историко-культурного наследия. Уже 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при Совнарком СССР, определявший в государственном масштабе сроки, маршруты, порядок, очередность, пункты размещения эвакуируемых предприятий и учреждений. По указанию Совета по эвакуации Народный комиссариат просвещения РСФСР разработал общий план эвакуации музеев. Собрания музеев, подлежащих эвакуации, были разделены на три группы: первой, второй и третьей очередности. Областные и районные музеи должны были эвакуироваться при поддержке местных отделов народного образования, которым надлежало обеспечить транспорт и сопровождающих к базам хранения ценностей в тылу. Однако, консервация фондов и эвакуация музеев проходила в тяжелых условиях обстрелов, бомбардировок, отсутствия упаковочного материала, сложностей с транспортировкой, когда многие экспонаты не удалось спасти. В тоже время, готовясь к эвакуации, музеи продолжали функционировать, их работники не только заботились о сбережении экспонатов, но и продолжали прием посетителей, проведение агитационных лекций и бесед, выставочной работы [39, с.205].

В Херсонесском музее, в 1934 г. получившем статус Государственного археологического заповедника, в предвоенный период велась насыщенная культурно-просветительная и научно-исследовательская деятельность [35, л.9-14]. Ежегодно музей посещали более 30 000 человек, раскопки древнего города Херсонеса и окрестных поселений проводились на площади в 3695 м², действовала реставрационная лаборатория, значительного развития достигла издательская деятельность [17].

По материалам отчета Станислава Францевича Стржелецкого, война для Херсонесского музея началась 25 июня 1941 г., когда во двор музея упала 500-килограммовая бомба, взрывом которой были повреждены музейные здания. [32, л.2]. Преобладающая часть мужского состава работников вошла в ряды народного ополчения, четыре сотрудника музея записались добровольцами в ряды Красной Армии, заместитель директора Василий Петрович Лисин в ноябре 1941 г. ушел в Севастопольский партизанский отряд, стал его политруком, погиб в апреле 1942 г. в районе мыса Айя под Балаклавой [23].

По мере приближения фронта все острее вставал вопрос о необходимости эвакуации Херсонесского музея в тыл, и оставшиеся сотрудники начали сворачивать экспозицию. Был острый дефицит ящиков для упаковки, поэтому стали извлекать из подвалов старые монастырские сундуки. По разнарядке в эвакуацию музею было разрешено вывезти 3 тонны груза, однако, благодаря настойчивости директора музея Ивана Даниловича Максименко, фактически было упаковано и вывезено 108 ящиков весом 8 тонн, в которых находились 51 памятник, архив археологических раскопок с 1888 по 1941 годы, научные материалы, библиотека [19, с. 32]. Сопровождать ценный груз был назначен Станислав Францевич Стржелецкий. 18 сентября 1941 года херсонесская коллекция была погружена ночью на теплоход «Волга», шедший в г. Поти. Прошло больше трех месяцев невероятных трудностей, долгих стоянок, голода и холода, постоянной тревоги за целостность музейных экспонатов, прежде чем 26 декабря 1941 г. имущество Херсонесского музея было доставлено С. Ф. Стржелецким в Свердловск, где его приняла директор Свердловского краеведческого музея Антонина Петровна Курбатова. К этому времени в Свердловск уже были эвакуированы коллекции Эрмитажа, которые разместили на базе Свердловского областного антирелигиозного музея,

располагавшегося в печально известном бывшем доме инженера Н. Н. Ипатьева. Директор филиала Государственного Эрмитажа Владимир Францевич Левинсон-Лессинг принял самые ценные херсонесские вещи. Для хранения остальных экспонатов Херсонесского музея по ходатайству заведующего областным отделом народного образования Николая Федоровича Хлесткого было выделено помещение в бывшем фотоателье по почтовому адресу г. Свердловск, улица К. Либкнехта, 49 [32, л.51]. Приказом Народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина от 29 января 1942 года С. Ф. Стржелецкому была объявлена благодарность за исключительную добросовестность, инициативу, энергию и настойчивость, проявленные при эвакуации музейных ценностей, а его имя занесено в Книгу почета работников Наркомпроса [19, с. 35].

Херсонесский музей, который вывез наиболее ценную часть собрания до начала обороны Севастополя, был единственным из музеев Крыма, осуществившим эвакуацию своевременно и по возможности полностью. Однако значительная часть памятников все же оставалась в Херсонесе, сотрудники музея пытались обеспечить их сохранность. Толстым слоем земли были засыпаны мозаики, для хранения памятников оборудованы две большие античные цистерны. Значительный вклад в сбережение херсонесских памятников внес научный сотрудник, а с января 1942 года хранитель музея Александр Кузьмич Тахтай [19, с. 35].

Еще одна история самоотверженного спасения городских музейных коллекций связана с подвигом Михаила Павловича Крошицкого, директора Севастопольской картинной галереи с 1939 года. Накануне войны в собрании галереи находилось 2466 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, из них в экспозиции были представлены 1466. Осознавая уникальный состав и ценность коллекции, Михаил Павлович Крошицкий своевременно, уже в сентябре 1941 года, начал подготовку музейного собрания к эвакуации. В ноябре 1941 года М. П. Крошицкому удалось упаковать и доставить на пристань в Южной бухте более 100 ящиков с художественными экспонатами. Начавшаяся ночью 12 декабря 1941 г. дорога М. П. Крошицкого с бесценным грузом в тыл, длилась около 13 месяцев. Движение из Севастополя до сибирского Томска включало переправы по Черному и Каспийскому морю, проезд по Грузии, Азербайджану, Туркмении, Узбекистану, Таджикистану, Киргизии, Казахстану, Алтайскому краю. Протяженность пути составила больше 11 тысяч километров, 43 перегрузки, 186 суток на колесах. На этом пути самоотверженность М. П. Крошицкого позволила спасти более 1200 ценнейших памятников. За спасение коллекции уже после войны М. П. Крошицкий был награжден медалями «За оборону Севастополя» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [3, с.4-6; 22].

Находясь в Томске с января 1943 по май 1945 г., Крошицкий не только обеспечивал сохранность привезённых им художественных ценностей, размещённых в помещениях Томского краеведческого музея, но и занимался творческой работой, участвуя в выставках, ведя общественную и педагогическую работу. Будучи опытным музейным работником и специалистом-искусствоведом, оказывал помощь в организации хранения картин Томского краеведческого музея, испытывавшего значительные затруднения в высококвалифицированных кадрах, а также занимался их реставрацией. Кроме этого, реставрировал музейные ценности, доставленные в Томск из музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и размещенные на хранение в научной библиотеке Томского государственного университета [18, с. 95 - 97].

Известный всей России, старейший музей Севастополя - Музей Крымской войны в 1940 году был объединен с Музеем революции в единый Военно-исторический музей Черноморского флота, начальником музея был назначен политрук С. А. Кузнецов. После введения в Севастополе осадного положения основной фонд Военно-исторического музея был отправлен на Кавказ в Туапсе, а затем в Ульяновск. Сопровождавшим груз морякам под бомбежками и обстрелами удалось сохранить уникальные коллекции [7, с.86-91; 33].

Однако, часть экспонатов оставалась в осажденном Севастополе и музей продолжал свою работу, не только сохраняя имеющиеся экспонаты, но и собирая новые коллекции, рассказывающие о событиях военного времени. В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с целью сбора и публикации материалов о боевых подвигах и героическом труде советских граждан. По данным С. В. Рузаева, практически одновременно в середине января 1942 года были сформированы специальные городская и областная комиссии для сбора материалов о героической обороне Севастополя. Возглавил областную комиссию секретарь обкома Ф. Д. Меньшиков, в ее состав вошли председатель городской комиссии, секретарь горкома Б. А. Борисов, редактор газеты «Красный Крым» Е. П. Степанов, а также представители политуправления Черноморского флота и политотдела Приморской армии [37, с.207].

Началась подготовка музейной экспозиции «Героическая оборона Севастополя», однако, здание Военно-исторического музея на ул. Ленина сильно пострадало, поэтому было принято решение разместить новую выставку в относительно хорошо сохранившемся здании на ул. Фрунзе (ныне - это дом на проспекте Нахимова, 9, в котором расположен Севастопольский художественный музей им. М. П. Крошицкого). Три зала новой музейной экспозиции были открыты 23 февраля 1942 года ко Дню Красной армии. В новой экспозиции был помещен пробитый пулей и обгаренный кровью партийный билет морского пехотинца И. В. Личкаго. Среди других экспонатов - портрет Героя Советского Союза А. А. Губрия. На стендах были представлены материалы об артиллеристах 30-й батареи, о кораблях эскадры, фронтовые снимки, партийные и комсомольские документы, трофейные пушки, другое оружие [45, с.91].

Ежедневно музей посещало 800-900 человек. Пропагандисты и агитаторы, пополнив свои блокноты яркими примерами и фактами, рассказывали защитникам о подвигах их товарищей по оружию. В конце обороны Севастополя из экспонатов музея была оформлена передвижная выставка. Она побывала в воинских частях, которые дислоцировались по побережью от Новороссийска до Батуми, и пользовалась большим успехом. Эта работа была продолжена и в дальнейшем, в июле 1943 г. за подписью члена Военного совета Черноморского флота Н. М. Кулакова издана инструкция по сбору реликвийного, трофейного материала. В ней говорилось, что всем командирам соединений, кораблей и частей надо оказывать всемерное содействие начальнику музея лейтенанту Г. В. Богданову в сборе и транспортировке вещественно-исторических материалов об участии кораблей, частей и соединений ЧФ. Активистам выдавались специальные удостоверения. Собранные материалы нашли потом свое место в экспозиции возрожденного музея Черноморского флота.[7, с.89].

Спасение одного из самых значимых и символических для севастопольцев памятников - Панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», созданной художником-баталистом Францем Рубо, оказалось наиболее сложным и драматичным. Попытки вывезти уникальное батальное полотно предпринимались уже в первые месяцы войны. Панорама была включена в «Список 89 предприятий и организаций, подлежащих эвакуации из Крымской АССР в 1941 году в первую очередь», местом прибытия должен был стать Сталинградский художественный музей [46, л.245, 248]. Однако, эвакуация полотна была отложена, так как снять его не повредив живописный слой, по мнению директора Панорамы Т. Ф. Пырковой и М. П. Крошицкого, директора Севастопольской картинной галереи, было крайне сложно. В сентябре 1941 года по запросу Севастопольского горкома партии обследовать Панораму были приглашены С. Н. Чукин, директор Крымского Центрального краеведческого музея и А. И. Полканов, главный хранитель Симферопольской картинной галереи. Приглашенные специалисты пришли к выводу, что полотно Панорамы можно и даже необходимо эвакуировать, но с их заключением не согласилось военное командование [38, с. 149 - 150]. По свидетельству Бориса Алексеевича Борисова, который в 1941 - 1942 гг. был первым секретарем Севастопольского горкома ВКП(б), Председателем Городского комитета обороны, «военное командование и руководство города всеми силами стремились сохранить гордость Севастополя – славную панораму, которую из-за ветхости невозможно было эвакуировать» [8, с. 228]. С этой целью старались, по возможности, не размещать вблизи здания Панорамы военных объектов и обеспечить противопожарную защиту полотна. Предметный план по просьбе директора Панорамы Т. Ф. Пырковой в августе 1941 года был разобран учителями и старшеклассниками близлежащих школ №№ 3, 14, 19. Они «...организованно приходили и усердно работали по разборке бутафории — досок, фашин, амбразур, мешков, набитых стружками, и др.» [25, л.3-4]. После уборки бутафории они «сгребли песок в кучки вдоль нижнего края полотна, чтобы в случае пожара можно было воспользоваться для тушения, расставили бочки с водой, достали шланги».

Почти весь период обороны Севастополя от гитлеровских захватчиков музей не прекращал работы и защитники города черпали силы в образах своих предков – героев Крымской войны. Однако, в июне 1942 года, когда начался третий штурм Севастополя, в условиях значительно усилившихся налетов вражеской авиации и артобстрелов, здание и полотно Панорамы стали подвергаться постоянной опасности. По сведениям генерал-майора артиллерии в отставке Иосифа Кузьмича Семенова, начальника штаба противовоздушной обороны Севастопольского базового района в 1941 – 1942 гг., на главной аллее Исторического бульвара, между Панорамой и памятником Э. Тотлебену, был расположен командный пункт противовоздушной обороны Севастополя. Вся территория Исторического бульвара находилась под охраной 1-й роты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), которой командовал лейтенант Черкасов. На восточном склоне Исторического бульвара, у беседки «Грибок», располагалась 357-я малокалиберная зенитная батарея. В 200-х метрах южнее Панорамы на территории Исторического бульвара находилась зенитная пулеметная рота [11]. В штольнях подземных галерей, проложенных русскими саперами еще в 1854 - 1855 гг., размещались

курсы средних командиров Береговой обороны Черноморского флота, начальник курсов - капитан Александр Петрович Ломан.

По воспоминаниям Георгия Владимировича Терновского, одного из участников спасения панорамы, 22 – 24 июня 1942 г. район Исторического бульвара подвергался систематическим обстрелам и бомбежкам, которые привели к повреждению полотна [44, с.100]. Факт обстрелов подтверждается оперативными сводками штаба ПВО [11]. 25 июня 1942 г. в 18 - 18.40 в результате бомбардировки в здании Панорамы начался пожар, и все кто находился рядом: курсанты, моряки, солдаты, пожарные бросились спасать уникальное полотно. Очевидцы едины в том, что в самом начале бомбардировки были разрушены два участка стен здания Панорамы: левый (северный) и центральный (западный) фасады, что подтверждают и фотодокументы. Когда лейтенант Черкасов и капитан Ломан прибыли на место «...большая часть полотна силой взрыва была сорвана со стены и лежала на полу. Дымящиеся куски драгоценной картины, как тряпки, свешивались с поддерживающих крючьев. Потолок горел, в здание входить было опасно» [4, с.31]. Огромный холст, размером 14х115 метров, защитникам панорамы приходилось снимать без соответствующего инвентаря и условий. «...Холст разрубали пожарными топорами и разрезали ножами на куски тут же, на земляных площадках предметного плана, быстро свертывали в рулоны и выносили наружу», - писал Г. В. Терновский [44, с.102]. Группами курсантов руководили начальник учебной части курсов А. Н. Пучко, комиссар А. В. Карявин, преподаватель лейтенант Булгаков. По свидетельству Якова Яковлевича Волевича, служившего в июне 1942 г. в 11-м отдельном батальоне ВНОС начальником поста, в спасении картины принимали участие и пехотинцы, и пожарные команды города. Во время спасения полотна их беспокоили немецкие самолеты. Части картины сворачивали и переносили в овраг, в штольни [25, л.51]. По воспоминаниям А. П. Ломана: «Спасение происходило в течение 1,5-2 часов. Израненное, опаленное, неумело разрезанное полотно находилось под слабой защитой кустов акаций, окружавших ров. Для упаковки были выданы из каптерки двести одеял. В одеяла, свертывая в рулоны, зашивают все 86 кусков полотна, спасенные эскизы и портреты. Огромные тюки, многие из них больше десяти метров длины, их общий вес - свыше 2-х тонн. Главные упаковщики - Надя Зайченко, Полина Проуторова, Марина Казарьян, Ирина Миронова. Заготавливают деревянные бирки с надписью: «Севастопольская панорама. Получатель: Академия Художеств СССР. Отправитель: КСК ГВМБ ЧФ п/я 810» [25, л. 16-19].

Затем по приказу командования Черноморского флота 36 тюков спасенных фрагментов полотна панорамы на шести машинах штаба флота и машине курсов были отправлены в Камышовую бухту, к месту швартовки лидера эсминцев «Ташкент», который принял на борт этот бесценный груз. 27.06.1942 в 01.50, забирая с собой 2300 человек раненых и эвакуированных, «Ташкент» под командованием капитана 3 ранга В. Н. Ерошенко направился из Севастополя в Новороссийск. Во время следования на него было сброшено свыше 300 бомб. Корабль избежал прямых попаданий бомб, но от близкого их разрыва корпус получил значительные повреждения. Заклинило руль, затопило румпельное отделение. «Ташкент» принял 1900 т. забортной воды и получил значительный дифферент на нос, и все-таки продолжал малым ходом идти к Новороссийску. Из личного состава было убито три и ранено десять человек, из числа принятых на борт убито шесть, вторично ранено пять и погибло в затопленных кубриках 50 человек. На подходе к берегам Кавказа навстречу «Ташкенту» вышли эсминцы «Сообразительный» и «Бдительный». Сняв часть людей, они отбуксировали лидер в Новороссийск [14; 9, с. 223].

По воспоминаниям А. П. Ломана, сопровождавшая Панораму М. А. Казарьян-Ломан была тяжело ранена в грудь, поэтому в Новороссийске этот труд взял на себя К. И. Ленко, директор севастопольской школы № 32. Именно он, его жена и их 14-летняя дочь Ирина вместе с матросами в Новороссийске разворачивали тяжелые тюки, чтобы просушить полотно [25, л.25].

Из Новороссийска спасенные фрагменты Панорамы, упакованные теперь в 16 деревянных ящиков были отправлены в Махачкалу, откуда на пароходе «Осетин» доставили в г. Красноводск, а затем в товарном вагоне груз был отправлен по маршруту Ашхабад - Самарканд - Ташкент - Актюбинск - Орск – Кустанай, куда прибыл 18 сентября 1942 г. В г. Кустанае фрагменты Панорамы были переданы Л. Д. Морозову, начальнику государственного объединенного музейно-библиотечного хранилища № 1, и некоторое время находились в отапливаемом музейно-библиотечном хранилище Наркомпроса. Наконец распоряжением председателя Комитета по делам искусств от 28 ноября 1942 г. спасенные фрагменты полотна были направлены в г. Новосибирск, куда были вывезены фонды центральных музеев страны [38, с. 153].

В фойе Новосибирского театра оперы и балета фрагменты спасенной Панорамы были развернуты для составления описей повреждений и фотофиксации каждого из них. Задача художников-

реставраторов заключалась «в установлении числа фрагментов и их общей площади, наличия сохранившейся живописи по содержанию и значимости изображений (баталии, композиции фигур и т.д.), определении степени поврежденности полотна и живописного слоя, в детализированной научной фиксации состояния каждого куска в виде отдельного протокола-описания, проведении реставрационно-консервационных мер (очистка от загрязнений, выравнивание смятости полотна, предохранение от осыпей...». После завершения реставрации планировалось фрагменты систематизировать по размерам и накатать на специальные валы для продолжительного безболезненного хранения [29, л.100].

Художники-реставраторы Государственной Третьяковской галереи Е. В. Кудрявцев, С. С. Чураков, К. А. Федоров обследовали уцелевшие части картины и сделали следующие выводы: площадь спасенных фрагментов живописного полотна - 1116,9 м² от общей площади 1610 м². Следовательно, утрачено 493,1 м² живописного полотна. Чтобы определить недостающую часть изображений по содержанию, была изготовлена общая фотография неповрежденной Панорамы путем пересъемок со старых открыток. Полученная таким образом фотография состояла из 12 отдельных кадров. Имеющиеся в наличии части Панорамы отмечались на них по контуру с последующей однотонной тонировкой соответствующей площади. Это помогло сделать вывод о том, что в основном отсутствует живопись неба и что площадь недостающих изображений пейзажа и отдельных сцен составляет приблизительно 110 м² [29, л.102].

Все фрагменты имели неровно обрезанные края, были испещрены сквозными прорывами. Осыпи красочного слоя и грунта на многих фрагментах обнажили холст. Тщательный осмотр выявил 6070 сквозных прорывов. Поверхность живописи была сильно загрязнена налетами мела, извести, строительной пыли, значительными скоплениями песка, кусками штукатурки, что нередко скрывало изображения. В отдельных случаях наблюдались пятна разложившегося лака, не исчезающие при первичной промывке. Зрелище было действительно удручающим, фрагменты находились в плачевном состоянии [29, л.104].

Было трудное военное время, однако нашлись силы и средства, которые в Новосибирске оказали первую помощь израненному полотну. Специальный корреспондент газеты «Известия», рассказывая на страницах газеты о скромных и мужественных людях, писал: «Нужен был спирт, скипидар, растительное масло, тонкая бумага, мед, мыло и в таких количествах, что не хватило бы продовольственных карточек всех жителей театра. Сибирь все это раздобыла, дала. Реставраторы Е. В. Кудрявцев и К. А. Федоров ползали по полотнам, снимали грязь и плесень, восстанавливали краски, а дети хранителей картин расширенными зрачками смотрели то на холсты, то на банку с густым коричневым медом, с настоящим тягучим медом, который столовыми ложками размазывали по полотну» [46, с.58]. После завершения профилактической реставрации все фрагменты были накатаны на шесть валов: два из них длиной пять метров, четыре - по три метра [29, л.104-105].

Таким образом, сотрудники севастопольских музеев исполнили свою главную задачу, все наиболее ценные памятники из музейных собраний города-героя были эвакуированы и спасены. Однако, во время фашистской оккупации историко-культурному наследию Севастополя был нанесен невосполнимый ущерб. В справке об «Уничтоженных и разрушенных исторических и архитектурных памятниках в городе Севастополе немецко-фашистскими оккупантами в период 1942-44 гг.» было зафиксировано, что «немецко-фашистские варвары в своей дикой злобе и ненависти к русскому народу в период хозяйничанья в 1942-44 годах уничтожили и разрушили почти все замечательные памятники Севастополя» [41, л.4].

Территорию Херсонесского городища, скрывавшую в себе множество неизученных памятников, гитлеровцы превратили в укрепленный район с многочисленными дотами и дзотами, опутали сложной системой проволочных заграждений, изрыли траншеями, землянками и бомбоубежищами. Стены многих древних зданий были разобраны, и камни пошли на постройку пулеметных и зенитных точек. Фундамент древних оборонительных стен Херсонеса более чем в ста различных местах был разрушен и подрыт для устройства укрытий. Взрывами бомб были повреждены античный и средневековый отделы музея, разрушены жилые и хозяйственные постройки, здание бывшего Владимирского собора, в котором хранились фонды музея. Общая сумма ущерба, нанесенного гитлеровцами Херсонесскому музею, не считая древних памятников городища, стоимость которых определить невозможно, составила около восьми миллионов рублей [41, л. 46 - 52]. Сохранить многие херсонесские памятники помог А. К. Тахтай, который остался в оккупированном Севастополе ради служения Херсонесу [13]. Ольга Берггольц, русская писательница и поэтесса, побывавшая в Севастополе в 1944 г., через четыре месяца после его освобождения, написала в своей книге: «...Под ежеминутной угрозой ареста, лагеря, смерти, Тахтай берег и хранил музей. За старым ученым постепенно закрепилось прозвище «спаситель Херсонеса» [6, с.131-151].

Памятники обороны Севастополя 1854-1855 гг., здание Панорамы на Историческом бульваре были разрушены. В значительной мере пострадало здание Военно-исторического музея на ул. Ленина, а ценнейшие экспонаты и уникальные книги библиотеки музея были расхищены и увезены оккупантами. Оставшиеся в нем экспонаты были изуродованы, разорена научная библиотека. Портреты Г. Вакуленчука, А. Гладкова, П. Кошки, А. Матюшенко проколоты штыками. В неприглядном виде находилось полуразрушенное музейное здание, на первом этаже которого гитлеровцы устроили конюшню [41, л. 46 - 52].

Нанесенный войной ущерб, в условиях военного времени и трудностей послевоенного периода, восполнить было крайне тяжело, однако восстановлению музеев уделялось первостепенное внимание. Исполком Севастопольского городского совета уже 26 августа 1944 г. принял решение о эвакуации Херсонесских памятников из Свердловска. В Управлении Главного архитектора г. Севастополя была составлена смета на реставрацию памятников Херсонеса, по которой выделялись значительные средства: в 1945 – 50 тыс. руб., в 1946 – 18 тыс. руб., в 1947 – 47 тыс. руб.» [34]. Коллектив сотрудников музея в короткий срок проделал огромную работу по восстановлению помещений музея и подготовке к открытию для посетителей музейной экспозиции, временно размещённой в одном большом зале. 25 февраля 1945 г. газета «Красный черноморец» сообщала: «Сегодня отмечается событие, немаловажное в научной жизни Севастополя, Крыма и всей нашей страны: открывается Государственный Херсонесский музей... Экспозиции, вывезенные в свое время на Урал, возвращены в музей. Торжественное открытие посвящается доблестным воинам Красной Армии и Черноморского флота, освободившим Севастополь» [21].

Весной 1945 г. начался обратный путь произведений искусства Севастопольской картинной галереи и уже 11 июня закончилась их эвакуация. Из эвакуации было возвращено 1236 экспонатов, из них: дореволюционного искусства - 432 (338 - живопись, 3 - скульптура, 71 - графика, 13 - прикладное, 7 - прочие), советского искусства - 66 (40 - живопись, 26 - графика), зарубежного искусства - 738 (245 - живопись, 9 - скульптура, 343 - графика, 141 – прикладное) [22, л.7-9]. Однако прежнее здание музея сгорело и в разрушенном Севастополе не было подходящего помещения для размещения галереи. Поэтому в ноябре 1947 года в Симферополе на ул. К. Либкнехта, 35, была открыта объединенная экспозиция Севастопольской и Симферопольской картинных галерей. Только в 1956 г. М. П. Крошицкому удалось добиться возвращения коллекций в Севастополь. 5 ноября 1956 г. Севастопольская картинная галерея была вновь открыта в здании на ул. Советской, 5, а весной 1958 года музей разместился в двух нижних этажах и подвале 4-этажного здания по пр. Нахимова, 9. [5, с.6-7].

После освобождения города Севастополя здание Военно-исторического музея было разминировано и строители приступили к его восстановлению. В 1945-1946 гг. фонды музея были возвращены из Ульяновска сначала в Центральный военно-морской музей, а оттуда в Севастополь [33, л.3-5].

Проектировщики, военные инженеры, строители восстановили в прежнем виде здание старейшего севастопольского музея. К августу 1948 г. оформление экспозиции было завершено. Уже 15 августа 1948 года в день Военно-Морского флота, музей Черноморского флота вновь вступил в строй. Честь перерезать ленту была предоставлена генералу Е. И. Жидилову - участнику героической обороны Севастополя 1941-1942 гг. Экспозиции музея была дополнена новыми разделами, в которых разместились памятники, связанные с героизмом защитников Севастополя в период второй обороны. Отдельные стенды демонстрировали героический труд севастопольцев в осаждённом городе, деятельность подпольщиков, труд строителей, возрождавших Севастополь [7, с.91].

27 мая 1946 г. в Центральных художественных реставрационных мастерских Третьяковской галереи обсуждался вопрос о судьбе панорамы «Оборона Севастополя 1854 – 1855 гг.». Было решено считать «нецелесообразным восстановление Панорамы из старых фрагментов с добавлением новой живописи в недостающих местах ввиду тяжелого состояния фрагментов, вытянутости кусков, их сферической формы и громадных размеров дублирующего холста, а также ввиду неизбежной деформации красок и холста в дальнейшем» [12, л.134; 15, л.26]. Распоряжением Совета Министров СССР № 17070 от 24 октября 1950 г. было закреплено решение о воссоздании Севастопольской панорамы. Материалы сохранившихся фрагментов, авторских эскизов и фотографий полотна Ф. А. Рубо стали основой для работы коллектива крупнейших художников Советского Союза под руководством действительных членов Академии художеств СССР В. Н. Яковлева и П. П. Соколова-Скаля 16 октября 1954 г., к 100-летию героической обороны Севастополя 1854 - 1855 гг., состоялось торжественное открытие Панорамы в здании, восстановленном по проекту архитектора В. П. Петропавловского [38, с.211].

Таким образом, Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб музейным собраниям и памятникам культуры Севастополя, однако, беспримерное мужество и стойкость советских людей: и военных, и гражданских, прежде всего, музейных работников – от зрителя до директора, позволили сохранить наиболее ценные коллекции севастопольских музеев.

С первых дней войны советским правительством предпринимались огромные усилия для спасения культурных ценностей. Уже 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР, определявший в государственном масштабе сроки, маршруты, порядок, пункты размещения людей и материальных ценностей, подлежавших перемещению из прифронтовых районов.

Подготовка к эвакуации собраний основных севастопольских музеев началась до начала обороны Севастополя. Своевременно были эвакуированы коллекции Херсонесского музея и Военно-исторического музея Черноморского флота. Уже в период осады, в декабре 1941 года отправилась в эвакуацию наиболее ценная часть собрания Севастопольской картинной галереи. На последнем этапе обороны, в конце июня 1942 года чудом удалось вывезти спасенные фрагменты полотна Панорамы.

Однако, эвакуированы были не все севастопольские музейные собрания, в период обороны Севастополя и Херсонесский музей, и Панорама, и Военно-исторический музей Черноморского флота продолжали свою работу, с помощью экскурсий, лекций, передвижных выставок пропагандировали героическое прошлое народов нашей страны, собирали материалы о защитниках города, помогая преодолевать военные невзгоды и верить в победу.

После освобождения Севастополя музейные сотрудники приступили к определению степени нанесенного немецко-фашистскими захватчиками ущерба и восстановлению разрушенных ценностей.

Список литературы:

1. Александрова, Л. К. Провинциальные музеи в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: На материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона России: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. К. Александрова. - Кострома, 2003. - 289 с.
2. Андросов, С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны / С. А. Андросов // IV Таврические научные чтения: сб. науч. трудов. - Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2004. - С. 11 – 24.
3. Антонова, И. А. Херсонесский музей за годы Советской власти / И. А. Антонова // Херсонесский сборник. - Вып. 5. - Симферополь: Крымиздат, 1959. - С.3-13.
4. Апошанский, В. М. Это было в июне / В. М. Апошанский. - М.: Военмориздат, 1943. - 64 с.
5. Бендюкова, Н. А. Севастопольский художественный музей им. М.П. Крошицкого / Н. А. Бендюкова, Н. В. Григорьева, Г. В. Лесич. - Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 1998. - 24 с.
6. Берггольц, О. Ф. Говорит Ленинград / О. Ф. Берггольц. - Л., 1946. - 184 с.
7. Богоявленская, З. П. Сокровищница доблести и славы / З. П. Богоявленская // Региональная Россия. – 2014. - № 3–4. - С. 86-91.
8. Борисов, Б. А. Подвиг Севастополя / Б. А. Борисов. - Симферополь: Крымиздат, 1951. - 325 с.
9. Ванеев, Г. И. Севастополь 1941-1942: Хроника героической обороны: в 2 кн. Кн. 1 / Г. И. Ванеев. - К., 1995. - 271 с.
10. Веникеев, Е. В. Большинство экспонатов погибло / Е. В. Веникеев // Таврические ведомости. - 1993. – 7 сентября. – № 36.
11. Воспоминания И. К. Семенова // Фонды ГМГООС, НВ 4813.
12. Дефектный акт о состоянии Панорамы «Оборона Севастополя 1854 - 1855 гг.» Ф. А. Рубо от 2.12.1950 г. // АГМГООС, НВ 3749. – л.134.
13. Докладная записка «О Херсонесе в эпоху немецкой оккупации быв. Хранителя Музея А. Тахтая. 1 января 1945 г.» // АГИМЗХТ. – ф.1, оп. 1, д. 881. - лл. 61-63.
14. Ерошенко, В. Н. Лидер «Ташкент» / В. Н. Ерошенко. – М., 1966. – 189 с. – URL : <http://militera.lib.ru/memo/russian/eroshenko/index.html> (дата обращения : 15.04.2017).
15. Заключение бригады реставраторов Панорамы «Оборона Севастополя» Ф. А. Рубо // Фонды ГМГООС, НВ 3749. – л.26.
16. Запись в книге посетителей подполковника Е. Ревенко от 4 марта 1945 г. // АГИМЗХТ. – ф.1, оп.1, д.627. - л. 4.
17. Зубарь, В. М. Херсонесский музей и археологическое изучение памятников Херсонеса и его окружи в 1941 – 1953 гг. // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / Под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь: СОНАТ, 2008. - С. 73.

18. Исаева, Л. Ю. Михаил Павлович Крошицкий в Томске. 1943-1945 годы. // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий / Сб. докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации Государственного Эрмитажа на Урал. - Екатеринбург, 2016. - С. 93 – 97.
19. Кончин, Е. Не предам Херсонеса! / Е. Кончин // Вокруг света. – 1981. - № 10. - С. 32 - 35.
20. Костюченко, С. В. Фрагменты живописного полотна Панорамы Ф. А. Рубо «Штурм 6 июня 1855 г.» из коллекции Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя: Каталог//С. В. Костюченко, С. П. Лесдорф, Е. П. Попова; Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. - Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2009. - 144 с.
21. Красный черноморец № 48 от 25 февраля 1945 г. // АГИАМЗХТ. - ф.1, оп.1, д.500. – л. 3.
22. Крошицкий, М. П. Автобиография. // АСХМ. л.1-9.
23. Лисин, В. П. // Виртуальный некрополь Севастополя / В. П. Лисин. - URL : <http://www.tombs-sevastopol.ru/partisan.php?id=22073> (дата обращения : 11.03.2017)
24. Максакова, Л. В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Л. Егоров; АН СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1990. – 131 с.
25. Материалы о спасении Панорамы «Оборона Севастополя» // АГМГООС, А 1069. – 64 л.
26. Музеи, пострадавшие в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сводный каталог утраченных ценностей РФ. Министерство культуры РФ // Проект «Культурные ценности – жертвы войны». – URL : <http://www.lostart.ru/> (дата обращения : 11.03.2017)
27. Неврова, Н. А. Воспоминания: Записки музейного работника. Избранные публикации / Н. А. Неврова. - Севастополь; Москва, 2014. - 247 с.
28. Никандров, Н. И. По следам утраченных ценностей. Из опыта подготовки «Сводного каталога культурных ценностей Российской Федерации, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны» / Н. И. Никандров. - М., 2012. - С. 3-23.
29. Общие сведения по реставрационному обследованию Панорамы «Оборона Севастополя» от 6.09.1944 г. // Фонды ГМГООС, НВ 3749. – 134 л.
30. Пальчикова, А. П. В окружении красоты: воспоминания музейного работника / А. П. Пальчикова. - Симферополь: Н. Оріанда, 2011. - 199 с.
31. Письмо капитана и/с Кочуева в редакцию «Красного черноморца» от 27.09.1943 г. // Фонды ГМГООС, А 3526.
32. Путевой дневник С. Ф. Стржелецкого (1941 г.) // АГИАМЗХТ. – ф.1, оп. 1, д. 460 - л. 1-62.
33. Паспорт музея Черноморского флота // ГАГС. - ф. Р-308, оп. 2-п, д.102. – лл. 3-5.
34. Переписка с областными отделами архитектуры и Управлением по делам архитектуры при Совете Народных Комиссаров РСФСР по вопросам охраны и ремонта памятников архитектуры в Крыму (21 апреля 1945 – 24 декабря 1945 г.) // ГАГС. – ф. Р-308, оп 1, д. 11. – 40 л.
35. Положение о государственном Херсонесском историко-археологическом музее и площади раскопок от 5 марта 1939 г. // АГИАМЗХТ. - ф. 1, оп.1, д. 383. – лл. 9-18.
36. Равикович, Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917 – 1 пол. 1960-х гг.) / Д. А. Равикович. – М.: МК РСФСР, АН СССР, НИИ культуры, 1988. – 152 с.
37. Рузаев, С. В. Музеи Севастополя в 1941-1942 гг. // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации Государственного Эрмитажа на Урал / С. В. Рузаев. - Екатеринбург, 2016. - С.2017 – 209.
38. Севастопольской панораме 100 лет / Ред.-сост. М. П. Апошанская. - Симферополь: ПолиПресс, 2005. - 320 с.
39. Симкин, М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны / М. П. Симкин // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып. II. - М., 1961. - С. 205.
40. «Список из 50 предприятий, научных организаций, подлежащих эвакуации, на которых не имеется решения Эваковета СССР. 1941 г.» // ГАРК. - Ф.п – 652, оп. 24, д. 7. - лл. 245, 248.
41. Справка об «Уничтоженных и разрушенных исторических и архитектурных памятниках в городе Севастополе немецко-фашистскими оккупантами в период 1942-44 гг. // ГАГС. – ф. Р-308, оп 1, д.65. – л.4.
42. Справка о Панораме «Оборона Севастополя», представленная секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову // Фонды ГМГООС, НВ 3749. – л.37.
43. Стенограмма совещания экспертной комиссии по восстановлению Панорамы академика живописи Ф. А. Рубо от 7.12.1950 г. // АГМГООС, НВ 3749. – лл.87-88.

44. Терновский, Г. В. Памятник народного подвига / Г. В. Терновский. – Симферополь, 1956. – 180 с.
45. Хамадан, А. М. Севастопольцы : записки военного корреспондента / А. М. Хамадан ; [предисловие И. Петрова]. - Репринтное воспроизведение издания 1942 года. - Севастополь: ЧП «Гит Пак», 2014. - 149 с.
46. Шебек, Н. В. История создания и воссоздания панорамы Ф. А. Рубо «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.»: Рукопись, 1971 // АГМГООС, ф.2, оп.2, д.300. – л.51.
47. Шинкарев, Л. Особый эшелон / Л. Шинкарев // Известия. - 1971. - № 121. - 25 мая.
48. Юренева Т. Ю. Формирование кадров советских музейных работников 1917–1941 гг.: автореф... дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. Ю. Юренева. – М.: РУДН, 1991. – 18 с.

Статья поступила в редакцию 12.06.2017

Boytsova E. E., Levchenko E. V. Salvation of the Sevastopol museum collection in the years of the Great Patriotic war

This article deals with activities of the museums in 1941-1942, during the defense of the city, and the evacuation of their collections, as a result of which a large part of Sevastopol museum collections was able to save.

Keywords: World War II, museology, Sevastopol Museums.

УДК 177.8

Статья посвящена первому капитану над Севастопольским портом Дмитрию Андреевичу Доможирову, соратнику адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Ключевые слова: капитан над портом, Севастополь, Черноморский флот, Григорий Потемкин, Федор Ушаков, Дмитрий Доможиров, Александр Бабушкин.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlenco.vitalij@yandex.ru

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ ДОМОЖИРОВ - КАПИТАН НАД СЕВАСТОПОЛЬСКИМ ПОРТОМ

Согласно «Части второй Регламента морского» от 1722 года в Российском флоте была учреждена должность капитана над портом. В непосредственном ведении его находилась портовая контора и все работы, производившиеся в порту. Обе части петровского «Регламента морского» оставались в силе неизменными до 1797 года. После утверждения России на Черном море, ввиду отсутствия определенных свыше штатов, первое время назначались «исправляющие должность» капитана над портом. В Херсоне, главной базе нового флота, в этом статусе с марта 1780 по июнь 1783 годы пребывал капитан 1 ранга Иван Тихонович Овцын [15, с. 300].

Первый штат Черноморского флота был утвержден Екатериной II в 1785 году. Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин получил от императрицы разрешение на организацию самостоятельного Черноморского адмиралтейского правления. Таким образом, Черноморский флот выводился из подчинения находившейся в Петербурге Адмиралтейств-коллегии. Общее руководство им осуществлялось Потемкиным, принимавшим решения и по основным кадровым вопросам.

Согласно «Общему морскому списку» [15, с. 499], 2 марта 1788 года на должность капитана над севастопольским портом был «определен» капитан 2 ранга Дмитрий Андреевич Доможиров. К этому времени он имел 20-летний стаж богатыми событиями корабельной службы. В 1768 году мичман Доможиров был выпущен из Морского шляхетского кадетского корпуса. Через полтора года службы на Балтийском флоте, он отправился в Средиземное море на линейном корабле «Не тронь меня» - флагмане командующего Второй эскадрой Балтийского флота адмирала Джона Эльфингтона. До английского Портсмута на одном корабле с Доможировым плыл лейтенант Томас (Фома) Мекензи, позже вписавший свое имя в историю Севастополя.

В составе команды линейного корабля мичман Дмитрий Доможиров участвовал в боях у крепости Наполи-ди-Романья (ныне Нафплион на юго-западе Греции) и в Хиосском проливе, знаменитом Чесменском сражении. В 1771-1775 годах он находился в крейсерстве в Архипелаге. 1 января 1773 года был произведен в лейтенанты. После окончания боевых действий на линейном корабле «Трех Святителей» («Трех иерархов») возвратился из Архипелага в Кронштадт [15, с. 498].

В 1778 и 1779 годах Дмитрий Доможиров производил гидрографическое исследование северной части Белого моря. Он и лейтенант Петр Иванович Григорков, также участник Архипелагской экспедиции, на двух небольших судах выполнили рекогносцировочную опись Терского берега (юго-восточной части Кольского полуострова), от устья реки Варзуги до мыса Святой Нос и лежащего за ним Святоносского залива. Съёмку берегов производили береговые партии при помощи астролябии, компаса и тесьмы. Одновременно с судов проводили промер глубин. На основании этой описи была составлена подробная карта Белого моря [11, с. 15].

Результаты экспедиции Д. Доможирова и П. Топоркова получили впоследствии высокую оценку известных русских гидрографов Федора Петровича Литке [9, с.168] и Михаила Францевича Рейнеке [17, с. XII]. 1 января 1779 года Дмитрий Доможиров был произведен в капитан-лейтенанты. На протяжении последующих лет он продолжал службу на Балтийском флоте, совершив два перехода из Архангельска в Кронштадт [15 с. 498-499].

В 1782 году капитан-лейтенант Дмитрий Доможиров был командирован в Таганрог. Здесь он получил под свое командование 44-пушечный корвет «Двенадцатый» [20, с. 213]. Корабль был построен на Гнилотонской верфи в низовьях Дона мастерами О. Матвеевым и И. Юхариным. После спуска на воду фрегат был включен в состав Азовской флотилии и приступил к крейсерской службе в Черном море. В 1783 году он получил новое название - «Стрела» [20, с. 213].

В 1811-1815 годах на Черноморском флоте служил капитан-лейтенант Владимир Броневский. В своих воспоминаниях он изложил версию основания Севастополя, судя по всему, распространённую в то время среди офицеров-черноморцев: «Капитан фрегата «Стрела», загнанный бурей в один из заливов, составлявших гавани древнего Херсонеса, заметил, что Ахтиарский залив обширный и лучше закрытый от ветров, гораздо удобнее для помещения большого флота; сделал подробное описание всего порта, показал его выгоды, и тем подал мысль Князю Потемкину-Таврическому перевести туда из Херсона Черноморский корабельный флот» [С. 5-6].

Учитывая, что командиром фрегата был опытный гидрограф, его авторитетное мнение вполне могло способствовать принятию Светлейшим князем решения отправить для базирования в Ахтиарской бухте корабли Азовской и Днепровской флотилий. В состав Севастопольской эскадры вошел и фрегат «Стрела» [20, с. 213]. Его командир 1 января 1784 года был произведен в капитаны 2 ранга [15, с. 499]. Корабль нес крейсерскую службу, в том числе в составе Севастопольской эскадры под флагом капитана 1 ранга Марко Ивановича Войновича.

В 1786 году Дмитрий Доможиров был назначен командиром 66-пушечного линейного корабля «Александр Невский» [15, с. 499], спущенного на воду в Херсоне. Из Днепровского лимана ему предстояло перевести корабль, на борту которого, кроме экипажа, находились семьи моряков, в Севастополь. В конце августа 1786 года «Александр Невский» при благоприятном ветре, поднявши паруса, вышел в открытое море и взял курс на Ахтиарскую гавань.

Вскоре волнение моря усилилось. Ночью ветер внезапно превратился в бурю, шедшую с моря. Корабль понесло к берегу. Полная темнота и облачность не давали экипажу возможности сориентироваться. О происходившем на борту корабля и действиях его командира свидетельствует находившийся на судне доктор Эрнст Дримпельман: «Руль и паруса отказывались служить и стало очевидно, какая ужасная участь ожидала всех нас. Все, что только могли сделать искусство и человеческие силы, было сделано, чтобы по возможности спасти корабль и людей... Рубка мачт, бросание за борт пушек, с целью облегчить судно и по возможности помешать ему погрузиться в воду... Каждый, думая, что и его ничтожный багаж может обременять корабль, бросал его за борт. Наконец, все было очищено.

Корабль засел между двух камней, до половины наполненный водою, и вдобавок каждая значительная волна приподнимала его и снова ударяла о скалы. Ежеминутно ждали, что он совершенно развалится... Самому командиру корабля, капитану Домажинову, ничего не оставалось более, как объявить экипажу, чтобы, каждый приготовился молитвою к смерти, так как уже нет спасения от гибели... многие из матросов и морских солдат, которым навсегда приходилось остаться в Севастополе, были женаты. Между мужьями и женами раздавались крик и плач, которых не передаст никакое описание...

Явился корабельный священник: все плача и молясь пали на колена; матери поднимали вверх своих малюток и молили, чтобы Бог сжалился хоть над их неповинностью, если уже сами они должны погибнуть. Жаркие мольбы громко воссылались к небу и заглушались ужасным шумом волн и бури...

Едва забелелось утро того дня, который после столь ужасной ночи должен был решить нашу участь, как море стало успокаиваться. Любовь к жизни и надежда на дальнейшее сохранение её возвратились в сердца измученных людей: вблизи оказалась земля, которую провидение предназначило для спасения нашего от гибели. Тотчас же были спущены три корабельные шлюпки. Кто не умел плавать - прыгал в одну из них, и таким образом были спасены по крайней мере те, которые наиболее нуждались в помощи. Триста человек экипажа, не попавших на лодки, должны были попытаться переплыть от места нашей стоянки до берега, находившегося на расстоянии почти целой версты, и все благополучно вышли на сушу. Только нескольким больным, которые лежали в нижней части корабля и о которых забыли в минуту общей опасности, пришлось погибнуть от воды, врывавшейся с неудержимою силой» [5, с. 37-38].

Через день море успокоилось. Сотни промокших и замерзших людей, с надеждой смотрели на капитана. И он вел себя так, как подобает руководителю в столь сложной обстановке. С разбитого корабля удалось достать бочки с водой и съестные припасы, к сожалению, сильно подпорченные морской водой. Несколько человек Доможиров отправил выяснить, нет ли поблизости селения или, по крайней мере, человеческих следов. Посланцы «возвратились вечером, усталые, измученные, истомленные голодом и принесли неутешительное известие, что куда они ни ходили все было пустынно и необитаемо, как и самый берег. На другой день снова были посланы на разведку офицер, два солдата и один татарин в качестве толмача. Из предосторожности им дали провианта на несколько дней. Пройдя несколько миль, они нашли лошадиный след, который привел их, наконец, к казачьей станции, какие существовали тогда в Тавриде. Здесь нашли они козака, обязанность которого состояла в том, чтобы отправлять почту и доставлять письма из Левкополя в Козлов» [5, с. 38].

Казак проводил разведчиков в ближайшую татарскую деревню, откуда они прошли до резиденции каймакама - главы администрации уезда. Тот немедленно отправил к месту крушения обоз с провизией и питьем. Помощь пришла на 12 день после гибели «Св. Александра». На татарских арбах и пешим ходом потерпевшие добрались до Козлова (Евпатории). Начальствовавший здесь чиновник распорядился перевезти людей на нескольких стоявших в гавани судах в Севастополь [5, с. 39].

Сообщение о крушении нового линейного корабля, первой катастрофы подобного масштаба на Черноморском флоте, потрясло всех. Князь Г.А. Потемкин направил старшему члену Черноморского адмиралтейского правления контр-адмиралу Н.С. Мордвинову ордер: «Сей случай толикой важности, что требует изследования по всей строгости законов. Я предписываю наряжать суд из искуснейших офицеров в Севастополе, который имеет розыскать все обстоятельства... дабы поступить без упущения с заслуживающими наказание для примеру прочим» [7, с. 19].

По результатам расследования командир корабля капитан 2 ранга Д. Доможиров и вахтенный офицер лейтенант Юрьев были признаны виновными в потере судна и приговорены «к лишению чинов и ссылке навечно в галерную работу». В вину им вменялась необоснованная задержка при принятии решения в сложившейся опасной ситуации, которая в итоге и привела к потере корабля [7, с. 19-20].

В 1787 году, в преддверии неизбежной войны с Турцией, Доможиров получил «всемилоостивейшее Ея Императорского Величества прощение» [15, с. 499]. Главную роль в судьбе Доможирова в это тяжелое для него время сыграл контр-адмирал Николай Семенович Мордвинов. 29 февраля 1788 года, уже в условиях идущей русско-турецкой войны, он направил из Херсона рапорт Г.А. Потемкину: «Как черноморское адмиралтейское правление представляло В. Св., что капитан Доможиров и лейтенант Юрьев не были причиною потери корабля Александр, и несчастье случившееся должно было приписать одной судьбе, то не угодно ли будет В. Св. по нынешнему недостатку в офицерах приказать выпустить их из под аресту и поместить в прежние их места. Капитана Доможирова определить на убылое место отставкою капитана Бабушкина капитаном над портом в Севастополе» [13, с. 97].

В рапорте контр-адмирала Мордвинова впервые в известных нам документах упоминаются должность «капитан над портом в Севастополе» и фамилия офицера, «исправлявшего» её вплоть до своего «убытия». В книге В.Ф. Головачова «История Севастополя как русского порта» приводится список кораблей, зимовавших в Ахтиарской бухте с 1783 на 1784 год. В нём указаны фрегат «Легкий» и его командир капитан-лейтенант Прокофий Бабушкин [3, с. 83]. В современной литературе его называют первым капитаном над портом Севастополя [12, с. 188].

Однако сведения об офицере с таким именем и фамилией отсутствуют в «Общем морском списке». Зато есть данные о Бабушкине Александре Васильевиче, выпущенном из Морского корпуса в 1770 году в чине мичмана. В 1777 году он был командирован в Донскую флотилию. Был в кампании на Чёрном море на корабле «Яссы», командовал фрегатом «Почталъон и ботом «Карабут». В 1780 году был назначен командующим Рогожскими хуторами близ Таганрога, где находились верфи. 1 января 1782 года произведен в капитан-лейтенанты [16, с. 90-91]. В 1783 году командовал фрегатом «Легкий», прибывшим в Севастополь в июле 1783 года и вошедшим в состав эскадры [20, с. 213].

Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно Александр Васильевич Бабушкин «исправлял должность» капитана над Севастопольским портом, формально не существовавшую в штатном расписании. В таком же положении первое время находился и его преемник, капитан 2 ранга Дмитрий Андреевич Доможиров. Однако в ходе русско-турецкой войны перед ним стояли задачи, для решения которых были нужны официальные полномочия, а также сотрудники, занимающие определенные должности в портовом управлении и соответствующие им.

В сентябре 1787 года у мыса Калиакрия Севастопольская эскадра попала в страшную пятидневную бурю, понесла тяжелые потери и полностью потеряла боеспособность. Только фрегат «Легкий» вернулся в Севастополь со всеми мачтами [13, с. 55]. Остальные корабли, сумевшие добраться до Ахтиарской бухты, нуждались в капитальном ремонте. Крымский полуостров оказался без защиты с моря.

Задача ремонта кораблей, согласно руководящим документам, лежала на плечах капитана над портом, которого в Севастополе не было ни де-юре, ни де-факто после «убытия» капитан-лейтенанта Бабушкина. Доставка необходимых материалов затруднялась отсутствием нормальных дорог. В марте 1788 года, спустя шесть месяцев после сентябрьской катастрофы, Потемкин писал императрице: «Флот не выдет скоро из починки, дефекты столь сильны были, что почти переделывали суда, притом несколько раз дорога так портилась, что ничего нельзя было возить» [6, с. 273].

После того как к обязанностям капитана над портом приступил Дмитрий Доможиров, ситуация изменилась. Об этом свидетельствует тот факт, что к лету 1788 года все корабли были готовы к выходу

в море. 3 июля 1788 года Севастопольская эскадра одержала победу над турецким флотом у о. Фидониси. После этого сражения четыре корабля нуждались в серьезном ремонте.

Вновь остро встал вопрос о приведении штатов Севастопольского порта в соответствие с «Частью второй Регламента морского» от 1722 года. Однако решение его затягивалось в силу различных причин. В 1788 году этот вопрос так и не был решен. Возможно у Потемкина, обременённого массой проблем, требующих немедленного реагирования, не доходили до него руки. Вероятно, сказался конфликт между двумя главными фигурами в Севастополе – адмиралом М.И. Войновичем и капитаном бригадирского ранга Ф.Ф. Ушаковым, обострившийся после битвы у о. Фидониси. В своих донесениях Светлейшему князю они по разному оценивали роль друг друга в победе над турками. При этом Ушаков открыто жаловался на гонения против него со стороны Войновича и на то, что «ни чрез какие всевозможные отменные мои старания милости и справедливого по заслуге моей его к себе расположения изыскать не могу» [1, с. 70]

Только 27 марта 1789 года князь Потемкин направил свои предложения Черноморскому адмиралтейскому правлению: «Учреждение в севастопольском порту конторы и определение в оную для заседания флота капитана Доможирова, я апробую, предписывая снабдить его потребным числом служителей канцелярских» [13, с. 233].

Спустя месяц, 26-го апреля 1789 года, из Черноморского адмиралтейского управления был послан рапорт Потемкину: «Хотя в Севастополе для адмиралтейства и для порта штата нет, но чтоб течение дел соблюдено было по самой точности установленных на то законов, и чтоб каждый служащий занимался по званию своей должности, контр-адмирал граф Войнович почел прямым долгом учредить там контору севастопольского порта. Черноморское адмиралтейское правление по отзыву его признало сходственно адмиралтейским законам, оную контору открыло, которая существование приняла 22-го числа минувшего марта на основании конторы кронштадтского порта; для заседания и присутствия в оной определен капитаном над портом капитан 2-го ранга Доможиров, потребные ему чины отделены из штата положенного в правлении, о чем черноморское адмиралтейское правление долг имеет донести В. Св.» [13, с. 234].

Таким образом, 22 марта 1789 года можно считать днем рождения Севастопольского портового управления и официального вступления в должность капитана над портом Д. А. Доможирова. Через три недели, 14 апреля, он был произведен в капитаны 1 ранга. Издаваемый в Российской империи ежегодный «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве», в выпуске на 1790 год впервые приводит данные о Севастопольской портовой конторе. На странице 73 указан её состав: «По строению и экипажу: Капитан над портом, флота капитан 1 ранга Дмитрий Андреевич Доможиров. По комиссариату: Секунд-майор Михайло Игнатьевич Пугин. По артиллерии: Морской артиллерии капитан 2 ранга Федор Иванович Юхарин» [14, с. 73].

Многочисленные обязанности Дмитрия Андреевича Доможирова отныне официально определялись в 80 параграфах главы третьей «Части второй Регламента морского» 1722 года. В самом общем виде они включали: снятие с кораблей пороха и артиллерийских припасов до ввода кораблей в гавань; определение их места в гавани; уборку снастей и прочего, кроме пушек и балласта, в отдельные для каждого корабля магазины; замену пришедших в негодность вещей новыми; прием новопостроенных кораблей; наблюдение за поддержанием кораблей в должном порядке при нахождении в порту; ремонт кораблей и охрана их от внезапного нападения неприятеля, пожаров и штормов; наблюдение за входом русских и иностранных кораблей в гавань и выходом из нее; контроль за состоянием гавани и складов, чистотой и порядком; командование караулами в гавани при выходе флота в море; производство промеров глубины гавани и рейдов, и многое другое [19, с. 12-34].

Статья 80, завершающая перечисление обязанностей, гласила: «В небытность в порту главного командира над портом, имеет всю его должность отправлять капитан над портом» [19, с. 34]. Оставаться фактическим руководителем Севастополя капитану первого ранга Д.М. Доможирову приходилось довольно часто и временами надолго. Об этом свидетельствуют соответствующие приказы Ф.Ф. Ушакова, в апреле 1789 года произведенного в контр-адмиралы и вступившего в начальствование над корабельным флотом, базирующимся в Севастополе [1, с. 201, 203, 283-284, 291, 379-380, 511].

Кроме предписаний по вопросам, непосредственно относящимся к обязанности капитана над портом, Д. А. Доможиров исполнял и иные указания адмирала Ушакова. В частности, ему приходилось непосредственно заниматься строительством нового госпиталя [1, с. 203, 291] и улучшением содержания больных [1, с. 356], распределением грузов и товаров, захваченных на призовых судах [1, с. 203], отправкой на тяжелые работы лиц, арестованных по приказу адмирала [1, с. 558-559], предотвращением потравы зеленых насаждений лошадьми и иным скотом [1, с. 563] и т.п.

В марте 1790 года контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков был назначен командующим корабельным Черноморским флотом вместо контр-адмирала Марко Войновича, отправленного на Каспийское море. Весьма требовательный к подчиненным, Федор Федорович ни разу не упрекнул в своих приказах капитана над севастопольским портом. Наоборот, в июле 1791 года он направляет в Черноморское Адмиралтейское правление представление, в котором указывает на заслуги Доможирова в подготовке флота к кампании:

«Черноморский флот, мне вверенный, находящиеся в Севастополе корабли, фрегаты и все прочие, даже и крейсерские суда, способные к мореплаванию, все без изъятия... исправлены надежно килеванием и всеми потребностями вооружены и приуготовлены благонадежно. Исправление ж оных судов адмиралтейскими работами на нынешнюю кампанию столь было многотрудно, что заслуживают особое внимание трудившихся при оном по должностям. За старательное исправление таковых многотрудностей за долг почитаю отнесть мою признательность... господину капитану над портом Доможирову [1, с. 493]. Письмо подобного содержания Ушаков также отправил Потемкину [1, с. 495-496].

Ушаков пишет, что сотрудники конторы над портом за свой труд «заслуживают особое внимание» Светлейшего князя, персонально отметив среди них вклад корабельного подмастерья секунд-майора Ивана Ивановича Юхарина. «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» за 1790 – 1796 годы позволяет назвать и других сотрудников Севастопольской портовой конторы этого времени. Кроме уже упоминавшихся Ф. И. Юхарина и М.И. Пугина, это секунд-майор Филипп Михайлович Хомутов, корабельный мастер полковник Катасонов Александр Семёнович, капитан-лейтенант Карандино Георгий Спиридонович, портовый доктор Григорий фон Вилинг, секретарь портовый Илларион Трофимов.

Традиционно воздавая должное Федору Федоровичу Ушакову за вклад в развитие флота и Севастополя, следует помнить, что у него был такой надежный помощник, как капитан над портом Дмитрий Андреевич Доможиров. Официально оба они приняли руководство эскадрой, городом и портом в одно время – весной 1789 года. Вспомним, каким был Севастополь тогда по свидетельству современников.

По-юношески радужное описание города дал в своих «Записках» Д. Н. Сенявин, флаг-офицер при капитане 1 ранга Ф. Ф. Мекензи: «Севастополь вместе с весною 1784 г. довольно уже образовался, все строения оштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и все это вместе на покатости берега делало вид очень хороший [4, с. 124]. Понятен столь восторженный взгляд со стороны человека, непосредственно участвовавшего в руководстве строительными работами. Однако сторонний наблюдатель видел несколько иную картину.

В апреле 1786 года в Севастополе побывала англичанка Элизабет Кравен. Судя по всему, её интересовал не столько сам город и его обитатели, сколько достоинства Ахтиарской бухты как базы военного флота. Из городских построек миледи заметила лишь дом недавно умершего адмирала Мекензи, в котором поселилась, оценив, прежде всего, что «архитектура и вся мебель его английские». При встречах с горожанами Элизабет Кравен искренне обрадовалась тогда, когда услышала «голоса мужчин, которые поклонясь мне учтиво, сказали: Миледи! Мы Ваши соотечественники... Здесь много англичан, которые служат... в Русском флоте» [8, с. 300].

То, что Элизабет Кравен «не увидела» города в целом, вполне объяснимо. Доктор Эрнст Дримпельман, прибывший в Севастополь после крушения «Св. Александра» в сентябре 1796 года, отметил, что он «в то время не имел улиц; а дома, магазины и другие постройки, исключительно деревянные, были разбросаны между скал» [5, с. 40].

Весной 1787 года, за несколько недель до посещения Севастополя Екатериной II, в городе побывал граф де Людольф, сын посла короля Неаполитанского в Стамбуле. В письме, датированном 3 мая, он излагает свою точку зрения на увиденное: «Никак нельзя назвать городом две длинные улицы, состоящие из офицерских, матросских и солдатских бараков, с маленькою церковью, несколькими магазинами и адмиралтейством; почти все строения здесь покрыты соломой. На здании адмиралтейства отразилась та поспешность, с которою старались всему придать вид великолепия и важности, заметно, что здесь трудно было справиться с постройкой за отсутствием средств. Вид этого порта был бы великолепен, если б окружающие его холмы были заселены, возделаны и покрыты лесом.

Съестные припасы для эскадры, как-то: мука, сухари, соленое мясо, с большими издержками привозятся сюда из России, а некогда столь густо заселенный и столь плодородный Крым не в состоянии кормить остающихся в нем немногочисленных жителей; здесь всего мало и все здесь страшно дорого, дрова доставляются сюда более, чем за двадцать, за тридцать верст... В здешней местности существует всего один огород, впрочем крайне бедный; здесь есть цикорий и в большом

количестве дикая, довольно толстая, но горькая спаржа, которые и заменяют собою всякие другие овощи» [10, с. 157-158].

Со времени путешествия Екатерины II прошло десять лет. В 1797 году в Севастополь прибыл контр-адмирал Петр Кондратьевич Карцев, назначенный императором Павлом I инспектором «Черноморских флотов». В результате проверки было выявлено: «Флотских генералов, штаб и обер-офицеров и нижних чинов состояло всего 7126; морской артиллерии 1238, флотских черноморских батальонов 1130, ведомства адмиралтейского и интендантского 390. Итого 10 088 человек.

Адмиралтейство, с его магазинами и разными мастерскими, построено с заведения порта, при входе в гавань, на низменности берега. Киленбанок с магазинами помещен в другой бухте. Корабли, фрегаты и прочие суда расположены на якорях подле берега, в который врыты, вместо палов, также якоря для закрепления швартовов. Все суда содержатся чисто и со всевозможной бережливостью; но только причинялся большой вред в фальшивых обшивках от червей, коими здешняя вода изобилует, почему каждое судно необходимо было килевать чрез каждые два года...

Казармы для служителей построены на высотах берегов кругом гавани и против каждого корабля; оне каменные, покрытые черепицей, а иные землей; некоторые же достраиваются и все вообще весьма сухи и чисты. Строение казарм, корабельных магазинов и отделка берегов производились корабельными служителями, без всякой платы от казны и только с небольшим употреблением казенных материалов. Пороховых погребов не имеется, но порох удобно хранится в прибрежных пещерах, нарочно вырытых большей частию в Инкермане.

Каменная двухэтажная госпиталь на 300 человек построена на высоте берега в Южной бухте против города, и содержится в наилучшем порядке; при ней имеется казарма для госпитальной прислуги. В городе находятся две церкви, одна построенная от казны и трудами морских служителей, а другая греческая; в числе домов есть до 20 казенных, прочие же, большей частью, принадлежат флотским офицерам и адмиралтейским чинам. При входе в залив, на северном и южном мысах, также возле города и при самой воде, построены, для защиты входа, довольно сильные каменные батареи» [18 с. 189-191].

В этой, достаточно высокой оценке развития флота и города, несомненно, велика заслуга адмирала Ушакова. Но и Дмитрий Андреевич Доможиров не был обойден наградами за свои труды. В 1793 году за «ревностное и усердное старание в исправлении и снабжении флота в Севастополе» он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В сентябре этого же года Доможирова произвели в капитаны бригадирского ранга, а два месяца спустя за 18 шестимесячных кампаний удостоили Ордена Святого Георгия 4 класса. В 1795 году Дмитрия Андреевича Доможирова перевели по службе в Херсон. 24 сентября 1797 он был произведен в капитаны генерал-майорского ранга. С января 1802 находился в отставке [15, 499]. Дата кончины Д.А. Доможирова и место захоронения его не установлены.

Список литературы

1. Адмирал Ушаков. [Документы.] В 3 т. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. - М.: Военно-морское издательство, 1951–1956. – Т. 1 – 772 с.
2. Броневский, В.Б. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году / В.Б. Броневский. - Тула: Типография губернского правления, 1822. – 192 с.
3. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта / В.Ф. Головачов. – СПб.: Типография департамента уделов, 1972. - 268 с.
4. Гончаров, В. Г. Адмирал Сенявин: Биограф. очерк с прил. записок адм. Д. Н. Сенявина / В. Г. Гончаров. - Москва ; Ленинград : Военмориздат, 1945. - 142 с.
5. Дримпельман Э.В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века / Публ. А. Круглова. // Русский архив. 1881. - Кн. 1. Вып. I. - С. 32–51.
6. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. - М., Наука, 1997 992 с.
7. Кобец, В. Экспедиция на «Святой Александр» / В. Кобец, О. Золотарёв // Нептун. 2011. - № 6. - С. 16–25.
8. Кравен, Элизабет. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен / Элизабет Кравен. – М.: Университетская типография, 1795. - VIII, 524 с.
9. Литке, Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821-1824 годах / Ф.П. Литке. - СПб.: Морск. тип., 1828. - Ч.2. - 253 с.
10. Людольф де. Письма о Крыме. Перевод с рукописи // Русское обозрение. 1892. - Т. 2. Март. - С. 155–201.
11. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий / И.П. Магидович, В.И. Магидович. - М.: Просвещение, 1982. - Т. 3. - 304 с.

12. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века / А.В. Макидонов. – Запорожье, Просвита, 2011. - 336 с.
13. Материалы для истории русского флота. СПб. : Тип. мор. м-ва, 1896. - Ч. 15. - 596 с.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. - СПб. : Имп. Академия наук, 1790. - XX, 386, VIII с.
15. Общий Морской сборник. Часть II. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. - СПб.: Типография В. Демакова, 1885. - 540 с.
16. Общий Морской список. Часть III. Царствование Екатерины II. - СПб.: Типография В. Демакова, 1890. - 608 с.
17. Рейнеке М. Гидрографическое описание северного берега России, составленное капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 году / М. Рейнеке. – СПб.: В Морской типографии. 1850. - Ч. 1-2. - LXVI, 514 с.
18. Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. / Р.К. Скаловский. - СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1856. - Ч. 1 - 496 с.
19. Часть вторая Регламента мор., в которой определено о всем, что касается доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов. – СПб.: В Санктпитебургской типографии. - 75 с.
20. Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах / А.А. Чернышев. - М.: Воениздат, 1997. - Т.1. - 311 с.

Статья поступила в редакцию 19.06.2017

Kovalenko, V. V. Dmitry Andreyevich Domozhirov - the captain on the port of Sevastopol

The article deals with the first captain on the port of Sevastopol Dmitry Andreyevich Domozhirov, associate of Admiral Fyodor Ushakov.

Keywords: captain of the port, Sevastopol, Black sea fleet, Grigory Potemkin, Fyodor Ushakov, Dmitry Domozhirov, Alexander Babushkin.

Статья посвящена изучению истории села Черноречье (быв. Чоргунь), находящегося на территории города федерального значения Севастополя, во второй половине XIX – начале XX вв. Акцентируется внимание на социально-экономических процессах, происходивших в среде населения Чоргуня в рассматриваемый период. При написании работы использованы материалы Государственного архива Республики Крым.

Ключевые слова: землевладение, Каралезская волость, крестьяне, Севастополь, социально-экономические процессы, Черноречье, Чоргунь.

Е. В. Неделькин, младший научный сотрудник

Институт археологического наследия

E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

СЕЛО ЧЕРНОРЕЧЬЕ (ЧОРГУНЬ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

После Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) Севастополь и его окрестности лежали в руинах. Эта же участь постигла и Чоргунь. Село было почти полностью разрушено, но находясь на стратегически важном направлении, сыграло в этой войне далеко не последнюю роль, а один из отрядов русской армии, располагавшийся в районе селения, стал называться Чоргунским отрядом [30, с. 61–75].

Побывав в 1860 г. в Чоргунском имении И. Ф. Бларамберг застал, по сравнению с 1840 г., далеко иную картину, говоря, что «во время войны 1854–1856 гг. он (Чоргунь) был полностью разрушен. От прекрасного имения осталась лишь голая земля, обильно пропитанная кровью...; Дома и сады были сровнены с землей. После воцарения мира его императорское величество предоставил нам средства, чтобы отстроить и восстановить имение. Однако столетние ореховые деревья и тысячи фруктовых деревьев, как и большая часть дубовой рощи, вырубленной для лагерных костров, погибли. Деревья пришлось сажать заново. И пройдет еще много десятилетий, прежде чем имение примет прежний облик» [1, с. 203].

Со временем хозяйство Чоргуня было восстановлено. Население снова начало заниматься огородничеством и пчеловодством, а долина постепенно почти полностью покрылась садами и виноградниками. В 1864 г. в Чоргуне, который уже входил в состав Каралезской волости Симферопольского уезда, насчитывалось 55 дворов в которых проживало 270 чел. (152 муж. и 118 жен.). Также в Чоргуне в этот период существовало 2 мечети, почтовая станция и одна водяная мельница [35, с. 20]. В конце XIX в. Е. Э. Иванов говорил, что «красиво расположившаяся у Черной речки» деревня «уже много лет служит севастопольцам в качестве дач» [29, с. 96].

О посевах злаковых культур у населения Чоргуня в 1869 г. сохранились следующие данные. Проживавшими в 41 хозяйстве поселянами (191 чел.) было засеяно озимой ржи – 124 чет., пшеницы – 60 чет., ячменя – 106 чет. Также у дворянина Амета Мурзы (в хозяйстве 10 чел.) было посеяно 8 чет. ржи, 3 чет. пшеницы и 5 чет. ячменя. В хозяйстве у турецкоподданного Абдурамана Умера оглу (4 чел.) высеяно: 1 чет. ржи, 1 чет. пшеницы и 2 – ячменя. У двух мещан, в хозяйствах которых проживало 7 чел., высеяно 7 чет. ржи, 2 чет. пшеницы и 7 чет. ячменя [6, л. 11].

В заключительном отчете об итогах сева в 1869 г. значилось, что населением (273 чел.) Чоргуня было посеяно озимой ржи – 133 чет., пшеницы – 40 чет., ячменя – 22 чет. Яровых же было высеяно 58 чет. пшеницы, 32 чет. ячменя и 6 чет. овса. Собрано: озимой ржи – 400 чет., пшеницы – 290 чет., ячменя – 100 чет., яровой пшеницы – 150 чет., ячменя – 53 чет. и 18 чет. овса [6, л. 36].

В 1873 г. в Шульском сельском обществе было засеяно 976 дес. «озимого хлеба» (ржи – 628 чет., пшеницы – 163 чет., ячменя – 185 чет.) и 138 дес. ярового (пшеницы – 4 чет., ячменя – 105 чет., овса – 29 чет.) [7, л. 3–4]. Собрали соответственно: озимой ржи – 25512 чет., пшеницы – 815 чет., ячменя – 555 чет., яровой пшеницы – 20 чет., ячменя – 420 чет., овса – 203 чет. [7, л. 27–28]. В следующем году на территории общества высеяли 642 дес. озимых (ржи – 363 чет., пшеницы – 140 чет., ячменя – 139 чет.) и 115 дес. яровых (пшеницы – 3 чет., ячменя – 100 чет., овса – 12 чет.). Собрали в 1874 г. озимой ржи – 1452 чет., пшеницы – 420 чет.; яровой пшеницы – 18 чет., ячменя – 800 чет., овса – 180 чет. [8, л. 1–2, 15–16]. Также предполагалось собрать 120 п. табака с 10 плантаций (2 дес.) в Чоргуне [26, л. 7].

1880 г. в жизни многих чоргунцев стал особенно тяжелым из-за неурожая хлеба, фруктов и табака. К концу года в некоторых хозяйствах почти закончилось продовольствие, «денежные средства

истощились» и они дошли до крайнего положения. Поэтому на Чоргунском сельском сходе 22 февраля 1881 г. государственные крестьяне общества (50 домохозяйств) просили Симферопольскую уездную земскую управу оказать помощь 35 домохозяйствам (170 чел.) хлебом (пшеницей и ячменем) в размере 35 четвертей 3 меры [9, л. 20]. В ссуде хлеба нуждались следующие семьи (указаны главы домохозяйств): Сефеслям Фейзула оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Муртаза Бекир оглу (4 чел.) – 1 чет., Гассан Мегмет оглу (7 чел.) – 7 мер, Саатдула Мегмет оглу (3 чел.) – 6 мер, Ибрагим Эсметла оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Заит Уста Усеин оглу (10 чел.) – 1 чет. 2 меры, Сеит Галим Сеит Мустафа оглу (4 чел.) – 1 чет., Халиль Гассан оглу (6 чел.) – 1 чет. 4 меры, Абийбула Абдул Керим оглу (5 чел.) – 1 чет., Сеит Ягъя Сеит Мегмет оглу (4 чел.) – 6 мер, Сеит Осман Сеит Мегмет оглу (2 чел.) – 4 меры, Сеит Ягъя Сеит Ваап оглу (7 чел.) – 1 чет. 2 меры, Ажеттар Мегмет оглу (3 чел.) – 6 мер, Тейфук Джепар оглу (3 чел.) – 6 мер, Шерфедин Ягъя оглу (4 чел.) – 1 чет., Абдул Ганий Али оглу (2 чел.) – 4 меры, Абдул Гамид Мевлют оглу (3 чел.) – 6 мер., Ваджита Ниетчи вдова, Азизе Садия дочь (3 чел.) – 6 мер, Гассан Мустафа оглу (6 чел.) – 1 чет., Абийбула Фейзула оглу (6 чел.) – 1 чет., Абдураман Али оглу (8 чел.) – 1 чет. 2 меры, Сулейман Бекир оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Осман Са[...]е оглу (4 чел.) – 1 чет., Агмет Гассан оглу (6 чел.) – 1 чет. 2 меры, Ибраим Мустафа оглу (2 чел.) – 4 меры, Абдул Ганий Мегмет оглу (7 чел.) – 1 чет., Эмир Усеин Али оглу (10 чел.) – 1 чет. 4 меры, Абдул Меджит Каяли оглу (2 чел.) – 4 меры, Куртумер Саатдула оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Муждаба Джепар оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Ибраим Мемиша оглу (4 чел.) – 2 меры, Сеит Агмет Сеит Мустафа оглу (5 чел.) – 1 чет. 2 меры, Каяли Шемшедин оглу (4 чел.) – 1 чет., Мустафа Бектемир оглу (3 чел.) – 6 мер [9, л. 20–21].

Данные о сельском хозяйстве Чоргуня в конце XIX – начале XX вв. сохранились фрагментарно. Однако точно известно, что в 1891 г. в селении проживало 59 семей крестьян (167 муж. и 163 жен.). 36 хозяйствам принадлежало 12 дес. садов, 197 дес. пахотной земли, 15 дес. фруктовых садов. 23 хозяйства (31 муж. и 34 жен.) были безземельными [10, л. 10–11]. В 1896 г. числились 54 хозяйства, у которых во владении было 206½ дес. земли. Из них: 120½ дес. пашни, 35 дес. сенокосов, 26 дес. садов, 25 дес. огородов. В арендной собственности – 351 дес., из которых: 250 дес. пашни, 75 дес. сенокосов, 69 дес. садов, 20 дес. огородов [12, л. 29]. Также у населения Чоргуня имелось 100 волов, 80 коров и 100 телят; 172 (?) лошади и 42 жеребенка [12, л. 33].

По данным на 1900 г. в Чоргуне арендованная земля была занята следующим культурами: 38 дес. озимой ржи, 35½ дес. пшеницы, 27 дес. ячменя, 16½ дес. яровой пшеницы, 13 дес. ячменя, 10½ дес. картофеля. На собственной же земле произрастало: озимой ржи – ок. 18 дес., пшеницы – 10 дес., ячменя – 17½ дес., ярового ячменя – 7 дес., 5 дес. картофеля. Под заливными покосами находилось 3 дес. арендованной и 4 дес. собственной, а под незаливными – 17 дес. арендованной и 25 дес. собственной. У населения имелось 187 голов крупного рогатого скота, 845 овец и коз, 105 лошадей [13, л. 69].

В следующем году чоргунцы на собственной земле засеяли 25 дес. озимой ржи, 8 дес. озимой пшеницы, 7 дес. озимого ячменя, 3¼ дес. яровой пшеницы, 28 дес. ячменя, 3 дес. овса, высадили 3½ дес. картофеля. На арендованной же земле было засеяно 41¾ дес. озимой ржи, 42 дес. озимой пшеницы, 4 дес. озимого ячменя, 2 дес. яровой пшеницы, 45 дес. ярового ячменя, 6 дес. овса, высажено 6 дес. картофеля. В это время в их собственности было 13¼ дес. лугов для выпаса скота и 56½ дес. арендованных лугов. Также сохранились данные о том, что населению в обозначенный период принадлежало 200 голов крупного рогатого скота, 875 овец и коз, 112 лошадей [14, л. 36–37].

В 1902 г. общее число хозяйств в Чоргуне достигло 145. В них находилось 78 сараев и конюшен, а жителям принадлежало 256 лошадей, 397 голов крупного рогатого скота, 120 волов, 15 свиней, 1253 овцы и козы. Также имелось 119 двуконных и воловых подвод, а запас соломы составлял 1500 пудов [16, л. 19–20, 26]. Доля крестьянского землевладения в 1903 г. выглядит довольно скромно – 46 дес. в собственности, из которых: 18½ дес. под озимой рожью, 4½ дес. под пшеницей, 5 дес. под ячменем, 13½ дес. под яровым ячменем, 2½ дес. под овсом и 2 дес. под картофелем. Крестьянам принадлежало 120 голов крупного рогатого скота, 75 лошадей и 210 овец и коз, а для обеспечения их пищей имелось 25 дес. сенокосных лугов [17, л. 33].

В 1904 г. чоргунцам принадлежало 140 волов и быков, 108 коров, 75 телят, 63 лошади, 1200 овец и 10 свиней. Также у населения, в период с 1 апреля по 1 октября, имелось «всякого рода припасов»: 100 чет. ржи, 50 чет. пшеницы, 50 чет. ячменя, 15 чет. овса, 180 п. картофеля, 200 п. капусты, 100 п. свеклы, 40 п. лука, 6000 п. сена и 12000 п. соломы [20, л. 34–35].

Говоря о светском землевладении следует упомянуть и о том, что в 1886 г. в районе Чоргуня было 25 вакуфных участков земли. Общая площадь их составляла 29 дес. 177 саж. Земельного сбора с них причиталось 1695 руб. [4, л. 28].

Инфраструктура Чоргуня в конце XIX – начале XX вв. не отличалась особой развитостью, хотя по сравнению со многими другими населенными пунктами Каралезской волости была не на последнем

месте. В селе было две мечети: Соборная мечеть в Верхнем Чоргуне и пятивременная мечеть в Нижнем Чоргуне [2, с. 52]. Православное население Чоргуня входило в приход церкви Св. великомученицы Марины в селе Камара (Оборонное). В него, помимо названных сел, входили также Байдары, Варнутка, Календо, Кучук-Мускомья, Ласпи, Магалеи, Мухалатка, Мшатка, Сахтик, Скеля, Уркуста и Форос [28, с. 357]. Также в селе существовала почтовая станция, телеграф, 9 колодцев (общественных) глубиной от 3 до 5 саж., каждый из которых мог дать в сутки до 200 ведер воды [16, л. 4]. Сохранились данные и о том, что Чоргунская башня в этот период уже использовалась в качестве сельскохозяйственного склада [3, с. 136].

Сохранились данные и о торговых заведениях села. Так, в 1903 г. в Чоргуне имелись: 1 лавка, принадлежавшая Аджии Амету Сеиту оглу, 1 лавкой владел Эмир Суин Амет оглу (арендовал Шваин Эсаат оглу), Эмурла Суин оглу владел кофейней (арендовал Михайли оглу Константин Гор), Каджаев Абдурешит Бей владел лавкой и кофейней (их арендовали соответственно Манук Симон Мануилович и Велиулла Ваджип оглу), лавками владели также Абдул Амет Мевлют оглу и Сеит Ислям Эфенди Суфьян Эфенди оглу [18, л. 13–14]. Однако число торговых заведений в официальных годовых отчетах колеблется. Например, в 1902 г. их было 9 [15, л. 2], в 1904 г. – 8 [19, л. 1], а в 1911 г. – 10 (?) работающих и 1 закрытое [23, л. 20–23].

Для орошения садов в верховьях Чернореченской долины, общая площадь которых составляла 117,5 дес., использовали плотину и сеть специальных каналов, а также небольшой действующий отрезок «докового канала». Для подъема воды из р. Черной в начале XX в. применялось 10 татарских колес и 3 норрии. Хотя для орошения садов использовались и родники, которыми в особенности изобилует долина р. Ай-Тодор. Самыми значительными среди них были Халиль-Чокрак, Халиль-Мемет-Чокрак, Самдин-Чокрак, Али, Септаир-Эфенди, Аби-Була, Эмир-Сали, Аджии-Курт-Мемет и Демитас [34, с. 351–352].

Также на р. Черной находились мельницы принадлежавшие жителям Чоргуня. По данным на 1902 г. мельницами владели:

1. Почетный гражданин Александров Поликарп Иванович. На мельнице было два постава, работал один работник. Мельница была способна перемолоть 2 четверти зерна в сутки по 40 коп. каждая. В 1915 г. мельницей владел сын Поликарпа Ивановича – подполковник Александр Поликарпович Александров [24, л. 13].

2. Почетный гражданин Огарков Степан Федорович. На мельнице было три постава, работал один работник. Мельница была способна перемолоть 1½ четверти зерна в сутки по 40 коп. каждая.

3. Крестьянин Варкатин Иван Иванович. На мельнице было три постава, работал один работник. Мельница была способна перемолоть 1 четверть зерна в сутки за 50 коп. [15, л. 34].

Помимо вышеупомянутых, мельницами в Чоргуне владели действительный статский советник Федор Федорович Лашков. В документе 1903 г. владельцем мельницы значится Мария Степановна Лашкова, а арендатором – Иван Дмитриевич Груднинский. Также мельница была у капитана 2-го ранга Евгения Викторовича Колбасьева [23, л. 23]. В 1915 г. владельцем мельницы значится дворянка Мария Александровна Колбасьева [24, л. 16].

С одной из чоргунских мельниц связан эпизод из истории деятельности баптистов в Крыму. 19 августа 1900 г. благочинный Севастопольского округа протоиерей Владимир Баженов подал рапорт о состоянии округа за первую половину года. Для нас интерес представляет следующая его часть: «штундо-баптисты, пользуются всяким случаем пропагандировать свою ересь. По официальным сведениям, их считается вместе с детьми 91 человек обоего пола. Из них есть некоторые сильно фанатизированные, доходящие до такого самообмана, что утверждают о явлении им самого И. Христа. Один из них открыл свою преступную пропаганду вне Севастополя, Комарского прихода в дер. Чоргун, арендовавши для того у одного мелкого землевладельца водяную мельницу, – это мещанин Иван Кислый, он в 1899 г. приехал из Черниговской губ., прожил некоторое время в г. Севастополе, а потом в нач. 1900 г. арендовал мельницу в деревне и переехал туда.

У него большое семейство – 6 душ детей, из них 2 сына женатых, и все завзятые фанатики. Туда ездил о. епарх. миссионер, свящ. В. Станиславский, имел с ним беседу и преподавал некоторые практические советы местному священнику Васильскиоти относительно мер к предупреждению жителей деревни от заражения штундой. Миссионер вел частные беседы в 3 домах с штундистами и в г. Севастополе. По отзыву его, Севастопольские штундисты отличаются крайним упорством и фанатизмом» [5, л. 3]. В 1903 г. Иван Кислый переехал в Симферополь.

Начало XX в. было сопряжено с рядом проблем, от решения которых напрямую зависела нормальная жизнедеятельность населения Чоргуня. В частности это касалось вопроса здравоохранения. Поэтому на заседании Симферопольского уездного земского собрания 27 сентября 1908 г. «на наем и отопление квартир для фельдшерских амбулаторий на самостоятельных пунктах»

было ассигновано 1365 руб. Затем эта сумма была увеличена на 60 руб. за счет ассигнования на «амбулаторию в Чоргуне» [33, с. 20]. Ранее, 14 апреля 1901 г., А. К. Врангель и П. И. Бларамберг подали в губернскую управу заявление, в котором описали «беспомощность в медицинском отношении» жителей Верхнего и Нижнего Чоргуня. Они просили уездную земскую управу «или назначить фельдшерский пункт в дер. Чоргун, или же отнести эту деревню в медицинском отношении к Ялтинскому Земству» [32, с. 166–167].

Еще одной проблемой являлось качественное и всестороннее образование населения, о котором большинство могло только мечтать. Однако все же следует отметить, что возможность получения начального образования у чоргунцев была. В 1905 г. в селении уже имелась русско-татарская школа в которой обучалось 47 чел. (30 муж. и 17 жен.) [27, л. 18]. В 1910 г. в Чоргуне была одна земская школа в которой училось 26 русских (14 муж. и 14 жен.) и два «старометодных» татарских мектебе с 61 учеником (34 муж. и 27 жен.) [22, л. 19]. Но вскоре из-за непригодности помещений для проведения занятий они были закрыты. Строительство новых мектебе в Верхнем и Нижнем Чоргуне началось в 1913 г. [31, с. 81–83].

Но близился 1914 г., а вместе с ним и начало одного из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества – Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Не обошла она стороной и жителей Чоргуня...

В военном отношении село не представляло ничего особенного. В 1891 г. в Чоргуне имелось 28 летних и 28 зимних подвод, из которых в случае «войсковой потребности» могло быть соответственно выставлено 14 и 19 [11, л. 56], а в 1902 г. из 59 пароконных летних подвод – 28 [16, л. 11]. Также предполагалось, что в 145 дворах (1902 г.) можно было в случае необходимости разместить 800 солдат, а в приписанных к селу одной экономии и четырех хуторах, по 10 соответственно [16, л. 13].

В 1905 г. пригодных к воинской службе поселян Чоргуня (от 18 до 50 лет) было 78 чел. Еще 5 чел. уже находились на действительной военной службе. Некоторые солдаты из Чоргуня даже принимали участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., а например, Сеит Умер Курт Мемет оглу (12 стрелковый полк) был ранен в сражении под Мукденом (Шэньяном) в 1905 г. [21, л. 23].

Сохранились данные, хотя и неполные, о погибших солдатах из числа крестьянского сословия Каралезской волости в 1914–1915 гг.:

1. Халил Амет оглу, поселянин, всадник Крымского конного полка, убит 1 октября 1914 г.
2. Смаил Асан оглу, всадник Крымского конного полка, убит 10 октября 1914 г.
3. Мамат Заредин, рядовой, крестьянин, 6-й стрелковый полк, умер 27 февраля 1915 г. в Центральном госпитале Красного креста в г. Екатеринославле от столбняка, разывшегося вследствие тяжелого ранения.
4. Зейнедин Осман оглу, поселянин, рядовой, Белостокский 50-й пехотный полк, убит в бою с австрийскими войсками у с. Смольник 4 апреля 1915 г.
5. Асан Муртаза оглу, поселянин, рядовой, Литовский 51-й пехотный полк, убит в бою с австрийскими войсками 4 мая 1915 г.
6. Абдураман Абдулла оглу, поселянин, 193-й пехотный Свияжский полк, пропал без вести в бою с австрийскими войсками 25 апреля 1915 г.
7. Якуб Ваап (с. Сююрташ), драгун, Стародубовский 12-й драгунский полк, убит в бою с австрийскими войсками у с. Синьков 5 июля 1915 г.
8. Исса Осман оглу, поселянин, Крымский конный полк, умер от холеры в августе (?) 1915 г.
9. Муртаза оглы Умер, крестьянин, ратник, 3-й пограничный Заамурский пехотный полк, убит в бою 3 июля 1915 г. у с. Выгода (Галиция).
10. Юсуф Тейфук (?), стрелок, 1 рота 3-го Финляндского стрелкового полка, пропал без вести в бою с австро-германской армией 18 мая 1915 г.
11. Умер Муртаза оглу, ратник 1-го разряда, убит в бою 3 июля 1915 г.
12. Велиулла Асан оглу, ратник 1-го разряда, пропал без вести в бою в ноябре (?) 1915 г. [25, л. 1, 5–6, 8–17].

Впереди Крым ждал один из самых трагических моментов в истории Российской империи – ее развал и кровавая братоубийственная гражданская война. За небольшой период времени власть на территории полуострова пытались захватить крымские татары и образовать Крымскую Народную Республику, которые были разбиты большевиками, образовавшими в свою очередь Советскую Социалистическую Республику Тавриду. Весной 1918 г. полуостров оккупировали германские войска, нашедшие поддержку в лице Украинской Народной Республики и крымских татар. Далее полуостров ждало еще два Крымских краевых правительства – М. А. Сулькевича и С. С. Крыма, Крымская

Советская Социалистическая Республика, Правительство Юга России и тяжелый Исход, захват Крыма РККА и «красный террор».

Список литературы

1. Бларамберг, И. Ф. Воспоминания / пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта, вступ. статья Н. А. Халфина, коммент. О. И. Жигалиной. - М.: Наука, 1978. - 357 с.
2. Волости и важнейшие селения Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства Внутренних Дел, по поручению Статистического Совета. — СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1886. - Вып. VIII. Губернии Новороссийской группы. - VI, 157 с.
3. Врангель, Л. С. Крым. — Paris: YMCA-Press, 1938. — 159 с.
4. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 61. Оп. 1. Д. 102.
5. ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2842.
6. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 73.
7. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 185.
8. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 201.
9. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 241.
10. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 349.
11. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 359.
12. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 367.
13. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 441.
14. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 478.
15. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 485.
16. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 500.
17. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 518.
18. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 520.
19. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 536.
20. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 545.
21. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 618.
22. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 690.
23. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 695.
24. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 724.
25. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 731.
26. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 777.
27. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 854.
28. Гермоген. Таврическая епархия / Гермоген. - Псков: Типография Губернского правления, 1887. - 521 с.
29. Иванов, Е. Э. Ривьера и Южный берег Крыма, их лечебные места и средства / Е. Э. Иванов. - СПб.: Издание журнала «Современная медицина и гигиена», 1897. - 132 с.
30. Неделькин, Е. В. Село Чоргунь в период Крымской (Восточной) войны / Е. В. Неделькин // Причерноморье. История, политика, культура. — 2015. — Вып. XVII (VII). Серия Б–В. Новая, новейшая история и международные отношения. — С. 61–75.
31. Неделькин, Е. В. Мектебе деревни Чоргунь Каралезской волости Симферопольского уезда / Е. В. Неделькин // Труды всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей». — Феодосия: МБУК ФМД, 2016. — С. 81–83.
32. Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии 1901 года. С приложениями докладов и отчетов Управы. — Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1901. — 620 с.
33. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 43-й очередной сессии 1908 года с приложениями и чрезвычайного 16-го и 17-го января 1909 года. — Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1909. — 675 с.
34. Рухлов, Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма / Н. В. Рухлов. — Пг.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. — 491 с.
35. Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 года / под ред. М. Раевского. — СПб.: Типография Карла Вульфы, 1865. — 138 с.

Статья поступила в редакцию 29.05.2017

Nedelkin, E. V. The Chernorechye (Chorgun) village in the second half of the 19th – early 20th centuries: socio-economic aspect

This article is dedicated to study of the Chernorechie (Chorgun) village history, which located on the territory of the Sevastopol federal importance city, in the second half of the 19th – early 20th centuries. Special attention is given to socio-economic processes, occurring among the population of the village of Chorgun in the period under review. When writing this article we used the materials of the State Archives of the Republic of Crimea.

Keywords: land tenure, Karalezskaya volost, peasants, Sevastopol, socio-economic processes, Chernorechie, Chorgun.

УДК 792(470+292.471)

На основе массива архивных документов и материалов из крымской периодической печати начала XX в. дана ретроспектива театральной жизни Севастополя в контексте общественно-политических, военных и революционных баталий на полуострове в период 1905 – 1920 гг.

Ключевые слова: театр, сцена, спектакль, труппа, премьера, гастролы

С. П. Шендрикова, профессор, д-р ист. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского в г. Ялта

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1905 г. в общественно-политической жизни России был ознаменован бурными событиями. Центром революционного движения в Крыму, безусловно, стал Севастополь. В июне 1905 г. произошло восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Большевики Севастополя призывали матросов и солдат, рабочих и всех трудящихся города поддержать потемкинцев [9, с. 11]. Одним из кульминационных событий в ходе революционных действий 1905 г. стало вооруженное восстание в Севастополе в ноябре 1905 г., в котором приняли участие экипажи 14 боевых кораблей, рабочие порта и морского завода, солдаты гарнизона. Однако войскам удалось подавить мятеж, а его руководители были расстреляны.

Безусловно, все это не могло не отразиться на жизни города, что, разумеется, отодвинуло театральную жизнь «на задний план». Вместе с тем в 1905 г. в городе выступала драматическая труппа антрепренера Каралли-Торцова. После революционных событий, повлекших дестабилизацию ситуации в городе, Севастополь постепенно стал возвращаться к мирной жизни. Сеем предположить, что в 1906 г. наряду с прежними годами, театральные вечера в культурной жизни горожан также имели место. Вероятнее всего организовывались они силами севастопольского любительского театрального кружка. Однако информация об этом, а также о гастролях приезжих трупп в документах того времени отсутствует.

В 1907 г. в город с гастролями приехала труппа оперных артистов антрепренера Ф. Кастеллано, которая представила итальянскую оперу [3]. Основной репертуар коллектива составили оперы: «Африканка», «Гугеноты» Д. Мейербера, «Фауст» Ш. Гуно, «Риголетто» Дж. Верди, «Богема» Дж. Пуччини. Опера П. Чайковского «Евгений Онегин» была представлена на итальянском языке [2].

В 1909 г. в Севастополь со своей труппой приехал антрепренер В. Никулин, который в последствие отработал здесь шесть сезонов (1909 – 1917 гг.). «Старый городской деревянный театр, – пишет Л. Васильева, – построенный еще С. Томским в 1884 г., стали называть «театром Никулина» [1, с. 7]. И это не случайно, поскольку вклад В. Никулина в развитие культурной жизни Севастополя в такой ответственный и неоднозначный период в истории отечества неоспорим. В теплое время года антрепренер силами своей труппы обеспечивал жителям города постоянные высококачественные театральные вечера. Его спектакли всегда сопровождали аншлаги. С особенным успехом шли пьесы «Доктор Штокман» Г. Ибсена, «Дни нашей ржаной» Л. Андреева, «Свадьба Фигаро» П. Бомарше, «Без вины виноватые», «Лес», «Бешеные деньги», «Последняя жертва» А. Островского, «Эгмонт» И.-В. Гете, «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, «Иванов» А. Чехова, «Плоды просвещения» Л. Толстого [4].

Однако театр, построенный еще в 80-е гг. XIX в., давно не отвечал требованиям современной театральной жизни Севастополя. Проблема, которая уже давно назревала, была решена при непосредственном участии севастопольского городского головы М. Ергопуло, который в июле 1910 г. обратился в военно-инженерное ведомство с ходатайством об отчуждении в пользу города земельного участка размером в 699 кв. саженей (3 тыс. 182 кв. м.) на Приморском бульваре для строительства зимнего городского театра [26]. Понадобилось чуть больше года, чтобы работы по строительству театра были завершены. «Крымский вестник» сообщал: «14 сентября 1911 года состоялось Торжественное освящение Большого художественного театра «Ренессанс» А. Никуличева (директор). А 15 сентября театр открыл свои двери для Севастопольской публики» [27].

Впоследствии инфраструктура развлечений в Севастополе постепенно выходила за пределы одного лишь театра. Так, например, в 1910 – 1913 гг. в городе были организованы цирк и 4 иллюзиона (кинотеатра), поэтому среди жителей постепенно распространялось увлечение кинематографом. Однако театральная жизнь, как и ранее, была насыщенной и разнообразной.

В 1913 г. летний театр Севастополя по-прежнему находился в распоряжении В. Никулина. Из приказа войскам севастопольского гарнизона, опубликованного в журнале «Театр и искусство», становится известно, что 14 мая 1913 г., «...в день священного коронования Их Императорского Величества» для низших чинов севастопольского гарнизона ставилась пьеса А. Островского «Поздняя любовь», а 16 июля того же года «...исключительно для матросов Черноморского флота» на той же сцене был представлен спектакль Д. Фонвизина «Недоросль» [19, с. 571].

Этот период в театральной жизни Севастополя также был отмечен деятельностью местных любителей. В 1913 г. в городе по-прежнему активно работал артистический кружок, председателем которого был Е. Кохманский. Кроме этого существовал морской музыкально-драматический кружок на базе Морского собрания. В городе еще действовало и севастопольское музыкальное общество (председатель – Н. Рихтер – С. III.), силами которого неоднократно устраивались музыкально-драматические вечера в здании городского собрания [33, с. 385]. Продолжал свою деятельность и севастопольский Народный театр [20, с. 822].

Серьезные коррективы в жизнь города внесла Первая мировая война. С ее началом в Таврической губернии было введено военное положение. В Севастополе в то время было сосредоточено 54 тыс. 958 солдат и офицеров регулярных войск. В этой связи значительно возросло и количество городского населения, поскольку военные люди к месту своей службы, как правило, прибывали со своими семьями. Так, в 1914 г. Севастополь насчитывал 59 тыс. 373 человека [9, с. 11]. Одним из вопросов, который рассматривался местными властями в связи с прибытием нового контингента жителей, был вопрос по обустройству быта и культурного досуга жителей города и военных. В этом городским властям серьезным подспорьем являлись действующие театры Севастополя.

В 1915 г. в городе наиболее активно использовались три сценические площадки: театр «Ренессанс», летний городской театр и театр при Народном доме. В «Ренессансе» чаще всего спектакли ставились в холодное время года, поскольку он был оснащен системой отопления. Наряду с этим в теплое время года предпочтение отдавалось летней площадке. В мае 1915 г. в летнем городском театре ставила спектакли труппа В. Всеволодского и И. Шмидта. Главным режиссером труппы был И. Шмидт, работавший в то время в Московском драматическом театре. Помощником его был П. Брельский. В труппе также состояли Н. Нетров (Петров), П. Гжельский, Г. Павлова и другие [22]. 7 июля 1915 г. в летнем театре состоялся благотворительный спектакль «Выстрел», поставленный по комедии А. Толстого [12]; как сообщалось в рекламном объявлении в местных газетах, «10 % чистого сбора от которого, а также по 10 к. [опеек] с каждого билета в партер и ложах и к. [опеек] с амфитеатра поступят на нужды войны». Этот благотворительный вечер был проведен силами труппы В. Всеволодского. Несколько театральных вечеров для севастопольцев было устроено и в июне 1915 г. [11]. 11 декабря 1915 г. в зале севастопольского еврейского благотворительного общества в пользу женской гимназии этого общества состоялся спектакль-концерт, в первом отделении которого была предложена комедия В. Рыжкова «Клен, баран и Агафон», а во втором отделении силами еврейского общества представлен концерт [7]. В «Театре при Народном доме» также неоднократно организовывались благотворительные вечера. Так 30 ноября 1915 г. здесь состоялся спектакль «Женитьба Бальзаминова» по пьесе А. Островского «...в пользу находящихся в плену воинов Севастополя» [10].

В 1916 г. в Севастополе появился новый театральный коллектив под антрепризой Н. Казанского [15]. На сцене летнего городского театра первым состоялся спектакль по пьесе В. Рыжкова «Начало карьеры» [13]. За короткий период времени Н. Казанский проявил не только свои художественные, но и деловые качества, что позволило ему закрепиться в Севастополе в ипостаси директора городского летнего театра и одновременно выступать с антрепризой в театре «Ренессанс» [14].

В 1916 г. в антрепризе Н. Казанского выступал артист, о котором накануне его гастролей в «Крымских вестнике» было сказано так: «Мамонт Дальский – одна из самых крупных сил современной русской сцены, а в некотором смысле – уже единственная сила» [34, с. 216]. Заметим, что севастопольские поклонники театра знали М. Дальского не понаслышке. Артист с гастролями ранее уже приезжал в приморский город. На сцене летнего театра в 1916 г. столичный мастер предстал в своих лучших образах: Белугин («Женитьба Белугина» А. Островского), Кин («Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма), Уриель («Уриель Акоста» К. Гуцкова) [34, с. 217–218].

Под знаком благотворительности в 1916 г. в городе прошло немало спектаклей. Например, 5 октября 1916 г. в зале Морского собрания силами местных любителей-артистов был представлен спектакль «Коломбина» А. Скрыдлова. Этот театральный вечер был организован комитетом имени «Его Императорского Высочества наследника Цесаревича» [16], а вырученные средства были

перечислены «...в пользу раненых и больных воинов». 26 декабря 1916 г. в помещении зимнего городского собрания состоялся спектакль-концерт, «...устройстваемый учащимися и учителями Севастопольской мужской и женской гимназий А. Ахновской». Представлялась драма А. Чуминой «Искушение» [8].

Справедливости ради следует заметить, что в этот период любительский театр в Севастополе наряду с профессиональными коллективами города получил серьезный импульс в своем развитии. И в военное лихолетье театральные любительские кружки работали на благо общества: они ставили бесплатные спектакли, а вырученные от продажи билетов деньги поступали в различные благотворительные организации, учебные заведения. Таким образом, любительские кружки Севастополя вносили не только ощутимый вклад в развитие образования в городе, но и способствовали популяризации театральной культуры, прививали интерес к сцене, одновременно способствуя развитию художественных вкусов и общественного сознания.

Для всей страны 1917 г. был ознаменован политическими потрясениями, которые повлекли гибель Империи, падением самодержавия и первыми шагами власти пролетариата. Не обошла эта участь и провинциальный Крым. Севастополь, будучи военно-морской базой, принимал в событиях 1917 г. непосредственное участие. В декабре 1917 г. в Севастополе большевики в коалиции с левыми партиями пришли к власти. Напряжение политических страстей вызвали изменения во всех сферах жизнедеятельности севастопольского общества.

Несмотря на беспокойное положение в стране, летом 1917 г. семья Шаляпиных по традиции отправилась в Крым. И. Шаляпина (дочь знаменитого артиста – С.Ш.) писала: «Лето 1917 г. мы решили провести всей семьей в Мисхоре на прекрасной даче на самом берегу моря» [31, с. 335]. «На Севастопольском рейде, – писал В. Дмитриевский, – в ту пору стояло много военных кораблей, в том числе легендарный крейсер «Алмаз», известный своими революционными традициями» [6, с. 174]. Это обстоятельство натолкнуло известного театрального режиссера В. Никулина на мысль о большом концерте силами военных моряков с сольным пением Ф. Шаляпина. Режиссер, отдыхавший тогда в Севастополе, приехал на Южный берег Крыма к певцу с этой идеей и уговорил его [17, с. 120]. Сам концерт состоялся на Приморском бульваре 11 июля 1917 г. В нем принимали участие более трехсот черноморцев, а Ф. Шаляпин исполнил тогда свои лучшие песни [32].

Смена власти в Севастополе, как и во всем Крыму, наблюдалась в течение 1918 – 1920 гг. А в Севастополе это чувствовалось особенно остро, поскольку город был большой военной базой [9, с. 11]. Однако, несмотря на тяжелую политическую и экономическую ситуацию, Севастополь все же стремился наладить мирную жизнь своих граждан. Газета «Юг» в рубрике «Театр» писала: «Пятилетняя война оставила много вдов и сирот нашего многострадального флота. Их положение особенно тяжело ввиду невозможности быстрого разрешения вопроса о государственных пенсиях. Положение многих трагическое» [21]. Далее в заметке автор призывал граждан к любому проявлению благотворительности в пользу бедных семей военных [21].

На сцене театра «Ренессанс» в течение 1918, 1919 и 1920 гг. со своими концертами выступал известный представитель русской оперной школы Л. Собинов. Артист обладал волшебным голосом неповторимого «лучистого» тембра [18]. В 1918 г. Л. Собинов оказался в Крыму, где сразу активно включился в благотворительную и культурную деятельность. Так, 29 ноября 1919 г. в театре «Ренессанс» состоялся концерт Л. Собинова с привлечением местных музыкантов Грюнберг-Метиль (скрипка) и М. Якобсона (рояль) [30].

Последними «аккордами» имперского режима в Крыму была эвакуация в ноябре 1920 г. остатков врангелевской армии и семей русской интеллигенции. А уже 16 ноября 1920 г. в Севастополе состоялось заседание, на котором присутствовали С. Буденный, В. Блюхер, К. Ворошилов и другие представители новой власти [1, с. 8]. Созданный вскоре ревком очертил первоочередные задачи для города, которые касались и всех культурных заведений. Было вынесено постановление «О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их по отделу народного образования» [5, л. 2]. По приглашению севастопольского ревкома «подотделы искусств» в отделе народного образования возглавил Л. Собинов [21]. Он сразу включился в работу – 27 ноября 1920 г. Л. Собинов обратился в севастопольский отдел Народного образования с ходатайством «О немедленной национализации тех театров и артистических сил, находящихся в городе, работа которых протекает в крайне ненормальных условиях» [23, с. 158]. Л. Собинов обратил внимание городских властей на то, что «...в первую очередь необходимо национализировать театры: 1) Морского собрания с его оперным и драматическим коллективом; 2) «Ренессанс» с коллективом артистов и работников рамп; 3) театр Общественного собрания с труппой украинских артистов под руководством товарища Глазуненко» [23, с. 158]. На основании этого был издан приказ севастопольского ревкома за подписью заведомо И. Михайлова: «Предписываю впредь именовать

1-й Советский театр (бывший «Ренессанс») театром имени Луначарского, 2-й (бывшего Общественного собрания) – им. Ленина, 3-й (бывший Народный дом) – им. Карла Маркса. 14 декабря 1920 года» [18].

В результате такой трансформации театр Никулина был присоединен к театру имени А. Луначарского как летняя площадка. Забегая вперед, необходимо сказать, что по причине ветхости конструкции (здание театра было построено в 1884 г. – *С. III.*) в 1930-е гг. ее демонтировали, а на опустевшем месте был разбит небольшой парк. В 1-м Советском театре имени А. Луначарского в 1920 г. работали две труппы – оперная под руководством Л. Собинова и драматическая, которую возглавлял В. Петипа (один из сыновей великого балетмейстера, основоположника русского классического балета Мариуса Петипа – *С. III.*).

Наряду с профессиональными в городе работали местные артисты-любители, организовывавшие самостоятельные театры. Иногда создавалось впечатление, что в Севастополе театров не менее, чем в Москве. Например, весной 1920 г. на улице Николаевской (Корабельная сторона – *С. III.*) работал т.н. театр «Наука и жизнь». В марте того же года там выступал артист П. Троицкий, а помогали ему на сцене любители М. Марадудина, В. Борзов, С. Юматова [28]. Кроме этого, на сцене театра «Наука и жизнь» в 1920 г. выступал союз драматических артистов бывших императорских театров под руководством В. Блюменталь-Тамариной и М. Муратова. 8 марта 1920 г. труппа дала комедию Е. Кнобляча «Фавн» [29]. На сцене театра «Ренессанс» с самого начала 1920 г. выступала труппа под режиссерством В. Ленского. 25 января 1920 г. коллективом был поставлен спектакль «Веселый Беби» С. Кебба (перевод А. Иванова) [24]. Труппа режиссера В. Ленского гостила в Севастополе до середины февраля 1920 г. Лучшими ее артистами были признаны А. Франко и С. Буржинский [25].

Подводя итоги, следует сказать, что начиная с 1915 г., в Севастополе активно использовались три сценические площадки: «Ренессанс», Летний городской театр и Театр при Народном доме. Одним из самых ярких событий в культурной жизни Севастополя 1917 г. стал концерт великого русского оперного певца Ф. Шаляпина вместе с хором моряков-черноморцев. Период 1918 – 1920 гг. в театральной жизни города неразрывно связан с именем выдающегося русского артиста Л. Собинова. Благодаря усилиям Л. Собинова, театральная жизнь Севастополя того периода отмечалась постоянством и высоким уровнем. В 1920-х гг. в Севастополе действовали три театра: Театр в зале Морского собрания с оперным и драматическим коллективами, Театр «Ренессанс» с драматической труппой и «Театр Общественного собрания» с труппой украинских артистов под руководством Л. Глазуненко.

Список литературы

1. Васильева Л. И. Театр легендарного города / Л. И. Васильева. – К.: Мистецтво, 1988. – 86 с.
2. Городской клуб // Крым. – 1907. – 12 февр. (№ 35).
3. Городской клуб // Крым. – 1907. – 8 февр. (№ 32).
4. Городской клуб // Крым. – 1909. – 14 февр. (№ 37).
5. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 112 О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их за Отделом народного образования, 133 л.
6. Дмитриевский В. Великий артист / В. Дмитриевский. – М.: Музыка. Ленингр. Отд-ние, 1973. – 216 с.
7. Зал еврейского благотворительного общества // Крымский вестник. – 1915. – 12 дек. (№ 323 (8634)).
8. Зимнее городское собрание // Крымский вестник. – 1916. – 25 дек. (№ 333 (8982)).
9. Иванов В. Б. Севастополь. Историческая летопись 1783 – 2008 гг. / В. Б. Иванов. – Севастополь: ЧП Иванова Н. В., 2008. – 480 с.: фот.
10. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1915. – 12 авг. (№ 209 (8520)).
11. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1915. – 3 авг. (№ 201 (8512)).
12. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1915. – 8 июля (№ 175 (8486)).
13. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1916. – 3 мая (№ 112 (8761)).
14. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1916. – 4 мая (№ 113 (8762)).
15. Летний городской театр // Крымский вестник. – 1916. – 8 апр. (№ 92 (8711)).
16. Морское собрание // Крымский вестник. – 1916. – 5 окт. (№ 256 (8905)).
17. Никулин Л. В. Федор Шаляпин: очерк жизни и творчества / Л. В. Никулин. – М.: Искусство, 1954. – 192 с., 6 арк. портр.

18. Перминова Г. Великий тенор стоял у истоков... / Г. Перминова // Слава Севастополя. – 2007. – 10 авг. (№ 145).
19. По провинции. Севастополь // Театр и искусство. – 1913. – № 28. – С. 571.
20. Севастополь // Театр и искусство. – 1913. – № 41. – С. 822.
21. Севастополь. Театр // Юг. – 1919. – 7 нояб. (№ 85).
22. Севастопольский городской театр // Крымский вестник. – 1915. – 31 мая (№ 138 (8449)).
23. Севастополю 200 лет (1783 – 1983): сборник документов и материалов / сост.: Г.И. Ванеев, И. П. Кондранов, М. А. Коротков [и др.]. – К. : Наук.думка, 1983. – 414 с.
24. Театр «Ренессанс» // Юг. – 1920. – 25 янв. (№ 147).
25. Театр «Ренессанс» // Юг. – 1920. – 8 февр. (№ 159).
26. Театр и искусство // Крымский вестник. – 1910. – 27 июля (№ 161).
27. Театр и музыка // Крымский вестник. – 1911. – 16 сент. (№ 258).
28. Театр науки и жизни // Юг. – 1920. – 14 марта (№ 187).
29. Театр науки и жизни // Юг. – 1920. – 8 марта (№ 182).
30. Театр. Концерт Л. В. Собинова // Юг. – 1919. – 26 нояб. (№ 100).
31. Федор Иванович Шаляпин : в 3 т. / ред.-сост. и авт. вступ. ст. Е. Грошева; коммент. Е. А. Грошевой при участии И. Ф. Шаляпиной. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1976.
Т. 2: Воспоминания о Ф. И. Шаляпине. – 1977. – 600 с.: ил.
32. Федотов Н. На добрую память земляку... (к 120-летию со дня рождения Ф.И. Шаляпина) / Н. Федотов // Крымские известия. – 1993. – 12 февр. (№ 28).
33. Чикин А. М. Севастополь / А. М. Чикин. – Севастополь: Вебер, 2007. – 640 с.: ил.
34. Шендрикова С. П. Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX – XX века : монография / С. П. Шендрикова. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 299 с.

Статья поступила в редакцию 20.06.2017

Shendrikova, S. P. Theatrical life of Sevastopol in the period of Revolutions and the Civil War in Russia.

In the scientific publication presented, a retrospective of the theatrical life of Sevastopol in the context of socio-political, military and revolutionary battles on the peninsula between 1905-1920 has been conducted based on an array of archival documents and materials from the Crimean periodicals of the early twentieth century.

Keywords: theater, stage, play, cast, premiere, guest performances.

Анализируются прижизненные живописные портреты Светлейшего князя, обозначаются пути к научной атрибуции произведений неизвестных мастеров периода жизни и деятельности Г. А. Потемкина.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, живопись, парадный портрет, атрибуция

Т. В. Смирнова, доцент, канд. искусствоведения

Севастопольский государственный университет

E-mail: toshasmi@mail.ru

ОБРАЗ ГРИГОРИЯ ПОТЕМКИНА, СВЕТЛЕЙШЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ ТАВРИДЫ, В ТВОРЧЕСТВЕ МАСТЕРОВ ЕКАТЕРИНИСКОЙ ЭПОХИ

Масштаб личности одного из самых ярких защитников Отечества времен Екатерины Великой определяется, в первую очередь, статусом и мнением современников. Удостоенный Екатериной II титула Светлейшего князя Таврического по итогам событий по присоединению Крыма к России генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин был одним из столпов, обеспечивавших устойчивость императорского трона.

Приведем полное титулование Светлейшего князя к началу 1780-х годов (самое обширное, после титула Петра I, в российской истории той поры):

«Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, Великомилоостивой Государыни моей генерал-аншеф, Главнокомандующий сухопутными Ея Императорского величества Войсками в Крыму и Южных Российской империи губерниях расположенных, флотами, плавающими в Чёрном, Азовском и Каспийском морях, всею легкой конницей, Донским войском и всеми иррегулярными, Государственной Военной Коллегии Вице-Президент, Екатеринославский, Астраханский, Саратовский генерал-губернатор, Ея Величества генерал-адъютант, Действующий Камергер, Кавалергардского Корпуса поручик, Лейб-Гвардии Преображенского полка подполковник, Новотроицкого Кирасирского полка Шеф, над войсками генерал-инспектор, и орденов Российских Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Военного Св. Великомученика Георгия и Св. равноапостольного князя Владимира — больших крестов, Королевско-Прусского — Чёрного Орла, Датского — Слона, Шведского — Серафима, Польского — Белого Орла и Св. Станислава и Великокняжеского Голстинского — Св. Анны — кавалер». Грамотой римского императора Иосифа II, от 16 (27) февраля 1776 года граф Григорий Александрович Потёмкин возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское Римской империи достоинство, с титулом светлости (первым был представлен Петр Первый – Т. С.). За присоединение в 1783 году Тавриды к Российской империи именным Высочайшим указом, от 8 (19) июля 1787 года, Светлейшему князю Потёмкину пожалован титул Таврического и повелено именоваться впредь Светлейшим князем Потёмкиным-Таврическим.

Подобный убедительный перечень реальных заслуг должен помочь нашему современнику сформировать объективное мнение об уровне правдивости высказываний многочисленных доброжелателей и завистников «государева человека» - «Баловень счастья» и «великолепный князь Тавриды», вот эпитеты, которые чаще всего сопровождают имя Потёмкина. «С мыслью о Потёмкине соединяется обыкновенно понятие о пышном вельможе... и честолюбце, о человеке, который чудачит, чтобы рассеять пожирающую его скуку...», - мы находим немало подобных мнений, представленных в публикации П. Щербальского «Потёмкин и заселение Новороссийского края» [11]. Цель статьи – на основе исследования богатейшей личности Г.А.Потемкина, различных проявлений его таланта, сферы социальной коммуникации – определить, коррелируют ли художественные образы выдающегося представителя эпохи, представленные в жанре живописного портрета, дошедшие до наших дней, с тем, что оставили современники в документалистике, дневниках, эпистолярном наследии, литературе [3-5].

Отталкиваясь от перечисленного диапазона ответственностей, заключенных в статусе князя, столкнувшись с достаточно противоречивыми характеристиками в воспоминаниях его современников, мы поставили цель – выявить степень изученности заявленной темы в отечественном искусствоведении, познакомиться с оценкой созданной галереи образов выдающегося человека мастерами его времени [9-10]. Как оказалось, до сих пор нет не только специальных трудов, анализирующих степень мастерства и глубину отражения образа многогранной личности, нет даже каталога, который предоставил бы элементарные научные сведения о диапазоне дошедших до нашего времени (в том числе, и о недошедших) произведениях в разнообразных техниках живописи, графики, скульптуры,

прикладном искусстве. Потому мы с глубокой признательностью отдаем дань трудам Дмитрия Александровича Ровинского, юриста, тайного советника, одного из главных разработчиков судебной реформы 1860-х гг., известного также как историка искусства и составителя справочников по русским портретам и гравюре XVIII - XIX веков. С величайшей скрупулезностью систематизированы и подробнейшим образом описаны гравюры, выполненные отечественными и зарубежными граверами и литографами с прижизненных живописных, графических, скульптурных портретов Григория Потемкина, ситуативных композиций, в которых он изображен в разные моменты его динамичной государственной деятельности. Кроме обычных каталожных данных, каждый из 88 листов снабжен не только подробным научным описанием гравюрных технологий, но и перечнем исторических персонажей, окружавших князя [7, с.1822-1931].

Используя принципы построения данного многотомного издания, Алексей Викулович Морозов (1857-1934), известный предприниматель и коллекционер, своим фундаментальным трудом, посвященным памяти Д. А. Ровинского, обогатил начатое исследование и довел к 1912 году состав «Подробного словаря» до 10 тыс. единиц, дополнив и интересующий нас раздел, что по количеству портретов и качеству оттисков сделало собрание гравюр и литографий Морозова самым обширным в России [6]. Данные источники являются единственным ресурсом для исследователя заявленной нами темы, интереса к которой не обнаружено даже со стороны искусствоведов тех музейных собраний, в экспозиции которых представлены немногочисленные портреты Г. А. Потемкина. Вызывает удивление подобное безразличие к атрибуции ряда произведений, представляющих образ человека, олицетворяющего свою эпоху - они на протяжении веков остаются отнесенными к творчеству неизвестных мастеров. Мы также вполне правомерно можем отнести наше негодование и к Министерству культуры России по поводу неиспользования педагогического ресурса памятных мест, хранящих артефакты пребывания Светлейшего князя, в интенсивной отечественной схеме объектов исторического туризма они не представлены в силу полной их непрезентабельности. Так, в полном запустении пребывает место его рождения, заброшенное село, которое почтила своим посещением Екатерина Великая, испив воды из колодца, ныне заваленного хламом. Не проведено ни одного искусствоведческого исследования живописных портретов князя, не систематизированы имеющиеся в достаточном количестве, полностью раскрывающие этапы государственной деятельности графические работы, представленные в гравюре изобразительные отчеты, обязательный элемент документалистики эпохи. Недостаточно изучена такая область распространения и формирования общественного мнения как сфера тиражирования – художественная гравюра. Представленные спорадические замечания по поводу отдельных работ живописцев, писавших Потемкина, отличает поверхностное отношение и традиционное восприятие образа выдающего представителя Екатерининской поры, в основном, сводимого, даже со стороны известных музейщиков, к восприятию в аспекте фаворитизма.

Приведем следующее описание облика князя: «Современники единодушны относительно замечательной физической красоты и мощи «светлейшего»: при высоком росте он обладал пропорциональным сложением, могучими мускулами и высокой грудью. Орлиный нос, высокое чело, красиво выгнутые брови, голубые приятные глаза, прекрасный цвет лица, оттененный нежным румянцем, мягкие светло-русые вьющиеся волосы, ровные, ослепительной белизны зубы – вот обольстительный портрет князя в цветущие годы» [5, с.112]. Прекрасно представлены перечисленные качества внешности в стилистике портрета, который (не без серьезных оснований) может быть атрибутирован Д. Г. Левицкому. В репрезентативном парадном портрете Г. А. Потемкин предстает в ореоле славы, уверенности в своих силах и с неотразимым обаянием и характерным для романтического героя изяществом. Отсутствие портретов Потемкина начала славного периода в известных собраниях объясняется вероятностью их изъятия во время проведенных Павлом I акций по искоренению имени Светлейшего князя, потому нам представляется уместным и актуальным, в связи с возрастающим вниманием к изучению личности Светлейшего князя, поднять вопрос об авторстве данного портрета, ведь в настоящий момент произведение лишено какой-либо атрибуции и в экспозиции Алупкинского дворца-музея представлено как работа неизвестного мастера. Интересна история появления этой работы в Алупке. Данный портрет Г. А. Потемкина был преподнесен в дар Советскому Фонду Культуры в 1987 году известным меценатом, русским, православным бароном Э.А. фон Фальц-Фейном из княжества Лихтенштейн как работа Д. Г. Левицкого (холст, масло, 160х130). Данный факт подтверждается в издании Н. Данилевич, секретаря и пресс-атташе барона, «Жизнь русского аристократа» («Изобразительное искусство», Москва, 2001 год), в приведенном Списке даров мецената за № 0025, на странице 181. Данные генеалогического древа барона удивительным образом перекликаются с исследуемой нами эпохой Екатерины Великой. Так, приводится факт переезда из Австрии в Россию трех предков нынешнего барона - Йоханна Фейна, герцога Ангальт-Кетенского,

графа Асканийского, будущего основателя известного заповедника, чей титул и был впоследствии ему присвоен, а имя – уже в наше время; а также Йоханна Пфальца, ученого-зоолога, по призыву Екатерины II для освоения южных российских территорий, только что присоединенных Потемкиным. Постепенно они создали своего рода бизнес-империю Фальц-Фейнов, владения которой и знаменитый зоопарк посетил даже Николай II. В сентябре 1912 года, в селе Гавриловка Херсонской губернии, в семье агронома, брата основателя знаменитой «Аскании-Нова», Фридриха фон Фальц-Фейна и дочери адмирала русского флота Веры Николаевны Епанчиной и родился Эдуард Александрович, на всю жизнь сохранивший трепетное отношение к России и отметивший ныне свое благополучное 104-летие. Трагедия случилась после 1917 года, когда обрусевшая бабушка барона, и внешне, и характером походившая на Екатерину Великую, отказалась покинуть Россию и была расстреляна, а мать с сыном нашли пристанище в графстве Лихтенштейн. Влюбленный в Россию барон за свою постоянную пророссийскую обширную подвижническую деятельность награжден государственными наградами России и Украины (только орденов и медалей имеет более 20), в его честь поименована планета и активно работают основанные им общества, цель которых – поиск и возвращение в Россию памятников и артефактов ее культурного наследия [2]. Поскольку научные сотрудники Алупинского дворца не проявляют научного интереса к судьбе портрета, приведем собственные рассуждения. Немаловажным основанием для атрибуции являются сведения барона, потому приведем их в записи интервью, сделанной известным журналистом Израиля, бывшим севастопольцем, работавшим на кафедре Мировой художественной культуры СевНТУ в 90-е годы Б. Эскиным:

«Парадный портрет прославленного фаворита Екатерины работы Дмитрия Левицкого, исчез из Алупки еще в семнадцатом году. Эдуард Александрович обнаружил холст в застывших одном антиквара в Америке. — Вот теперь они опять вместе — Екатерина и Григорий, смотрят со стены на тепленькое Черное море!» [12]. После реставрации во Всероссийском художественном научно-реставрационном Центре им. академика И. Э. Грабаря портрет передан в Воронцовский дворец, чтобы экспонироваться, как это и мыслилось бароном, в качестве парного с портретом императрицы. Несомненно, следовало бы уже тогда окончательно решить вопрос атрибуции портрета, поскольку при Центре существует и отдел экспертизы, где проводятся не только иконографический и стилистический, но и технико-технологический анализ, а также сопоставление, при необходимости, с эталонами из экспозиции или из фондов Государственной Третьяковской галереи. Выскажем собственные аргументы. Иконографически портрет может быть идентифицирован как работа Левицкого, поскольку известно многократное повторение подобной постановки фигуры в других портретах, а также более поздних по времени работах – гравюре, акварели, выполненным граверами и копиистами по данному портрету, что фиксировалось. Начало блистательной карьеры князя совпало с зенитом популярности Дмитрия Левицкого. Существующее мнение же по вопросу атрибуции Владимиру Боровиковскому не может быть нами поддержано в соответствии с расхождением с хронологическими рамками жизни и деятельности князя Потемкина. Архивный материал позволяет выстроить следующую последовательность. Вхождение во славу Светлейшим совпадает с пиком популярности академика живописи Дмитрия Левицкого, который написал в семидесятые годы семь больших портретов Екатерины II, а в восьмидесятые – пятнадцать. Выдающиеся придворные, деятели науки и культуры были представлены в его полотнах. Все портреты были разнообразны по постановкам, иконографии и сакральным смыслам и составили образцы для копирования, подражания, гравирования в последующие времена. Портрет в Алупинской экспозиции иконографически и стилистически принадлежит данной временной парадигме. Завершая вопрос, хотелось бы высказать пожелание – все же следует изменить этикетаж – оставить запись, до времени проведения более глубоких исследований – «Д. Г. Левицкий (1780-е годы) Портрет Г. А. Потемкина. Копия Неизвестного мастера». Популярность молодого Владимира Боровиковского, который так и не удостоился титула придворного художника, приходится на период уже после смерти Потемкина и совпадает со временем угасающей славы императрицы. Известно, что, заметив одаренного самоучку, оформившего один из путевых дворцов, императрица пригласила его в столицу, но не одобрила созданный им портрет, который, как часто бывало, писан был с прислуги, облаченной в императорский костюм для прогулок. Знаменитый Й. Б. Лампи Старший (1751-1830), которого из свиты Потемкина, после его кончины, Екатерина уговорила переехать из Ясс и стать ее придворным художником, смог испросить за него автору только претензию на академический статус. Действительно, Боровиковский считался последователем Лампи, но работы их совершенно отличны. Итак, приглашенный Потемкиным в Яссы, состоявший в его окружении, Лампи, уже зрелый и талантливый мастер, чьи работы представлены едва ли не во всех европейских дворах, создал, по нашему мнению, лучший прижизненный живописный портрет князя. Обратимся к документам. Впечатления, оставленные на века этим художником, сохранили верность

воспоминаниям очевидца, который всю жизнь пронес образ князя с преклонением пред его заслугами и глубочайшим уважением, благодаря записям которого мы сегодня воспроизводим стойкий и мужественный характер пятидесятидвухлетнего полководца, каким он и был представлен незадолго до смерти в портрете Лампи: «...в годы зрелые общее впечатление портила угрюмость князя, набегавшая на его чело, изборожденное морщинами...». «...сгорбленный, съезженный, невзрачный, когда остается дома, – он выпрямляется, вскидывает надменно голову, он горд, прекрасен, величествен, увлекателен, когда является перед своей армией, точно Агамемнон в сонме греческих царей». Автор данных слов, посетивший Россию в 1780 г. и 1787 г., сопровождавший императрицу в Крыму, проводя подобные знаковые параллели для организатора греческого проекта, известный при европейских дворах князь Шарль Жозеф де Линь (1735-1814), фельдмаршал и дипломат, мемуарист, уже в самой наружности князя усматривал «человека недюжинного калибра». Упоминая о нем, как о «...самом влиятельном лице России», отмечал: «...не предается сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она наступила; ... он сам очень храбр: он останавливается под выстрелами и спокойно отдает приказания.... То глубокий философ, искусный министр, великий политик, то десятилетний ребенок. Он вовсе не мстителен, он извиняется в причиненном горе, старается исправить несправедливость. Одной рукой он подает условные знаки женщинам, которые ему нравятся, а другой – набожно крестится... Какая же это магия? Гений и еще раз гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздавании наград, ... величайшее познание людей...». По документам – мы можем в этом удостовериться, изучив содержание и результаты проведенных им мероприятий по реформированию армии на основах жизненного правила – «Туалет солдатский должен быть таков... что встал – и готов! У них камердинеров нет» – реформа проникнута отеческой заботой к воину-простолудину, который облачался отныне в удобные одежды, получал здоровый провиант и мог наблюдать, как Светлейший князь запросто посещал чумные бараки, проверяя состояние гигиены своих подопечных и качество медицинской помощи [5, с.118-119].

Примечательно, что де Линь, оценивая грандиозность греческого проекта, сравнил Потемкина с Алкивидом (451–404 гг. до н.э.), замечательным афинским государственным деятелем и полководцем, героем пелопонесской войны, легендарным и победоносным воином [5, 200-201]. В 1789 г. Александр Суворов восторженно отзывался о своем командующем Потемкине, который немало сделал для своего подчиненного: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек: щастье мое за него умереть». Знаменитые военачальники старшего поколения характеризовали молодого Потемкина с самых первых проявлений в военной деятельности как талантливого и доблестного воина. Так, Голицын отмечал, что «...русская конница до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потемкина». Румянцев ценил Потемкина как «перспективного и расторопного человека, чрезвычайно героическую и доблестную личность». Портрет Лампи, мастера, ярчайшего представителя т.н. россики, известного своим торжественным парадным творчеством, трогает явным отступлением от присущих даже ему самому композиций. Иностранец, находившийся в свите Потемкина, успел, очевидно, воспринять все безграничное своеобразие натуры князя, оценить те физические и духовные усилия, которые до сей поры непонятны даже многим нашим современникам. Мы категорически не согласны с мнением в одном из описаний, сделанным коллегами к этому портрету: «...деланная красивость, выражения лиц – самоуверенные и горделивые...» или оценка, подходящая для прочих работ, кроме рассматриваемой – Лампи сумел «...в обобщенной характеристике запечатлеть ...некое коллективное лицо русской аристократии Екатерининского времени». В данной работе Лампи проявляет особенное чувство. Весь строй портрета – умело рассчитанная композиция, постановка фигуры, ее разворот и соотношение с обрезом холста, колористическая гамма и моделировка формы, отбор аксессуаров, выбор одеяния – в полной мере отражают душевные переживания модели. Изображение военачальника в античных доспехах вносит нотку героизации, однако без классицистического пафоса, поскольку тонко переданное настроение, брошенный на зрителя взгляд раскрывают глубинный смысл образа – присущие светлейшему князю богатые переживаниями переменчивые состояния. Чужестранец Лампи, австриец итальянского происхождения, адаптированный в русском социуме, с чувством глубокого расположения попытался воплотить в парадном портрете своего великого покровителя характерные качества любимого войсками героического полководца – состоявшейся личности, каких со всей силой признательности и любви именовали «государевыми человеками», истинно пекущимися о славе России. Остановившись перед портретом в экспозиции Государственного Эрмитажа, зритель с удивлением обнаруживает не свойственные времени знаки надменности, чванства высокопоставленного царедворца, но полный глубоко затаенной грусти взгляд, будто обращенный к своим потомкам, которым надлежит еще долго

исследовать весь ареал содеянного им во славу Отчизны, вновь и вновь дивиться результату и, повинившись перед некоторыми монархами и целыми историческими периодами, восстановить историческую память и, наконец, отдать должные почести этому «герою, герою и еще раз – герою».

И вновь для нашего исследования важно рассмотреть мнение человека, принявшего участие в свите императрицы во время ее поездки в Крым – друга австрийского императора Иосифа II – де Линя: «Почти все его общественные деяния несут на себе печать благородства и величия». Как завоеватель новых земель Потемкин стоит рядом с Петром Великим. Так же, как Петр, он заложил новые города и построил флот, так же, как первый русский император, умер в 52 года – но на этом сходство заканчивается, потому что «...Потемкин был столь же человеколюбив и незлопамятен, как Петр жесток и мстителен».

С проблемами атрибуции мы столкнулись и при изучении еще одного портрета Потемкина, безответственно отнесенному коллегами неизвестному мастеру. Данный портрет чаще всего подвергался копированию в живописи и тиражированию посредством гравирования, на базе чего и возможно, в первую очередь, проведение его атрибуции [8, с.54]. Джеймс Уокер (ок. 1760 - 1823), английский гравёр, один из лучших в Европе, с 1784 года почти двадцать лет работал в России по приглашению Екатерины II. Известная гравюра «Портрет Потемкина» снабжена его собственной надписью, которая в переводе на русский язык гласит, что выполнена лично Уокером по живописному портрету Лампи. В пользу этого авторства может быть рассмотрено сходство с другими портретами Лампи. Важен и тот факт, что Потемкин обладал широкой эрудицией не только в военных, но и гуманитарных науках – есть возможность знакомства с его сочинениями. Он был и знатоком в области искусства. Мы категорически не поддерживаем мнение о нежелании князя позировать художникам. Портрет в те времена являлся обязательным атрибутом интерьера, документом статуса, а также и средством продолжения клановой традиции: вопрос состоял в выборе мастера. Общаясь с представителями европейских дворов, налаживая свою разведывательную сеть, князь сделал выбор из довольно обширного количества претендентов: у В. Эриксона, к примеру, одних портретов императрицы более тридцати, славили и Э. Куннингема, а Г. Шмидт и И. Барду работали и в живописи, и возрождали портрет в технике пастели - и многие другие.

Завершить наши размышления о степени правдивости отраженных мастерами живописи образов величайшего сына России представляется важным словами прощальной проповеди епископа Екатеринославского Амвросия: «Я желал бы, чтобы все высокие пред людьми были смиренны, как он, перед Богом. Видя предстоящего его здесь с наполненными слёз очами, видя в последние дни жизни его с таковым же чувством не единожды приобщающегося, напоследок видя его молитвенные обращения ко Спасителю и исполненные набожности лобызания икон его, едва мог я воздержаться, чтобы не растворить его слёзы моими».

Пусть же на эти мысли опираются в своих исканиях правдивости образа Светлейшего князя наши современники, внося вклад в восстановление исторической справедливости в оценке роли великого предка в укреплении мощи и славы России.

Когда мы говорим о педагогических возможностях искусства, мы предполагаем воздействие посредством художественной формы на человеческую память, на развитие чувств патриотизма, гордости за свое отечество, с помощью произведений искусства формируем традиции и идеалы, на которые может быть сориентирован процесс воспитания в современной России. В этом, по нашему мнению, заключена главная цель настоящих, ставшими традиционными, «Потемкинских чтений» – способствовать решению проблемы формирования духовно-нравственной личности российского интеллигента, что в последнее время из предмета научных дискуссий превращается в настоятельное требование государственной политики: воспитать достойных последователей в деле восстановления исторической справедливости в восприятии несправедливо преданных забвению важнейших исторических прецедентов и ярчайших исторических личностей.

Список литературы:

1. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического: [Т.1] / Под ред. акад. Н.Ф. Дубровина. Сб. военно-исторических материалов. — СПб., 1893. — Вып.-VI. — 385 с.
2. Данилевич, Н. А. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа / Н. А. Данилевич. — М.: Изобразительное искусство, 2000. — 232 с.
3. Екатерина II и Потемкин: Личная переписка. 1769-1791. (Литературные памятники). — М., 1997. — 98 с.
4. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, взятая из иностранных и отечественных источников: Кн.1. — М., 1808 (Изд. 2-е.: М., 1812). — 98 с.

5. Линь, Шарль Жозеф де. Письма и мысли маршала принца де Линь / Шарль Жозеф де Линь; Анна Луиза Жермена де Сталь; пер. с фр. М.С. Ильинского, А.В. Иванова. — М.: Университетская типография, 1809. — Ч.1. — 233 с.
6. Морозов, А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов / А.В. Морозов. — М., 1913. — Т.3. — (место илл.: стр. CCCLIV, гравюра, техника штрих, гравёр Волькер) — С.34-35.
7. Ровинский, Д. А. Материалы для русской иконографии (в 12 выпусках) / Д. А. Ровинский. — СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1884-1891. — С.1822-1931.
8. Скворцова, Е. А. Ранний период творчества Джеймса Уокера // Искусство и диалог культур: VI Международная научно-практическая конференция. Вып. 6: Сборник научных трудов / Под ред. С. В. Анчукова. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — С. 25-29.
9. Смирнова Т. В. Стилистические проблемы в европейском портрете эпохи Просвещения / Т. В. Смирнова. — Искусствознание Украины: Научный сборник. Академия искусств Украины. — К., 2003. — №3. — С.204-220.
10. Смирнова Т. В. Художественная картина мира эпохи Просвещения / Т. В. Смирнова // Язык и культура. — К.: Издательский Дом Бураго, 2007. — С. 232-244.
11. Щербальский П. К. Потемкин и заселение Новороссийского края. — М., 1868.
12. Эдуард фон Фальц-Фейн: 100 лет аристократа // «Секретный портал»: сайт. — 15 сент. 2012. - URL: <https://isrageo.wordpress.com/2012/09/15/falcfeyn/> (дата обращения: 15.04.2017)

Статья поступила в редакцию 23.05.2017

Smirnova, T. V. The image of Grigory Potemkin, the serene patron of tavrída, in portraits by artists of the catherine's the great epoch

The author analyses lifetime portraits of His Serene Highness, while bringing out the ways to scientific source attribution of portraits by unknown artists created in when G. A. Potemkin was alive and active.

Key words: Age of Enlightenment, arts, painting, ceremonial portrait, full-dress portrait, source attribution

УДК 93/94

Рассматриваются особенности установления Советской власти в Севастополе и Крыму.

Ключевые слова: революция, советская власть, контрреволюция, Черноморский флот, Севастополь.

И. В. Рыбак, доцент, к. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СЕВАТОПОЛЕ И КРЫМУ

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством партии большевиков во главе с В. Лениным, уничтожила эксплуатацию человека человеком, социальный и национальный гнет. Она провела в жизнь великие идеи социализма, мира, равноправия, мира и дружбы народов [2, с. 4]. Существуют диаметрально противоположные подходы к оценке данного события: часть исследователей рассматривает революцию в качестве национальной катастрофы, которая привела к гибели российскую империю, или к Гражданской войне, к установлению в стране тоталитарного режима, для других - это событие, оказавшее влияние на весь мир и Россию. Россия выбрала некапиталистический путь развития, были ликвидированы феодально-крепостнические пережитки, событие октября 1917 г. спасло Россию от катастрофы.

Октябрьская революция имела большое историческое значение. Несмотря на материальные, моральные, человеческие жертвы, страна сделала рывок в развитии производительных сил:

- заняла второе место в мире (после США) по производству промышленной продукции;
- превратилась из аграрной царской России в аграрно-индустриальную державу;
- был создан СССР, в состав которого вошли все народы царской России.

Наряду с положительными тенденциями имели место и отрицательные последствия, которые в дальнейшем привели к распаду СССР и образованию однополярной системы. К ним относят:

- раскол мира на две системы: социалистическую и капиталистическую, что привело к их противостоянию в годы холодной войны, к невиданной ранее гонке вооружений, к ряду внешнеполитических и внутривойсковых военных конфликтов;
- монополию КПСС на власть, свертывание демократии, гласности, образование и усиление тоталитарной системы.

Началом новой эпохи был день 25 октября (7 ноября) 1917 г. Центром событий стал г. Петроград. В этот день большевики свергли буржуазное Временное правительство. Второй съезд Советов провозгласил переход власти в руки Советов. Началось триумфальное шествие советской власти.

Крым стал одним из регионов, где борьба за установление Советской власти развернулась позже, чем в других регионах страны, поскольку:

- пролетариат был малочислен (кроме Севастополя и Керчи);
- в городах преобладала мелкая буржуазия;
- состав населения Крыма был многонациональным (более 30 национальностей);
- в деревнях преобладали зажиточные крестьяне-кулаки;
- положение Крыма было окраинным (отдаленность от революционных центров страны);
- крымские большевики после Февральской революции 1917 г. были неорганизованны;
- отсутствовали большевистские организации до апреля 1917 г.;
- отсутствовал губернский партийный центр (был создан в октябре 1917 г.);
- большевики ориентировались на союз с меньшевиками и создание совместных социал-демократических организаций.

Учитывая причины, установление Советской власти в Крыму происходило тяжело. Борьба за установление советской власти в Крыму продолжалась с 1917 г. по 1918 г. Преодолевая трудности и недостатки, большевики Крыма смогли сплотить рабочих, крестьян, матросов, солдат для борьбы за власть. Ими был предпринят ряд мер, в частности, усилена борьба против соглашателей в Советах рабочих, крестьянских, солдатских, матросских депутатов, профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах; большевики возглавляли забастовки рабочих, демонстрации; усилилась агитационная работа среди крестьян.

Чтобы заручиться поддержкой крестьян, большевики обещали решить земельные вопросы в соответствии с Декретом о земле, утвержденным на II съезде Советов (25 октября 1917 г.). В помощь

крестьянам в деревнях создавались Советы и комитеты. Первые Советы крестьянских депутатов образуются только летом 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. и свержения царя население г. Севастополя и военные начали формирование революционных органов власти. На предприятиях, в частях и на кораблях возникли комитеты, руководимые меньшевиками и эсерами. В городе был образован Совет рабочих и солдатских депутатов, пользовавшийся авторитетом у матросов. 2 марта 1917 г. был образован единый Севастопольский Совет депутатов армии, флота и рабочих, избравший Центральный исполнительный комитет (ЦИК), 4 марта - Военно-исполнительный комитет. Вскоре Военно-исполнительный комитет, куда вошли представители офицеров и кондукторов с целью овладеть движением, стал называться Объединенным Центральным Военно-исполнительным комитетом (ОЦВИК). После появления ленинских Апрельских тезисов, а также согласно решениями VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), большевики в условиях мирного развития социалистической революции, повели борьбу за захват власти. Их главной целью было завоевание большинства в Советах, профсоюзах и в солдатских организациях.

Благодаря агитационно-пропагандистской деятельности большевиков была создана самостоятельная большевистская организация во главе с моряками И. Назукиным, С. Сапроновым и др. Черноморский флот стал революционным оплотом Крыма. Вторая большевистская организация образовалась в Феодосии в июне 1917 г. Они сразу же установили связь с ЦК РСДРП(б). В конце августа был создан Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот) для объединения деятельности советов и комитетов военно-морских баз и портов Черного моря.

После октябрьского вооруженного восстания в Петрограде власть в городе перешла к Совету военных и рабочих депутатов, но большинство голосов в Советах получили меньшевики и эсеры, они не поддерживали первые декреты Советской власти. В этот период времени в городе установилось двоевластие. С одной стороны, Центрофлот - высший орган власти на флоте, защищавший интересы рабочих и матросов; с другой - городская дума и управа, в состав входила буржуазия, поддерживающая командующего Черноморским флотом А. В. Колчака. В его руках находилась гражданская власть. Таким образом, двоевластие, сложившееся в Петрограде, существовало и в Севастополе.

Осенью большевики окончательно разрывают организационные связи с соглашателями в других городах. Центральный комитет РСДРП (б) направил в Крым опытных пропагандистов и организаторов: Ж. А. Миллера, Н. И. Островскую, Ю. П. Гавена, Н. А. Пожарова и других; в мае - июне, августе и ноябре в Севастополь для агитации и пропаганды приезжали делегации революционных моряков Балтийского флота. Партия поставила задачу превратить Севастополь в «Кронштадт Юга». 2 октября 1917 г. в Симферополе состоялась первая конференция большевиков Таврической губернии.

Севастополь стал центром борьбы в период подготовки и проведения социалистической революции в Крыму. В октябре 1917 г. Севастопольский совет принял решение о взятии власти в городе.

Возглавлял ЧФ в дни октябрьской революции Центральный комитет ЧФ (Центрофлот). Он состоял из эсеров. Под давлением широких народных масс Центрофлот поддержал решение о признании законности октябрьского вооруженного переворота в Петрограде. Это было связано с тем, что среди севастопольских эсеров было много левых, которые хотели сохранить свое влияние на матросов и солдат. Их позиция была двойственной: они могли голосовать за большевистские лозунги при этом, отказавшись от союза с меньшевиками, или против них, если их эти лозунги не устраивали. В этом случае они принимали решение совместно с меньшевиками и получали большинство голосов.

Первый Общечерноморский съезд - съезд комитетов экипажей кораблей и береговых команд Черноморского флота России состоялся в Севастополе 6 (19) ноября – 19 ноября (2 декабря) 1917 г. Съезд проходил в напряженной атмосфере. Из 88 делегатов с решающим голосом, на съезде было 27 левых эсеров, 22 большевика, 17 украинских эсеров, 16 беспартийных, 6 меньшевиков и правых эсеров. Состав делегатов позволял коалиции большевиков, левых и украинских эсеров диктовать съезду свою волю.

Современные историки В. и А. Зарубины в работе, посвященной истории Гражданской войны в Крыму, обратили внимание на знаковую дискуссию о гражданской войне, развернувшуюся на съезде. В своих выступлениях большевик Н. А. Пожаров и лидер фракции украинских эсеров, представитель севастопольского украинского войскового комитета К. П. Величко доказывали, что бояться гражданской войны не нужно, что гражданские войны всегда сопровождают социальные революции и неразрывно связаны с ними. Правый эсер С. Риш отвечал, что революции погибали, если они становились причиной начала гражданской войны. Поняв, что их мнение не повлияет на решения съезда, правые эсеры и меньшевики покинули съезд.

Флотский съезд призвал всех «тесно сплотится вокруг своих советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержать их в борьбе с контрреволюцией» [3, с. 16]. Съезд одобрил постановление Совнаркома о роспуске Всероссийского Центрофлота, не поддержавшего октябрьский переворот. 18 ноября 1917 г. был избран новый состав Центрофлота. Главным комиссаром Черноморского флота стал матрос-большевик В. В. Роменц, вместо комиссара Временного правительства эсера И. И. Бунакова-Фондаминского. Помощником для решения вопросов с украинским войсковым комитетом - П. Ф. Зинченко.

Черноморцы неоднократно помогали бороться с контрреволюционными мятежами в других городах. По предложению большевиков на съезде было принято решение послать флотилию с десантным отрядом на Дон, чтобы помочь подавить мятеж, организованный атаманом А. М. Калединым.

Кроме того, под Белгород для борьбы с корниловцами был отправлен революционный отряд в составе 2500 чел., с артиллерией и 2 самолетами. Боевые походы севастопольских революционных отрядов на Дон и Украину играли большую роль в революционизировании солдатских и рабочих масс в Крыму, в Причерноморье, Приазовье и на Кавказском побережье. Укреплялись связи моряков-черноморцев с Балтийским флотом.

Благодаря активным действиям черноморцев и трудящихся Советская власть в Севастополе была установлена 27 октября 1917 г. Севастопольский Совет и Центрофлот приветствовали установление Советской власти, в других городах Крыма дело обстояло иначе. После победы февральской революции активизируется деятельность политических партий меньшевиков, эсеров, кадетов. Они создаются параллельно думам и земствам. Керченский, Феодосийский и Симферопольские Советы ввиду преобладания в них меньшевиков и эсеров осудили действия Петроградского совета, октябрьский вооруженный переворот и решения II Всероссийского съезда Советов.

В связи с активизацией деятельности крымских большевиков после событий октября 1917 г. антибольшевистские силы начали консолидироваться. 17 ноября 1917 г. в Симферополь прибыли отозванные с румынского фронта запасной батальон татарской пехоты и татарская эскадрилья конного полка («эскадронцы»).

В дни керенщины в Крыму образуются несколько контрреволюционных группировок:

- монархическая, которая сгруппировалась вокруг членов царской семьи Романовых, живших в своих дворцах на Южном берегу Крыма. Поддерживали помещики и капиталисты Крыма;
- городские думы, губернские и уездные управы, земские учреждения, поддерживаемые эсерами, меньшевиками, кадетами и контролируемые бывшими членами Временного правительства;
- партия татарских буржуазных националистов Милли Фирка.

Для борьбы против Советской власти объединились все контрреволюционные силы Крыма.

В Симферополе создается Ревком во главе с меньшевиком П. Новицким. В его состав вошли все контрреволюционные организации. Цель организации Ревкома - борьба против социалистической революции. 26 ноября 1917 г. в Симферополе губернский съезд городских и земских самоуправлений избрал правительство Крыма - Совет народных представителей (СНП) – это был орган контрреволюционной власти.

20 – 23 ноября (3 – 6 декабря) в Симферополе состоялся съезд земств и городских дум, где был сформирован «временный высший орган губернской власти» - Совет народных представителей. «Таврический общегубернский съезд городов и земств», на котором 22 делегата представляли коренные народы Крыма, а 30 делегатов - украинское население. Русская делегация, представлявшая большинство, высказалась за сохранение Крыма в составе России, проигнорировав факт объявления своей независимости Украиной и предложения о создании независимой Крымской республики» [4, с. 275].

25 марта 1917 г. – на общем собрании мусульман Крыма сформировался Временный крымско-татарский (мусульманский) исполнительный комитет. Его ядром стала созданная в июле крымско-татарская партия Милли Фирка, которая имела свою программу, издавала газеты.

В конце ноября 1917 г. Милли Фирка выдвинула лозунг «Крым для крымцев». Он наглядно демонстрировал стремление татарских буржуазных националистов оторвать Крым от Советского государства. Один из лидеров Милли Фирка Асан-Сабри Айвазов, оценивая, этот лозунг писал: «В настоящее время государства нет, порядка нет... В стране нарушен мир и спокойствие. Порядок вырван с корнем, каждый поступает так, как умеет» [4, с.105]. Право наций на самоопределение татарские националисты толковали как право национальной буржуазии на захват власти и создание собственного национального государства. Они мечтали выселить из Крыма русских и украинцев и восстановить татарское ханство под протекторатом Турции. 26 ноября 1917 г. в г. Бахчисарай на курултае было

создано крымско-татарское правительство – Директория. Военными формированиями и подразделениями численностью до 5 тыс. человек руководил Крымский штаб. Его основной целью стало подавление революционного движения в Крыму[5, с.44].

В Крыму происходило размежевание классовых сил. Сторонники революции сплотились вокруг партии большевиков. Противники - вокруг Крымского штаба.

В ноябре – декабре 1917 г. в Крыму сложилась революционная ситуация. Контрреволюция была уже не способна подавлять революционное движение, но революционные массы не были достаточно организованы для окончательного разгрома контрреволюционеров.

Политическая обстановка в Крыму требовала объединения всех революционных сил. Прежде всего, необходимо было устранить разноречивость в работе местных партийных организаций и создать единый партийный центр. Центральный комитет требовал от крымских большевиков создание губернского комитета партии и издание местной газеты.

23 ноября 1917 г. в Симферополе открылась II губернская партийная конференция (съезд) большевиков, которая, выполняя директивы ЦК, нацелила местные партийные организации на установление в Крыму советской власти. После конференции началась подготовка в Симферополе к вооруженному восстанию.

На репрессии со стороны Крымского штаба, татарских эскадронов, белогвардейских отрядов революционные рабочие в Симферополе, Феодосии, Евпатории и Керчи ответили организацией красногвардейских отрядов. Большевики крымских городов по примеру Севастополя стали создавать Ревкомы, которые занимались подготовкой революционного восстания. Большевики Крыма стали более организованными и действовали согласно решению II губернской партийной конференции.

После Севастополя советская власть была установлена в Феодосии. Рабочие и солдаты феодосийского гарнизона под руководством большевиков подняли восстание 2 января 1918 г. Вооруженным путем контрреволюционной силы были разбиты, и при помощи отряда моряков в городе была установлена советская власть. В ночь с 5 на 6 января 1918 г. отряды большевиков заняли главные учреждения в Керчи: вокзал, почту, телеграф и др. Власть в городе перешла в руки Ревкома.

В Ялте и Евпатории установление советской власти приняло затяжной характер. В конце 1917 г. Ялтинский совет рабочих и солдатских депутатов по предложению большевиков принял решение об установлении власти в городе. Однако быстро сделать это не удалось, так как в окрестности Ялты прибыли татарские национальные части – эскадронцы. Объединившись с белыми офицерами, находившимися на ЮБК, татары пытались совершить в городе контрреволюционный переворот. Ялтинские и евпаторийские большевики обратились за помощью к революционному Севастополю.

Вечером 8 января 1918 г. в ялтинский порт прибыл миноносец «Хаджибей» с отрядом моряков из Севастополя. Они доставили оружие для ялтинских красногвардейцев. Начались упорные бои.

16 (29) января 1918 года в Ялте окончательно победили сторонники советской власти, местный совет тут же передал всю власть в городе Ревкому.

Крымский штаб постепенно накапливал силы в районе Бахчисарая для захвата Севастополя. Таврический губернский комитет РСДРП(б) в декларации от 11 января 1918 г. согласился на переговоры с татарской парламентской комиссией о создании самостоятельного государства. Однако лидеры татарских националистов, рассчитывая установить свою власть в Крыму вооруженным путем, отвергли эту декларацию.

Боевые действия под Севастополем начались 11 января 1918 г. Татарские эскадронцы вторглись в город, чтобы захватить Камышловский мост. На защиту Севастополя поднялись матросы, солдаты и рабочие города. В боях 11 – 13 января 1918 г. отряды красногвардейцев разбили эскадронцев и пошли на Симферополь, где был создан военно-революционный комитет. В ходе боев под Севастополем ревком принял решение поднять 12 января вооруженное восстание в Симферополе. В этот день красногвардейцы заняли все ключевые позиции в городе. На следующий день эскадронцы и белогвардейцы были разбиты. Город при помощи севастопольских отрядов был освобожден от контрреволюционных сил. 14 января трудящиеся Симферополя праздновали установление советской власти [3, с.5].

Белогвардейские части были разгромлены на всей территории Крыма. Крымский штаб, Директория и Совет народных представителей прекратили свое существование, их руководители были убиты или скрылись в крымских лесах.

Советская власть в Севастополе, как и во всем Крыму, продержалась недолго. Нарушив Брестский договор, Германия начала военные действия: 18 апреля 1918 г. ее войска овладели Перекопом и начали продвигаться вглубь полуострова; 1 мая – немцы захватили весь полуостров, в том числе и Севастополь; 9 ноября – в Германии свершилась буржуазно-демократическая революция; 13 ноября –

Советское правительство объявило Брестский договор аннулированным и повело борьбу за освобождение территорий, захваченных Германией; 15 ноября - началась эвакуация германских матросов и солдат из Севастополя. Вскоре они покинули город и весь Крым. Вместо немецких оккупантов в город 23 ноября 1918 г. пришли англо-французские интервенты, вслед за ними стали прибывать белогвардейские войска. До 29 апреля 1919 г. англо-французские интервенты хозяйничали в городе.

Немецкая и англо-французская интервенция нанесла Севастополю огромный материальный ущерб. Убытки, причиненные немцами, по подсчетам специальной комиссии, определяются в сумме 2563321811 руб. Англо-французские интервенты угнали все исправные суда, остальные - ограбили и разрушили. Только со складов Севастопольского военного порта они вывезли имущества на сумму 5 млрд. руб. Материальный ущерб, причиненный гражданскому населению города, исчисляется в сумме более 500 тыс. руб. золотом [1, с.10].

Подпольную борьбу с интервентами и белогвардейцами вели моряки и жители Севастополя, но потерпели поражение. 23 июня 1919 г. войска под командованием генерала А. П. Деникина и сменившего его генерала П. Н. Врангеля при поддержке интервентов вступили в город.

В результате успешной борьбы Красной Армии войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе, после удачного штурма Перекопа в ноябре 1920 г. вступили в Крым и освободили полуостров от белогвардейцев. 15 ноября 1920 г. после освобождения Севастополя от белогвардейцев и интервентов в городе установилась Советская власть.

Противники советской власти вынуждены были покинуть Крым. Из Крыма эмигрировало 145 тысяч офицеров белой армии генерала П. Н. Врангеля и представителей гражданского населения. 126 кораблей ушли из портов Севастополя, Феодосии, Керчи, Евпатории, Ялты. Некоторые исследователи будут жаловаться на то, что Россия лишилась цвета нации, а лучшие сыны отечества вынуждены были навсегда остаться эмигрантами.

Век, прошедший со времени революции 1917 г., показал, что изучение вопросов, рассматриваемых в статье, вызвано постоянным интересом к периоду революционных событий, которые кардинально изменили ход истории России, Европы и мировой цивилизации. Необходимость изучения всех этапов революции и гражданской войны в России обусловлена развитием геополитической обстановки в мире в XX и XXI вв. Исторический опыт показал, что при возникновении любых конфликтных ситуаций и кризисных моментов необходим трезвый, взвешенный подход всех вовлеченных сторон, учет особенностей механизмов принимаемых решений и многих других факторов.

Список литературы

1. Болгарин П. И. Под красным вымпелом / П.И Болгарин. – М., 1975. – 250 с.
2. Борьба большевиков за власть в Крыму: Сборник документов и материалов / Под ред. И. С. Чирва. Т.1. Март 1917 – апрель 1918. - Симферополь: Крымиздат, 1957. – 295 с.
3. В поисках утраченного единства (90 лет окончания революции и гражданской войны в России) / Сб. науч. статей. Вып. № 8. – Симферополь: Крымский архив, 2011. – 123 с.
4. Губогло М. Н. Крымскотатарское национальное движение / М. Н. Губогло, С. М. Червонная. Т. II. – М., 1992. – 310 с.
5. Королев В. И. Таврическая губерния в революции 1917 г. / В.И. Королев. – Симферополь: Таврия, 1993. – 85 с.

Статья поступила в редакцию 13.06.2017

Rybak, I. V. The peculiarities of establishment of Soviet power in Sevastopol and the Crimea
Features of the establishment of Soviet power in Sevastopol and the Crimea are considered.
Keywords: revolution, Soviet power, counterrevolution, the Black Sea Fleet, Sevastopol.

УДК 94(47)

Рассматривается социальный, национальный, партийный состав и образовательный уровень депутатского корпуса Севастопольского городского совета в 1921-1925 годах, а также его изменение в зависимости от политики ЦК РКП (б). Анализируются привилегии депутатов-членов исполкома и президиума Совета по сравнению с рядовыми депутатами и другими слоями городского населения, в связи с тем, что эти подразделения стали играть ключевую роль в местных органах власти.

Ключевые слова: Севастополь, 1920-е, горсовет, депутатский корпус.

В. С. Юрченко, аспирант

Тюменский государственный университет

E-mail: ducho-vel@list.ru

ДЕПУТСКИЙ КОРПУС СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГОРСОВЕТА В 1921-1925 ГОДАХ

Севастополь был основан как южная военно-морская база, что не могло не отразиться на административном статусе города. До 1917 г. в состав Таврической губернии входило отдельное Севастопольское градоначальство. В ходе Гражданской войны Черноморский флот был почти полностью уничтожен. Поэтому в ноябре 1920 г., когда Красная армия вступила в Крым, Севастополь становится обычным уездным центром (с октября 1921 г. – окружным) [1].

Первая половина 1920-х гг. ознаменовалась постепенным выходом из кризиса послевоенной разрухи и возвращением городу статуса главной базы флота на Черном море. Этот путь пришлось пройти, в том числе и местным органам советской власти, которые должны были максимально экономно и концентрированно распределять имевшиеся небольшие ресурсы.

В ноябре 1920 г., по утверждению командующего Южным фронтом Красной армии М. В. Фрунзе, Крым представлял собой «довольно печальную картину». Речь шла, прежде всего, об экономической составляющей. Ценное имущество и суда торгового флота оказались в эвакуации вместе с войсками П. Н. Врангеля. Разрушение железной дороги повлияло на поставки продовольствия на полуостров, который даже в урожайные годы не мог самостоятельно прокормить и 2/3 своего населения. Систематическое уничтожение лесного ресурса в годы Гражданской войны привело к топливному кризису, который был преодолен благодаря подходу угля с Донбасса. Для преодоления этой ситуации центр планировал выделить в начале 1921 г. 382 млрд. рублей в рамках программы по восстановлению экономики Крыма. Но реальная сумма, поступившая на счет крымских властей, была в 9 раз меньше – всего 42 млрд. рублей [25, с. 10, 12]. В результате промышленность Севастополя бездействовала. При этом в период военного коммунизма на государственном довольствии находилось более 60 тысяч человек (при общем населении 75 тысяч человек в 1921 году). Перевод на государственное снабжение был осуществлен, согласно декрету «О бесплатности всех отпускаемых государством продуктов» (конец 1920 года) [38, с. 123].

Учитывая вышеназванные сложности, ревком в Севастополе действовал 8 месяцев, с 16 ноября 1920 г. по конец июня 1921 г. (в составе пяти человек), в то время как на остальных территориях уже формировались постоянные органы власти. За это время ревкому в целом удалось подготовить почву для организации выборов в Советы: экономическую (национализация), политическую (обеспечение победы Коммунистической партии над оппонентами), кадровую (отбор кандидатов на должности депутатов) [37, с. 4, 6].

1 июля 1921 г. в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., постановлениями и положениями ВЦИК в Севастополе начали действовать городской и районный Советы (первые в Крыму). Численный состав горсовета Севастополя каждый год менялся: от 200 до 250 депутатов и кандидатов в депутаты. Горрайисполком состоял из 20-25 человек, президиум – из пяти человек [22].

Совет регламентировал хозяйственную и социально-культурную жизнь города в рамках установленных полномочий и осуществлял общее руководство своими подразделениями [36, с. 7].

Эффективность работы Севастопольского горсовета в 1921-1925 гг. определяли общие экономические условия в стране. Отсутствие стабильной финансовой системы, эмиссия совзнака и гиперинфляция не позволяли говорить даже о краткосрочном планировании [11].

В рассматриваемый период городское хозяйство являлось убыточным. Во-первых, арендная плата со сдачи промышленных предприятий, торговых помещений и жилых домов не поступала в полном объеме. Причиной тому служили высокие налоги на частный капитал, обнищание населения ввиду

прошедшей войны и голода, наконец, отсутствие учета строений (был произведен только в 1923 г.) [13].

Во-вторых, плата за коммунальные услуги тоже поступала не систематически, хотя и составляла большую часть доходов местного бюджета. Среди должников числились государственные учреждения (прежде всего, Морвед и Военвед), кооперативные организации и частные лица [30]. Налоговые поступления, введенные в 1921 г., также не являлись стабильным источником доходов [14].

Помимо объективных поствоенных экономических сложностей, общую обстановку в городе определял голод, продлившийся с конца 1921 г. по 1923 г. Снабжение советских служащих зависело от наличия тех или иных продуктов на складах и чаще всего значительно отставало от нормы. В некоторых случаях (например, в отделе труда) служащие по несколько месяцев не получали никакого снабжения [5]. Норма ежемесячного пайка была следующей: 22,5 фунта муки, 4 фунта мяса–рыбы, 0,5 фунта жиров, 20 фунтов овощей, 1 фунт соли, 0,5 фунта мыла, 0,25 фунта кофе и 2 коробки спичек [19].

Вышеназванные условия блокировали многие начинания городского Совета. К тому же часто решения согласовывались (или принимались) с городским отделением РКП (б). Основную роль стали играть исполком и президиум Совета, где сосредотачивался центр принятия решений. Пленумы горсовета и его секций, несмотря на попытки оживить их работу в 1924 г., не стали активно действующими подразделениями [28]. Совет исполнял важную функцию по популяризации новой власти среди местного населения, но не стал подлинным органом народного управления. Причина этому – уже сформированная в годы военного коммунизма модель государственного управления, когда власть была сконцентрирована в руках Коммунистической партии и ревкома.

Кроме того, в условиях недостатка опытных управленцев, необходимости сосредоточить все силы на быстром восстановлении хозяйства, было невозможно реализовать не только идею активного участия населения в управлении, но и обеспечить эффективную деятельность депутатского корпуса.

Основные посты в Совете закреплялись за выходцами из рабоче-крестьянской среды, прежде всего, коммунистами. К концу Гражданской войны в Севастополе (как и в целом на полуострове) сосредоточилось значительное количество представителей бывших привилегированных сословий: дворянства и буржуазии. Что примечательно, в период действия ревкома руководящие должности занимали именно старые управленческие кадры, у которых был опыт государственной работы. В то время как численность местной ячейки РКП (б) насчитывала всего несколько сотен человек на весь полуостров. Но уже в первые месяцы их количество стало стремительно возрастать: к марту 1921 г. в партии состояли 1,8 тыс. человек. К этому времени началось обновление государственного аппарата. Например, в конце 1920 г. аппарат РКП состоял из кадров госконтроля царских времен, но уже в январе 1921 г. многие из них были арестованы [20].

В дальнейшем существующее избирательное право позволяло регулировать количество мест в Совете, занимаемых выходцами из того или иного социального слоя. Во-первых, активного и пассивного избирательного права были лишены лица, которые жили на «нетрудовые доходы» и использовали наемный труд (как правило, 1,5-2% от общего числа избирателей). Их называли «лишенцами». Во-вторых, проводилось открытое голосование по заранее сформированным партией спискам, что также способствовало продвижению нужных кандидатов. Наконец, свою роль сыграли многоступенчатые выборы и применение нормы представительства, где преимущество отдавалось рабочему классу, состоявшему в профсоюзах. Так, пролетариат (члены профсоюзов) и военные избирали 1 делегата от 200-250 человек (позднее – 1 от 150), а неорганизованное население – уже 1 на 400 человек [17].

Такая политика отразилась на социальном составе Совета, большая часть мест в котором в 1921-1925 гг. принадлежала именно рабочим (около 45%). Однако во многих случаях отношение к рабочему классу было косвенное. Нередко депутаты являлись лишь выходцами из рабочей среды, посвятив свою профессиональную жизнь либо военной сфере, либо советской службе. В дальнейшем их стали более активно причислять к служащим, так что доля последних в Совете стала увеличиваться: в 1923-1924 гг. их насчитывалось 46 человек (вместе с интеллигенцией) [33], а в 1924-1925 гг. – 41 человек (интеллигенцию уже считали отдельно – всего 10 человек) [16].

Средний возраст депутата горсовета – 25 лет (65% от общего состава), руководителя – 35 лет [16]. Власть делала ставку на относительно молодые кадры, детство и юношеские годы которых пришлись на революционное время начала XX века. Однако ставка на молодые кадры и рабочих, как правило, означала, что большая часть депутатов имела низкий образовательный уровень. Опыт работы в советских органах в период Гражданской войны и первые мирные годы далеко не во всех случаях мог восполнить этот пробел. Ведь необходимо было, не имея ясных ориентиров, грамотно воплощать постановления центра и в то же время импровизировать в нестандартных ситуациях.

Доля депутатов с низшим образованием была существенной – до 60% [23]. Большинство закончили только церковно-приходскую школу, где изучались письмо, арифметика и Закон Божий. Высшее образование получили 3-4% депутатов, среднее – 11% [16]. Это стало одной из причин малоэффективной работы пленумов городского Совета в 1920-е годы и концентрации власти в его исполкоме и президиуме.

Чтобы подготовить новые кадры для работы в Совете действовала целая сеть просветительных пунктов: кружки и школы политграмоты, где могли обучаться и беспартийные. В городе были открыты дневная и вечерняя школы политграмоты, а в 1923 г. открылась советская партийная школа повышенного типа (совпартшкола), куда направлялись члены и кандидаты РКП (б), составлявшие костяк советских служащих. Одновременно здесь обучалось до ста человек. В школу набирали в основном рабочих и крестьян с низшим образованием, которые в том числе становились депутатами Совета [33].

Вплоть до 1924 г. в местном Совете преобладали коммунисты, на которых работал агитационно-пропагандистский аппарат Республики и которые активно выдвигались кандидатами в депутаты. Но с 1924 г. явка на избирательные участки упала до 25%, что являлось маркером недоверия или безразличия населения к выборам [32]. Среди причин можно назвать разочарование в лозунгах партии, которая не смогла сразу выполнить свои обещания, обеспечить минимальный прожиточный минимум севастопольца, уравнивать доходы различных слоев населения. Таким образом, отношение горожан к партии в основном определялось текущей экономической ситуацией. Относительно высокая явка на выборы наблюдалась только среди представителей армии и флота, а также членов профсоюзов, где была налажена подготовительная работа партийных органов [23].

В этой связи в 1924 г. центром была инициирована кампания по оживлению Советов. Один из ее элементов – продвижение беспартийных кандидатов в депутаты. Они стали компромиссной силой между новой властью и населением, которому таким образом обещалось полноценное представительство его интересов в Совете. В 1924-1925 гг. их численность увеличилась с 17% до 27 % [16]. При этом члены исполкома и президиума, которые руководили работой Совета, продолжали избираться исключительно из членов РКП (б) [8]. Также к 1925 г. снизилось число «лишенцев». В результате к концу рассматриваемого периода избирательная система внешне стала более гибкой, что должно было привлечь избирателей. Но при этом одновременно исчез даже ограниченный партийный плюрализм. Так, 27 мая 1924 г. свое существование прекратила Севастопольская организация меньшевиков [30].

В рамках национальной политики, проводимой большевиками, в горсовете Севастополя большую поддержку получила «татаризация» аппарата. Для крымских татар резервировался целый ряд должностей, по мере подготовки кадров (например, заведующий земельным отделом исполкома). Уклон в эту сторону объяснялся активной борьбой части крымско-татарского народа за свою независимость в период Гражданской войны. Тем более что 60% жителей Севастопольского района составляли крымские татары. Поэтому установление контакта с ними являлось залогом успешной деятельности советской власти в дальнейшем [12]. Но прежде чем выдвигать их представителей на советские должности, необходимо было подтянуть общий образовательный уровень. Дело в том, что большинство татар Севастопольского района являлись малограмотными. Многие из них заканчивали медресе – начальную мусульманскую школу при мечети, что не предполагало знание русского языка. А в Севастополе катастрофически не хватало кадров, которые бы знали татарский язык и могли проводить просветительную работу среди татар в духе новой, партийно-классовой линии. В связи с этим специальные курсы подготовки проходили лишь единицы среди крымских татар (заканчивали их далеко не все). Однако определенных результатов к 1925 г. удалось достичь: доля представителей крымско-татарского народа в Совете выросла с 3-5% до 13 % (хотя к татарам причисляли казанских татар и даже подданных Турции), а заведующими земельным отделом стали татары М. Абдула и С. Я. Умеров [9].

Если характеризовать Совет по национальному составу, то большинство мест оставалось за представителями русского народа (60-80 %). Далее шли евреи, латыши, поляки, греки и другие, что в целом пропорционально отражало численность той или иной нации в Севастополе [16].

Как указывалось, ранее, ключевую роль в Совете играли исполком и его президиум. Их члены имели более привилегированное положение по отношению к рядовым депутатам, служащим и рабочим. В это время происходило формирование советской политической элиты [24]. Поначалу разница в экономическом положении выражалась в основном в размере пайкового довольствия и доступе к распределению конфискованного имущества. Когда финансовая система страны стабилизировалась, важность стала приобретать и разница в денежной части зарплаты, хотя разрыв не являлся столь ощутимым

В 1921-1922 гг. зарплата начислялась в совзнаках, но выдавалась пайками в соответствии с ее размером. Так, в декабре 1921 г. средний заработок составлял 100 тыс. рублей, а заведующий подотделом получал 375 тыс. рублей [3]. Но в период неустойчивой финансовой системы эта разница не играла большой роли. Зарботной платы не хватало даже на приобретение необходимых продуктов питания. К примеру, фунт белого хлеба в конце 1921 г. – начале 1922 г. стоил от 28 тыс. до 100 тыс. рублей [2].

В 1923 г. заведующий подотделом получал 823 рублей, квалифицированный специалист по городу – 500 рублей [7]. Если перевести заработок в стоимость продуктов питания на рынке, то он все еще не покрывал всех потребностей (особенно если на иждивении служащего находилась его семья). Так, пуд пшеницы стоил 80-100 рублей, фунт мяса 20-30 рублей, пуд картофеля – до 100 рублей [26]. Здесь надо отметить, что по целому ряду причин продукты в Севастополе стоили на 70-80% дороже, чем в близлежащих областях Украины, и на 20-30% дороже, чем в целом по Крыму. Основная причина заключалась в том, что Севастополь являлся конечной станцией железной дороги. К тому же именно он в этот период стал базой для продовольственного снабжения санаториев Южного берега Крыма [31, с. 4].

После 1924 г. средний месячный оклад квалифицированного работника составлял 40-60 рублей [34], неквалифицированной рабочей силы – от 19 до 30 рублей. Заведующий секцией Совета получал от 130 рублей [18]. На эту зарплату уже можно было приобрести не только продукты питания, но и предметы обихода. В 1925 г. фунт мяса стоил 30 копеек. Цена на муку зависела от времени года: от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за пуд [35].

Из-за такого положения на протяжении 1921-1925 гг. основным маркером «благополучия» стал доступ к дефицитным товарам. В 1921-1922 гг. депутаты добивались распределения пайков в свою пользу. Некоторым даже удавалось получать паек для членов своей семьи [4]. К такому привилегированному распределению добавлялись общие для всех членов профсоюзов льготы, вроде сниженных тарифов на оплату коммунальных услуг и общественного транспорта.

Члены исполкома селились в основном в центральной части города [15]. В первой половине 1920-х гг. разница между обустроенностью центра и окраин была огромной. На окраинах в большинстве случаев не было уличного освещения, водопровода, канализации и мощенных улиц.

Помимо этого, по декрету СНК РСФСР от 7 октября 1921 г. [10], должностные лица могли пользоваться фондами жилищных органов, которые формировались из конфискованных предметов обихода. Ими можно было обставлять служебную квартиру, а в это время многие жители города ютились в маленьких (на человека в среднем приходилось по 4-7 кв. м.), плохо обставленных комнатах (иногда без окон и мебели) [22]. К примеру, председателю президиума Прокофьеву в 1923 г. выделили два мягких дивана, две железные кровати, четыре малых столика, туалетный столик, большой ковер, посуду и т.д. Секретарь исполкома Лучин получил мягкий диван, две железные кровати, два ковра, два мягких кресла, дубовый стол и др. [21].

Как результат, в 1923 г. была дана следующая характеристика членам Севастопольской организации РКП (б), куда входили и члены исполкома: они *«обзаводятся граммофоном, канарейкой, заводят кумовство с мелкой буржуазией, приобретают серьги, кольца. Попадая под влияние мещанства, некоторые члены партии теряют твердость коммунистических убеждений»* [27]. Регулярные партийные чистки не смогли полностью искоренить эту тенденцию.

Попадая на высокую должность, ряд руководителей стали использовать, а иногда и открыто злоупотреблять своим служебным положением. Больше всего нарушений было зафиксировано в 1921-1922 годах. Среди прочего, на это повлияла неустойчивость государственного аппарата и всей системы в целом, что отразилось на качестве кадрового состава. В Совет нередко попадали случайные люди, которые стремились к быстрому обогащению в период политической неопределенности. Стоит привести лишь несколько случаев. Так, в 1921 г. заведующий отделом собеса Паршинцев был обвинен в растрате и краже государственного имущества. Он присваивал себе казенные вещи, не заботясь о снабжении своих подопечных [6]. Заведующий комхозом в 1922 г. Лунин делал ремонт своей квартиры, состоявшей из 4 комнат, за счет средств отдела, потратив на него сотню миллионов рублей. В этом ему помогал завхоз Шведов [2].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что Севастопольский Совет в 1921-1925 гг., как и во многих других городах страны, проводил первые преобразования в условиях глубокого экономического кризиса, хозяйственной разрухи, голода и обнищания населения. В финансовом отношении город зависел от поступлений из центра, так как местные источники доходов в таких условиях не являлись надежными. Требовалось оперативное решение многих вопросов. Поэтому именно исполком, а точнее, его президиум, стал ключевой фигурой в местных органах власти.

Что касается депутатского корпуса, то здесь наблюдалось несколько тенденций. Так, была заложена программа подготовки новых кадров из недавних рабочих, имевших только низшее образование. В Севастополе как части Крымской АССР проводилась политика выдвижения национальных кадров на ответственные должности (прежде всего, из крымских татар).

Наконец, стали оформляться привилегии руководящего состава Совета в рамках новой системы. Они получали доступ к дефицитным товарам, «усиленному» пайковому довольствию, распределению в свою пользу жилищного фонда. Уже с первых лет были зафиксированы злоупотребления своим служебным положением, с которыми старались бороться, однако это не повлияло на общую тенденцию увеличения разрыва между членами Совета (прежде всего исполкома) и остальным населением.

Список литературы

1. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. Р-538. Оп. 1. Д. 313. Л. 17.
2. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 5. Д. 11. Л. 28, 44, 81, 211.
3. ГКУ АГС (Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»). Ф. Р-45. Оп. 7. Д. 2. Л. 19, 21, 28-29.
4. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 8. Л. 10, 18.
5. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 23, 32.
6. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 33. Л. 18.
7. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 97. Л. 73.
8. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.
9. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 136. Л. 19, 21, 32.
10. ГКУ АГС. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 15. Л. 36.
11. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 137. Л. 459.
12. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 159. Л. 1-2.
13. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 172. Л. 22.
14. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 195. Л. 42.
15. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 198. Л. 230.
16. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 252. Л. 43.
17. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 254. Л. 9.
18. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 414. Л. 54, 88-89.
19. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 30. Л. 2.
20. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 33. Л. 19.
21. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 5. Д. 5. Л. 1.
22. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 5. Л. 28, 33.
23. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 6. Л. 78, 97.
24. Ильюхов А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. / А. Ильюхов. – М.: Росспэн, 2010. – 415 с.
25. Колонтаев К. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму и Севастополе, и образование Крымской АССР в ноябре 1920 – в 1921 году / К. Колонтаев. Симферополь, 2008.
26. Маяк Коммуны. – 1923. – 8 августа.
27. Маяк Коммуны. – 1923. – 14 октября.
28. Маяк Коммуны. – 1924. – 10 января.
29. Маяк Коммуны. – 1924. – 1 февраля.
30. Маяк Коммуны. – 1924. – 29 мая.
31. Маяк Коммуны. – 1924. – 2 июля.
32. Маяк Коммуны. – 1924. – 5 октября.
33. Маяк Коммуны. – 1924. – 30 ноября.
34. Маяк Коммуны. – 1925. – 16 мая.
35. Маяк Коммуны. – 1925. – 17 сентября.
36. Положения о волисполкомах и сельсоветах и инструкции по их применению. – Оренбург: издание организационного отдела Оренбургского Губисполкома, 1925.
37. Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1968. – 240 с.
38. Филиппов Б.А. Путеводитель по истории России. 1917-1991 / Б.А. Филиппов. – М.: издательство ПСТГУ, 2010. – 688 с.

Статья поступила в редакцию 11.05.2017

Iurchenko V. S. Deputies of Sevastopol city council in 1921-1925

The article deals with the deputies of Sevastopol city council in 1921-1925: its social, national, party composition and level of education, and its change depending on the policy of Central Committee of the RCP (b). Also the paper reveals a problem of privileges of deputies who were the members of executive committee and presidium of the council in comparison with ordinary deputies and other strata of urban population because those subdivisions began to play a crucial role in local authorities.

Key words: Sevastopol, 1920s, city council, deputies.

УДК 355.48

Статья посвящена концепции «Москва – Третий Рим» и её выражению в политике России в странах Черноморско-Средиземноморского региона. Утверждается, что чертой империи является её стремление обеспечить порядок не только на своей территории, но также и в тех странах, которые граничат с ней или близки ей по духовной культуре. Россия, как государство-империя, стремилась защитить народы Черноморско-Средиземноморского региона, как духовно братские, за которых несла мессианскую ответственность.

Ключевые слова: мессианство, Христианство, империя, ответственность.

А. Л. Панищев, доцент, канд. филос. наук

Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП.

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В СТРАНАХ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА

В последние десятилетия общественные круги при характеристике Христианства главным образом ориентируются на категории *милосердия* и *всепрощения*. Разумеется, в христианской жизни эти понятия занимают важное место, однако не следует забывать и о других категориях данной религии. Конечно, такой подход не является в чём-то новым. Ещё публицист XVIII века Н. Н. Новиков, ведя переписку с журналом «Всякая всячина» и обличая очевидные пороки императорского двора, столкнулся с тем, что его самого обвинили в излишнем морализме, призывали к неосуждению, умению прощать и т.п. В XXI веке аналогичное положение дел также не является столь уж редким явлением. Большая часть общественности полагает то, что милость Божья может ужиться с откровенной аморальностью и беспринципностью, при этом социум не желает вспоминать о понятиях гнева Божьего и, тем паче, справедливого наказания. Нередко можно услышать и о непотворении злу насилием как о христианской идее, по сути дела прикрывая данной установкой любые беззакония, совершаемые против христианства и христиан.

Необходимо констатировать то, что после крушения СССР в мире, в настоящее время, развёрнута полномасштабная антихристианская кампания, частью которой является и целенаправленное массовое растление населения христианских стран, а во многих случаях – его физическое истребление. Так, оно было проведено в 1990-х годах на Балканах; а в последнее время под удобной ширмой «арабской весны» – в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Уместно ожидать очередной войны против христиан в Эфиопии, которая уже в сегодняшние дни находится в опасном положении. Геноцид против христиан в Эфиопии отсрочен распадом Сомали, войной в Судане и появлением нового государства – Южный Судан, на землях которого войны не прекращаются. К тому же, в данном регионе межрелигиозные противоречия обостряются огромными проблемами с обеспечением населения питьевой водой. На фоне жестоких войн против Христианства происходит попытка подмены категорий *смиреномудрия* и *кротости* понятиями *человекоугодничества* и *раболепия*; при этом такого рода софизмы прикрываются елейными рассуждениями о всепрощении, смирении и милосердии. Между тем Христианство делает акцент не на физическом, а на духовном выживании людей, признавая правомерность войны ради защиты категорий, в аксиологической иерархии имеющих особо высокое положение, а именно: честь и достоинство человека.

Существенное место в развитии национального сознания русского народа занимает идея мессианства, опиравшаяся на концепцию, предложенную в XV веке дьяком Филофеем: «Москва – третий Рим» (при этом Московское государство неофициально называлось *Вторым Израилем*). Основная идея данной концепции состоит в постулировании духовной ответственности православных людей за всё человечество. Здесь речь не шла о том, что русские люди кого-то силой приведут к православию, как раз наоборот – предполагалось, что примером своего благочестия и любви к Богу русский народ образует такую духовную среду, в которой будет высокой вероятностью духовного спасения всех остальных народов, причём не обязательно православных. Так же как Господь может

помиловать город, если в нём наберётся 10 праведников, так и всё человечество Бог помилует, если в нём будет хотя бы один народ, любящий Бога. Через человека, как единственного разумного существа на земле, мир либо молится, либо богохульствует; так и через православный народ человечество идёт либо ко спасению, либо к гибели. В этом отношении уместно вспомнить слова В. С. Соловьёва, который уже в конце XIX века справедливо писал: «Спасаящийся спасётся. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [4, с.556].

В системе международных отношений идея мессианства русского народа занимала значительное место. Если обратиться к регулированию межнациональных отношений в русском праве, то примечательным является то, что в нём было чёткое осознание ответственности за сохранение мира не только внутри страны, но и на территориях сопредельных государств. Так, Григорий Катошихин, характеризуя правовое устройство и законодательство России XVII века, подробно описывает правила оформления документов для отношения с разными государствами. Причём отдельно отмечается то, что некоторые детали оформления связаны с желанием не спровоцировать более сильные государства (в случае с описанием Катошихиным деловых бумаг речь идёт о таких странах, как Персия или Османская империя) на агрессию против заведомо слабых стран, таких как, например, Грузия. В последующее столетие, когда Россия окрепла, Грузия, согласно Георгиевскому договору 1783 года, «на вечные времена» добровольно вошла в состав России.

Собственно говоря, идея мессианства во многом послужила предпосылкой к формированию имперского сознания в России. Важно учесть следующее: утверждению концепции Филофея способствовало то, что в 1448 году митрополит Руси Иона был избран русскими епископами, а не назначен константинопольским патриархом. Действительно, основанием для складывания империи в России стало православие, поскольку слово *русский* определялось не столько национальной принадлежностью и используемым языком, сколько православным вероисповеданием. Именно православие, обращённое ко всему человечеству, независимое от национальных и расовых отличий людей, дало основу для формирования и развития российского многонационального государства. Более того, твёрдое следование христианским нормам позволило православным людям строить свои отношения с представителями иных конфессий на основе взаимного уважения, что подтверждает то, что с культурой может сосуществовать только культура.

Таким образом, Христианство стало важной составляющей в развитии России как империи. Говоря о категории «империя», необходимо отметить разночтение данного понятия. После Октябрьской революции 1917 года термин «империя» стал ассоциироваться с жестокостью государственной власти, способной всё контролировать. Первую мировую войну в советской историографии нередко называли *империалистической*. Разумеется, существует граница между понятиями *империя* и *империализм*, но в массовом сознании она размывается, поэтому война, всегда сопряжённая с народным горем, названная *империалистической*, не добавляла народного уважения к категории *империя*. Тем более нельзя забывать о том, что Первая мировая война стала существенным условием для свержения царской власти в России и для поражения Отечества от той коалиции (Тройственного союза), которая сама войну проиграла. В США также имело место отрицательное восприятие империи, а употребление понятия «империя» считалось предосудительным. Нередко это понятие использовали «как критический эпитет Советского Союза» [3, с.170]. Негативное отношение к империи по-прежнему сохраняется, а степень критицизма усиливается в отношении империи посредством феноменов шоу-бизнеса и индустрии развлечений. Например, в широко разрекламированных фильмах из серий «Звёздные войны» категория «империя» отождествляется с тёмной силой и имеет однозначно негативные коннотации. Тем не менее, в последнее десятилетие уже наметились тенденции к пересмотру понятия «империя». Её аксиологическое значение не является константным и детерминировано социально-политическими тенденциями, во многом зависимыми от силы институтов государственной власти. В данной работе мы рассмотрим значение идеологии в жизни империи, её аксиологическое осмысление в национальном сознании.

Само понятие «империя» может осмысливаться в нескольких, обычно взаимосвязанных, значениях, первое из которых назовём полиэтничностью и мультикультурализмом страны, на территории которой существует государство-империя. В этом смысле слова Россия как империя сложилась гораздо раньше Нештатского мира (1721 год), тем более уже в 1638 году экспедиция Ивана Москвитина вышла к берегам Тихого океана (Охотского моря). Иначе говоря, уже к середине XVII столетия Россия простиралась от границ с Польшей (Речью Посполитой) на западе до Тихоокеанского побережья на востоке, беря под надёжную защиту, или, как говорилось в те времена, под высокую десницу русского Царя все народы, жившие на столь обширных землях. Каждый из этих народов, несущий свою самобытную культуру, свой язык, находил себе место в России и, как правило,

интеграция этносов в Русском государстве проходила мирно, на основе духовной культуры титульной нации. Это вовсе не означало отказа Русского государства от применения военной силы, но она использовалась лишь в случаях острой необходимости, при отсутствии альтернативного пути решения текущих проблем.

Другой подход к пониманию сущности империи ориентирован не только на внутреннее устройство государства, но также и на его значение в сопредельных странах. Такой подход нашёл отражение в работах берлинского профессора Герфрида Мюнклера. Учёный пишет: «Империи... полагают себя создателями и гарантами порядка, зависящего исключительно от них самих... Страшащаяся хаоса империя видит себя в роли защитника порядка, носителя добра, борющегося со злом. В этом состоит имперская миссия, которая позволяет империи легитимировать свои действия» [3, с.15]. В данном случае государство-империя характеризуется способностью решать геополитические противоречия и обеспечивать правовой порядок на территориях, выходящих за пределы самого государства-империи. Стало быть, политические и имперские границы могут не совпадать. При этом в исключительных случаях империя вмешивается во внутренние дела контролируемых ею государств ради сохранения мира и спокойствия в регионе в целом. Так, западные границы Советского Союза как государства ограничивались Норвегией, Финляндией, Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией. Однако как империя Советский Союз на западе простирался до границ Норвегии, Финляндии, ФРГ, Австрии, Италии. Когда в 1956 году в Венгрии сохранившиеся профашистские силы, поддерживаемые силами стран НАТО, попытались осуществить государственный переворот и спровоцировать ввод войск НАТО на территорию Венгрии, то войска Варшавского договора под эгидой Советского Союза вошли в Венгрию, предотвратили в ней гражданскую войну и восстановили правовой порядок [1, с.24]. Благодаря своевременным действиям СССР, были спасены сотни тысяч человеческих жизней в Венгрии и ликвидирована угроза начала крупной войны между силами СССР и США. Это один из ярких примеров обеспечения правопорядка силами империи на территории сопредельной страны. Таким образом, первой функцией *государства-империи* можно выделить *обеспечение стабильного развития и мирной жизни*.

С XVIII века Россия как империя стремилась обеспечить правовой порядок в Средиземноморье и в балканских странах. Примечательно, что Россия не пыталась включить такие страны, как Болгария, Греция, в свой состав, расширить свои владения за счёт их принятия в свои государственные границы. Однако Россия претендовала на то, чтобы иметь среди балканских народов влияние, суть которого сводилась в защите христианского населения и обеспечении правопорядка. Таким образом, Россия, не расширяя свои государственные границы, стремилась расширить имперские границы, включая в орбиту своего влияния балканские страны, находящиеся под крайне жестоким игом Османской империи.

Надо признать то, что к началу XVIII века Османская империя была уже явно слабеющим государством. Первая крупная война между Россией и Турцией произошла с 1676 г. по 1681 г. Она стала частью процесса включения Малороссии в состав России. Стремление османских властей выдворить или уничтожить украинское население, заменив его татарским, лишь подтолкнуло Россию к началу боевых действий. Эта война закончилась с неопределёнными результатами, однако то, что русским войскам удалось остановить экспансию османов против юго-западных земель России, стало важным условием для сохранения украинцев как этноса и последующих побед русского оружия. В русско-турецких войнах 1686-1700 гг. и 1735-1739 гг. Россия закрепила на землях Малороссии, обеспечив защиту её населения от частых набегов турок и татар. Однако лишь со второй половины XVIII столетия Россия начала расширять своё имперское влияние на Балканы. Причины для такого расширения были продиктованы стремлением защитить жизнь и честь христианских народов, которые нередко становились жертвами османской политики. Территории, на которых христианское население отсутствовало, либо находилось в явном численном меньшинстве, не рассматривались Россией в качестве потенциальной сферы своего влияния.

Первая русско-турецкая война, развернувшаяся за свободу и честь балканских народов, произошла с 1768-1774 гг. В ходе этой войны впервые в истории русский Андреевский флаг появился в Средиземном море. Данные события получили название Первая Архипелагская экспедиция. Сам по себе переход русских линейных кораблей с Балтийского моря в Средиземное море является значительным событием, за которым стоит и дипломатические успехи России, и высокий профессионализм служивших в составе русского флота моряков, некоторые из которых были наняты в Дании. Действия этой экспедиции были чрезвычайно активны и насыщены боевыми сражениями, самым известным из которых стало Чесменское. Примечательно, что именно в это время русский флот

впервые появился у берегов Сирии, где при его содействии началось восстание народов против османского ига.

Не менее известна Средиземноморская экспедиция (1798-1800 гг.), под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова, на личности и деятельности которого следует остановиться более подробно. В контексте антихристианских тенденций, заметно усилившихся в последнее время на Ближнем Востоке, особое значение имеет жизнь, деяния людей, прославленных в ликах святых Христианской Церковью. В данной статье будет необходимо обратить особое внимание на такого представителя элиты русской национальной культуры, как Фёдор Фёдорович Ушаков (1745-1817 гг.), который был канонизирован в 2001 году. Причисление Ф. Ф. Ушакова к лику святых, видимо, было связано не только с праведным образом жизни прославленного адмирала, но и с осмыслением ныне покойным Патриархом Алексием II и членами Синода РПЦ надвигающихся серьёзных угроз против Христианства.

Высокие нравственные качества Ф. Ф. Ушакова бесспорны: благородство, милосердие к поверженному противнику, доброта, воспитание подчинённых в духе любви к ближнему – всё это ярко выражено в личности Ф. Ф. Ушакова. Тем не менее, надо признать то, что этими же качествами обладали и многие другие русские полководцы, а также рядовые и офицеры русской армии и флота. В определённом смысле слова Ф. Ф. Ушаков был представителем русской богоносной нации, о которой в своё время писали некоторые иностранные путешественники. Так, архидиакон Антиохийской Церкви Павел Алеппский, бывший в России с 1654 по 1656 гг., описывал русских людей как святых. Он так и писал: «Без сомнения, эти русские – все святые, ибо превосходят своим благочестием даже пустынных отшельников. Богу угодно было сделать этот народ Своим – и он стал Божиим – и все его действия от Духа, а не от плоти...» [2, с. 213]. Для русского народа праведность представлялась нормой повседневной жизни.

Ф. Ф. Ушаков был военным человеком, для которого гибель людей во имя интересов и во славу Отечества была частью действительности. Тем не менее, говоря о заслугах этой выдающейся личности, исследователями и биографами флотоводца подчёркивается то, что адмирал не потерял ни одного корабля (что невозможно объяснить лишь умелой тактикой ведения боя и отличной подготовкой экипажей), а также то, что ни один из его подчинённых не попал в плен. Напомним, что эскадрам Ф. Ф. Ушакова пришлось вести интенсивные боевые действия против стран, религиозные лидеры которых стояли в основном на антихристианских позициях (Турция и Франция). Несмотря на очевидное численное превосходство турецкого военно-морского флота, эскадры Ф. Ф. Ушакова непременно одерживали над ним победы; а средиземноморский поход кораблей Ф. Ф. Ушакова в 1798-1800 гг. был ознаменован крайне сложной военной операцией – организацией штурма крепости на острове Корфу, который оборонял французский гарнизон. Во взятии Корфу принимал активное участие флот, противостоявший артиллерийскому огню сухопутных батарей. Этот удивительный феномен в мировой военной истории блестяще запечатлён в советском фильме «Корабли штурмуют бастионы» (1953 год). Не менее важным было и то, что, помимо высокой воинской доблести, русские воины явили миру пример личного благочестия воинов-защитников не только народов в целом, но и чести отдельно взятых людей.

Значение побед Ф. Ф. Ушакова имело не только существенное государственное значение, но также было чрезвычайно важным для религиозной жизни, духовного спасения народов, которых защищали русские моряки. Попасть в рабство к врагу предполагает, прежде всего, неспособность защитить свою культуру, своё достоинство и честь, честь семьи, что значительно хуже смерти. Жизнь в рабстве, в колониальной зависимости ни в коей мере не совместима с выполнением основных Божьих заповедей, с благочестием и духовным спасением. Нередко народы оказываются в рабстве, когда их образ жизни становится настолько аморальным, что нет оснований говорить о сохранившихся в их среде принципах чести, а, значит, терять таким народам, кроме биологической жизни, нечего. Освобождение от вражеского плена всегда связывалось с духовным возрождением нации, с её коллективным покаянием, наконец, с появлением личности, которая становится знаменем защиты душ людей от зла. Именно таким человеком явился для христианских народов, в частности балканских, Фёдор Фёдорович Ушаков.

В течение XIX века Россия провела несколько войн с Османской империей за освобождение христианских народов Балканского полуострова. В этих войнах Россия проявляла себя как империя, то есть как государство, стремившееся обеспечить правопорядок на территориях, выходящих за пределы своих государственных границ. После революционных событий 1917 года, последующих гражданской войны, интервенции, Россия не имела заметного влияния в геополитике, однако в 1930-х годах она частично восстановила свои возможности и, следовательно, способность отстаивать внешнеполитические интересы. После окончания Второй мировой войны Советская Россия как

сверхдержава заняла существенное место в жизни стран Ближнего Востока. Примечательно, что Израиль как государство был воссоздан при прямом участии СССР. После того, как США спровоцировал начало холодной войны, Ближний Восток был поделён на сферы влияния, однако должный правопорядок в нём соблюдался лишь периодически и фрагментарно.

В начале XXI века Россия, будучи исторической правопреемницей дореволюционной России и СССР, стремится урегулировать ближневосточные вооружённые конфликты, подогреваемые межэтническими и межрелигиозными противоречиями, а также борьбой народов за водные ресурсы. С сентября 2015 года вооружённые силы России оказывают поддержку легитимному режиму в Сирии, тем самым стремясь восстановить правопорядок в этой стране и защитить её мирное население. Участие России в вооружённом конфликте в Сирии указывает на то, что русский народ сохранил чувство мессианской ответственности в деле защиты свободы и чести народов мира.

Список литературы

1. Братенков, Б. Г. Венгерские события 1956 года / Б. Г. Братенков // Военно-исторический журнал. - 2008. - № 3. – С. 22-25.
2. Лебедев, Л. Москва Патриаршая / Л. Лебедев. - М.: Вече. - 1995. – 373 с.
3. Мюнклер, Г. Империя. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. / Г. Мюнклер. – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.
4. Соловьёв, В. С. Тайна прогресса // Сочинения в 2 т. Т. 2 / В.С. Соловьёв. - М.: Мысль, 1988. – С. 556-557.

Статья поступила в редакцию 22.06.2017

Panischev, A. L. The conception of "Moscow – the third Rome" in Russia's policy in the Black Sea – Mediterranean region

This article is devoted to the concept of “Moscow – Third Rome” and its display in the Russian political in the region of the Black sea and the Mediterranean Sea. In the paper notes, that feature of state-imperia is his intention to provide to order on the ground of country, which have similar sole traditions. Russian, as the state-imperia, had aim of order defense to the orthodoxy people of region of the Black sea and the Mediterranean Sea.

Key words: messianism, Orthodoxy, imperia, responsibility.

УДК 327.5

В статье рассматривается период социальных брожений в России начала XX века, анализируются их причины и даются характеристики событиям 1905-1907 гг. и 1917 г. Автор акцентирует внимание на необходимости различать социальное восстание 1905-1907 гг., государственный переворот февраля-марта 1917 г. и революцию октября 1917 г. Отмеченные явления российской истории исследуются в контексте и сквозь призму культурно-цивилизационного развития и цивилизационного выбора России.

Ключевые слова: Россия, социокультурное пространство, цивилизация, революция, социальное восстание, государственный переворот, социально-политические реформы

А. С. Филатов, доцент, канд. филос. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,

E-mail: asfilatov58@gmail.com

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТУПИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАСПУТЬЯ РОССИИ

Согласно достаточно распространённой точке зрения среди историков, причём не только коммунистической ориентации, в начале XX в. Россию сотрясли несколько революций – так называемая Первая русская революция 1905-1907 гг., Февральская буржуазная революция 1917 г. и Октябрьская коммунистическая революция 1917 г. Не ставя перед собой задачу проанализировать и дать оценку различным историографическим подходам к обозначенной проблеме, хотелось бы обратить внимание на то, что отмеченные события, обозначаемые как революции, имели не только формально-процедурные и процессуально-содержательные отличия, но и существенно различались по результатам. А в данном случае, как и во многих других, не декларации, а достигнутое состояние позволяет давать обоснованное определение. Также следует отметить, что само понятие революции (социальной и политической) означает принципиальное изменение социально-экономического устройства и политико-государственного строя в стране. А отнюдь не реформирование и не провозглашённую установку на изменения, даже если она сопровождается персональной сменой аппарата государственного управления с временным его обозначением.

События 1905-1907 гг. корректнее было бы определять, как Восстание, включившее в себя ряд политических выступлений, экономических забастовок, акций гражданского неповиновения, характерных для центральных промышленных, западных и южных земель страны, имеющих разную мотивацию и не связанных организационно, но с общим фактором – социально-экономическим кризисом и проблемами политико-государственного устройства. Под влиянием Восстания или восстаний первого периода в 1905 г., Императором были произведены существенные государственные и политические, социальные и экономические реформы. Хотелось бы обратить внимание, что все три манифеста, принятые Николаем II – Высочайший Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 г., Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. и Высочайший Манифест «О преобразовании Государственного совета» от 20 февраля 1906 г. – были направлены на обустройство и упорядочивание социокультурного пространства, т.е. имели цивилизационную направленность. Потому Всероссийское Восстание 1905-1907 гг., равно как и социально-политические потрясения 1917 г., следует рассматривать в контексте цивилизационного выбора России, проблема которого была обозначена ещё в XIX веке в знаменитом споре славянофилов и западников и выражена в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». При этом необходимо особо подчеркнуть, что к началу XX в., и даже ранее, к середине XIX ст., возникает потребность в поиске новой цивилизационной модели для развития страны. С эпохи Петра Великого Россия обустроивала своё социокультурное пространство с использованием имплантируемых из Европы цивилизационных стандартов и механизмов, которые спустя полтора-два столетия уже не соответствовали требованиям социального развития. Именно исчерпаемость европейской цивилизационной модели в российских условиях побуждала к реформированию, которое должно было двигаться в сторону замещения иноцивилизационных ориентиров на собственную русскую / российскую цивилизационную модель, определяемую Н.Я. Данилевским как Славянский культурно-исторический тип. И, надо отметить, что среди реформ Александра Второго 1857-1874 гг. была такая –

Земская, – которая строилась на основе российских социокультурных ценностей и уже российских цивилизационных стандартов, когда механизмы земского самоуправления и земских учреждений не имплантировались из Европейской цивилизации, а образовывались исходя из отечественной традиции социального управления. В этом реформировании 1864 г. явно обозначается и связь с преобразованиями местного управления Ивана Грозного. Однако, то были, к сожалению, скорее частные эпизоды, нежели признаки комплексного российского цивилизационного проекта.

Существенные изменения государственного устройства и социального управления, произведённые Императором в 1905-1906 гг., заложили основания для проведения требуемых преобразований, к реализации которых приступило правительство П. А. Столыпина. В силу того, что Столыпинские преобразования не были завершены, нет целесообразности рассматривать их соответствие или несоответствие российским культурно-цивилизационным ценностям. Хотя, есть возможность говорить, что идейное обоснование и ясный идеологический фундамент, выстраивающие новый, такой потребный, образ будущего для России, у преобразований П. А. Столыпина отсутствовали. Но, при этом следует отметить, что идея и идеология, выводящие на цивилизационное своеобразие России, могли возникнуть и сложиться при условии продолжения и успешного завершения Столыпинских преобразований. Более того, с достаточной уверенностью (имея результаты последующего послереволюционного развития России в форме СССР) можно говорить о том, что при любых раскладах – привели бы преобразования Столыпина к утверждению намеченного Императором в манифестах 1905-1906 гг. формата обустройства общества и государства, смягчили бы режим государственного управления или, наоборот, усилили бы власть Государя – российское общество избежало бы тех невзгод и потрясений, которые оно пережило в период Гражданской войны 1917-1920 гг., политического произвола большевиков, социального закабаления, сродни крепостничеству, возникшего при осуществлении политики коллективизации и других подобных негоразд.

Сравнивая намеченные преобразования Столыпина и реформы Александра II, можно обнаружить проблемное сходство: Крестьянская реформа 1861 г. коррелируется с земельно-аграрными преобразованиями 1906-1911 гг.; реформы Высшего (1863 г.) и Среднего (1871 г.) образования – с проектами в области народного просвещения 1908 г., предполагающими введение обязательного бесплатного начального образования в возрасте от 8 до 12 лет, создание трёхступенчатой единой системы образования, включающей в себя начальное, среднее и высшее специальное образование; Земская Реформа 1864 г. и реформа Городского самоуправления 1870 г. – с реформами местного управления и земского самоуправления Столыпина; Судебная реформа 1864 г. – с преобразованиями местных судов в 1906-1907 гг. И так по многим позициям. Такие сравнения показывают, прежде всего, что: а) потребность преобразований в российском обществе реально существовала, а не была выдумкой властей предержащих, б) реформы Александра II и П. А. Столыпина касались фундаментальных вопросов социального устройства и государственного управления, в) по этой причине они выходили на проблемы цивилизационного обустройства страны.

Незавершённость или свёртывание социально-государственных преобразований второй половины XIX – начала XX вв. во многом и спровоцировали Вторую русскую смуту, начавшуюся в феврале 1917 г. Но, не меньший урон обществу, оказавшемуся ввергнутым в революционную пучину, нанесло отношение Российского государства к Православной Церкви. Упразднение Патриаршества, фактическое в 1700 г. и формальное в 1721 г., имело сугубо политическую мотивацию, которая уже к началу XIX ст. полностью исчезла. Управление делами Православной Церкви через Духовную коллегию, а потом через Святейший правительствующий синод, для которого Император Всероссийский рассматривался в качестве «крайнего судии», формировало в глазах российской общественности и прежде всего интеллигенции образ служителей Православной Церкви как государственных чиновников, задействованных в духовно-религиозной сфере. Такие искажённые представления о православных священнослужителях в целом, начали проявляться уже в начале XIX в., что, собственно, отразилось в известном произведении А. С. Пушкина «Сказке о попе и о работнике его Балде». К началу XX века отсутствие Патриаршества в Православной Российской Церкви стало ещё более пагубным для всего российского общества. Нельзя не принимать в расчёт, что зачастую люди, занимавшие сугубо чиновничью должность обер-прокурора Синода и подчиняющиеся непосредственно Императору, были далеки от церковных потребностей и даже Православной веры. Естественно, что это приносило большой урон не только Православной Церкви, но православной религиозности российского народа.

Развитие Русской Православной Церкви как самоуправляющейся, фактически начавшееся с 1448 г., когда во главе митрополии, без согласования с Константинополем, был поставлен Православным Собором рязанский епископ Иона, определение особой исторической судьбы Руси с того же времени, как правопреемницы Византийской Империи, Третьего Рима, обеспечило условия для *своеобразного* насыщения Русского Православия глубокими и действенными религиозными идеями.

Русские не просто приняли Православие, они вдохнули в него новую жизненную струю, новые идеи, обогатили религиозное содержание фундаментальными постулатами. Русское Православие, не разрывая христианской традиции, идущей от первых Апостолов, выстроило свои специфические параметры религиозной системы, создало свою принципиальную религиозно-философскую идиологию, в основу которой положены постулаты Нестяжательства (идущие рядом и связанные с Исихазмом), Подвижничества (Старчества) и Соборности.

Одним из наиболее значимых представителей русского Нестяжательства был Нил Сорский (ок. 1433-1508), в миру – Николай Майков, собственно и основавший это учение. Оно фактически и стало русским Исихазмом, обретя черты самобытности и своеобразия. Нестяжательство развивало идеи нравственного самоусовершенствования и проповедовало освобождение человеческого духа от мирских проблем. Как и Исихазм (от греч. *hesychia* – покой, безмолвие, отрешенность) Нестяжательство означает проповедь о пути единения человека с Богом, самососредоточенности индивидуального сознания, в том числе в молитвенном озарении. Таким образом, достигается постижение Бога или Божьего сознания, т. к. индивидуальное сознание является элементом Абсолютного Сознания. Корни Исихазма уходят в раннее Христианство и связаны с Византийской религиозной культурой, потому связанное с ним учение Нестяжательства обозначает преемственность Русского Православия с Византийской религиозной традицией.

Подвижничество или Старчество на первый взгляд можно представить, как учение, вытекающее из Нестяжательства (хотя бы на основании того, что первая община Нестяжателей, основанная Нилом Сорским, получила название «заволжские старцы»). Однако, на самом деле, это не так.

Во-первых, Подвижничество реализует принцип духовного руководства мирской жизнью, а не уход от нее.

Во-вторых, Подвижничество возникает в Русском Православии раньше, чем утверждается Нестяжательство.

В-третьих, Подвижничество в большей степени есть явление чисто русской религиозной культуры.

Подтверждением этому служат имена и деятельность Сергия Радонежского (1321-1390) и Серафима Соровского (1759-1833), в миру – Прохора Мошнина.

С другой стороны, между Нестяжательством и Подвижничеством существует глубокая внутренняя связь. Она заключается в том, что человек, прежде чем приступить к духовному руководству мирской жизнью, должен внутренне очиститься, подготовиться, освободив себя от призрачных житейских хлопот и соблазнов. Поэтому для реализации принципа Подвижничества необходимо должна быть преодолена ступень Нестяжательства.

Принцип Соборности предполагает духовное единение верующих в рамках Церкви. Причем Церковь здесь понимается скорее не как религиозный институт, а как форма единения, в том числе в виде религиозного сооружения, где верующие могут собираться.

Соборность обосновывает духовное равенство всех верующих – и мирян, и церковных служителей. Кстати, в традициях Русского Православия проводить религиозные съезды с равным представительством и равными полномочиями всех категорий верующих.

Русское Православие стало одной из ведущих скреп российского социокультурного пространства, самобытность и особость которого позволяло русскому обществу не растворяться в иноцивилизационных моделях, не становиться в положение репродуктивной цивилизации, всего лишь воспроизводящей другие цивилизационные устои – Византийские или Европейские, а имплантируя стандарты, методы и механизмы иных цивилизационных конструкций всегда достигать собственного своеобразия. Естественно, что для полноценного выполнения своей роли скрепы российского социокультурного пространства, а отсюда и важнейшего фактора его цивилизационного обустройства, Русская Православная Церковь должна быть самодостаточной, быть с государством, как формой цивилизационного выражения в нашем случае, а не структурой этого государства. В такой роли миссия

Патриарха и функция Патриаршества становится определяющей. Лишённая этого Россия много потеряла в 1917 г.

Не в виде исторической аналогии, а как констатация исторического факта, отметим, что введение Патриаршества в России в 1589 г. (хотя оно могло состояться и значительно раньше) стало новым, духовным, импульсом развития и сбережения страны. В Уложенной грамоте об учреждении в России Патриаршего Престола восстанавливается идея Третьего Рима и содержится прямое обращение к Царю Фёдору Ивановичу с призывом выступить охранителем (катехоном) Христианского Мира: «Понежъ убо ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью, Второй же Рим, иже есть Костянтинополь, агаряньскими внуцы – от безбожных турок – обладаем; твое же, о благочестивый царю, Великое Росийское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое во едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуеши во всей вселенней, во всех христьянех» [2]. Нельзя исключать, а скорее следует предполагать, что начавшаяся вскоре после утверждения Патриаршества, в 1590 г., война со Швецией, когда были возвращены многие земли, утраченные по итогам Ливонской войны, именно благодаря этому событию завершилась успешно для России.

Благотворным следствием введения Патриаршества стало сохранение русского народного духа в Смутное время. Именно Патриарх Ермоген (Гермоген), вдохновил Россию на борьбу с иноземной интервенцией и продажным олигархатом (Семибоярщиной). С конца 1610 г., находясь в заключении в Чудовом монастыре под стражей поляков и при пособничестве семибоярцев, Патриарх стал рассылать грамоты по городам и сёлам России с призывом подняться и освободить Москву от захватчиков. Именно грамота Ермогена воодушевила осенью 1611 г. нижегородского мещанина Кузьму Минина, который встал вместе с князем Дмитрием Пожарским во главе Второго Ополчения, освободившего в конце октября 1612 г. Москву и Кремль от польско-литовских агрессоров.

Отмеченные факторы – нерешённые проблемы социального обустройства и государственного устройства, огосударствление религии (не только Православия), связанные с цивилизационным распутием России – ввергли страну в катастрофу 1917 г., которая, казалось бы, стала случайным недоразумением. Действительно, если сравнивать ситуацию на фронте и социальное положение российского народа в феврале 1917 г. с положением СССР в октябре 1941 г., то тяготы испытаний советского народа были неизмеримо больше. Но если в СССР в 1941 г. вопрос цивилизационного выбора был решён, пусть и в такой уродливой форме как коммунистический проект (правда, значительно подправленный в тридцатых годах благодаря устойчивым ценностям русского социокультурного поля), то в 1917 г. российское общество пребывало, фактически, в состоянии цивилизационного безвременья. А любое социальное безвременье создаёт благоприятную среду для разного рода авантюристов и произвола. В этих условиях и произошло под влиянием олигархических и популистских кругов отречение Императора Николая II от российского престола. Вместе с такими популистами-авантюристами как П. Н. Милюков (имевший тесные связи с британским посольством), А. И. Гучков (дрейфовавший в стан разрушителей государственности на основе неприязни к последнему Императору), А. Ф. Керенский, с конца 1916 г. действовала т.н. «Великокняжеская фронда», в которую входили члены императорской фамилии. Некоторые из них пали жертвой большевистского террора, как следствие Октябрьской революции, которой они косвенно способствовали – Великие князья Николай Михайлович (руководитель «фронды», прозванный «Филипп Эгалите»), Павел Александрович (требовавший конституции), Георгий Михайлович. Великий князь Дмитрий Павлович был участником убийства Г. Е. Распутина. Великий князь Кирилл Владимирович ещё до отречения Николая Второго перешёл на сторону Государственной Думы и заявил о поддержке революции. А Великий князь Николай Николаевич, командующий Кавказским фронтом, уже 28 февраля 1917 г., на другой день после захвата власти в Петрограде мятежниками, на встрече с командующим Черноморским флотом адмиралом А. В. Колчаком обозначил свою склонность к поддержке отречения Николая Второго. В то время как А. В. Колчак оставался верен монарху, что чрезвычайно раздражало Николая Николаевича.

События конца февраля – начала марта 1917 г. принято называть революцией. Однако, de-facto прозвучала лишь заявка на революцию, хотя и сопровождавшаяся достаточно радикальными политическими действиями, прежде всего – отречение Императора Николая Второго от престола в Российской Империи и ликвидация имперского устройства государства. Но, произошедшие вследствие восстания в Петрограде рабочих и солдат изменения были временными, как и возникшее Временное

правительство, а окончательную форму государственного устройства должно было определить Учредительное собрание. И не исключалось возвращение к имперской форме правления с монархическим или конституционно-монархическим режимом. Следует отметить, что для общества в целом и большинства политических партий и движений необходимость проведения Учредительного собрания вытекала из состояния «непредреждённости» устройства власти в России, которая после отречения Николая Второго в течение шести месяцев имела неопределённую форму правления и лишь Постановлением Временного правительства 1 сентября 1917 г. была провозглашена Российская республика как временная форма государственного устройства до окончательного определения в этом вопросе именно на Учредительном собрании. Говорить при таких условиях о завершённой, т.е. состоявшейся, революции не представляется возможным. Точнее будет определить события февраля-марта 1917 г. как государственный переворот, в результате которого возникло двоевластие Временного правительства, стремящегося обеспечить легальность трансформации государственной власти через Учредительное собрание, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета), не только претендовавшего на власть во всей России, но и, по сути, отрицавшего, в принципе, какую-либо форму власти, кроме республиканских Советов.

В конце концов, именно противоборство между Временным правительством, с одной стороны, и, с другой стороны, сначала Петросоветом, а затем с июня 1917 г. – Всероссийским Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) спровоцировало безвластие, которое завершилось октябрьским захватом государственной власти большевиками, что привело к действительно революционным изменениям в стране. В этом контексте, февральский государственный переворот стал прелюдией Октябрьской революции, которая не просто обеспечила захват власти у Временного правительства и у Учредительного собрания (разогнав его в январе 1918 г.) в пользу ВЦИК, но и волюнтаристски решила вопрос государственного устройства в форме республики Советов, приступив к формированию нового социального строя на основе новой цивилизационной модели, с новой идеологией.

Оценки Российской Коммунистической революции октября 1917 г. разнятся от крайне восхвалительных до резко отрицательных и уничижительных. Любопытно отметить, что, начиная с годов Гражданской войны и вплоть до недавнего времени, коммунисты говорили о том, что они не только свергли власть помещиков и капиталистов, но и царя. Но, в последние годы представители Компартии РФ подчёркивают, что большевики в октябре 1917 г. свергли Временное правительство, но не царя, что, в принципе, является правдой. Однако, правдой является и то, что именно коммунисты жестоко расправились с Николаем Вторым и его семьёй и со многими другими родственниками последнего Императора России. А это говорит о том, что коммунисты выступили приемниками самых радикальных политических кругов, участвовавших в Февральском государственном перевороте, и именно они насильственно прервали эволюционную трансформацию российской государственности, которая должна была завершиться установлениями, принятыми Учредительным собранием. Мысль не нова, но получается, что в 1917 году победили либералы – умеренные в феврале и крайние в октябре.

С другой стороны, захват власти большевиками и свершённая ими Коммунистическая революция стали реакцией на паралич власти в России, ущербную внутреннюю и внешнюю политику. И в этом смысле возникают условия её неизбежности, что, конечно же, не оправдывает сам факт насильственного захвата власти (включая и разгон Учредительного собрания) и последовавшую Гражданскую войну, спровоцированную этим фактом. При этом ещё более значительная, основная доля ответственности за начавшуюся в 1917 г. Вторую Великую смуту в России лежит на том олигархате, олигархическом окружении Императора, который не смог и не захотел извлечь уроки из Восстания 1905-1907 гг., вредил правительству П. А. Столыпина и, возможно, был причастен к его гибели, расшатывал Империю и власть Императора, не имея никаких проектов будущего, не представляя способов развития страны. Недаром, один из твёрдых российских государственников и монархистов И. Г. Щегловитов, понимавший опасность олигархического правления в ущерб имперской власти и видевший ущербность послестольпинского правительства в конце 1916 г. на одном из заседаний Государственного Совета Российской Империи произнёс, имея в виду состав тогдашнего Совета министров: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя, борются с эпилептиками революции» [1].

Иными словами, не было бы ни Февральского государственного переворота, ни Октябрьской коммунистической революции, если бы в Российской Империи в начале XX в. (хотя бы после

Восстания 1905-1907 гг.) утвердилась охранительная, сдерживающая структура, обязательно под началом императорской власти, типа Опричнины Ивана Грозного, которая смогла бы, как минимум, нейтрализовать давление и влияние разлагающего общества олигархата. Но, ещё более правильным было бы, наряду с образованием охранительного учреждения, осознание и идеологическое оформление своего проекта российского цивилизационного строительства, исходя из учения о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского и с использованием идейных скрепов русской философской мысли. Нерешённость этих злободневных и насущных вопросов до 1917 г., привело к их решению, по сути, в извращённой форме – в виде института большевистских комиссаров и коммунистической цивилизационной модели, как искажённой вариации Европейской цивилизации. Да и сама Коммунистическая революция в октябре 1917 г. стала такой же формой решения нерешённых вопросов.

Очень важно отметить, что достаточно длительное существование, в измерении человеческой жизни, коммунистического режима, утвердившегося в результате Гражданской войны 1917-1920 гг., непосредственно доказывает, что отмеченные вопросы действительно были злободневны и существенны для этого отрезка пути исторического развития России. Таков был выход России из Второго Смутного времени, такое было преодоление очередного цивилизационного распутья российского общества. Не сумев выстроить свою собственную цивилизационную модель и применить её стандарты к обустройству своего социокультурного пространства, российское общество сполна испытало на себе все тяготы чуждых иноцивилизационных регуляторов, особенно в первые два десятилетия коммунистического правления. Стремясь утвердиться в российском социокультурном пространстве, адепты коммунистической модели постарались выбить один из краеугольных камней этого пространства – Русскую Православную Церковь. Борьба коммунистов против Православия, равно как и против других традиционных конфессий России – Ислама, Иудаизма, Буддизма, – показывает процесс иноцивилизационного моделирования в другом, российском, социокультурном пространстве. К месту сказать, что для Европейской цивилизации, природно оппозиционной, а то и враждебной России, её традиционные конфессии и прежде всего Русское Православие всегда были объектами нападков и козней. Но, как и после проевропейских реформ Петра Великого, российское социокультурное поле перемолотило иноцивилизационные стандарты и механизмы, не позволив им разрушить традиционные ценности, смыслы и символы.

Потому падение коммунистического режима в 1991 г. было проявлением очередного цивилизационного кризиса в нашей стране. Коммунистическая цивилизационная модель, её стандарты, механизмы, правила и приёмы обустройства и устройства социального пространства (постоянно изменяющегося и совершенствующегося) исчерпали себя. Это был кризис модели социального управления, вследствие этого кризис общества и государства, но никак не кончина страны – исторической России. Именно этот цивилизационный кризис привёл к распаду СССР и Третьей Великой Смуте, а совсем не падение цен на нефть и другие энергоносители. И даже происки спецслужб США и их пособников с Западной Европы и др., моральное растрясание советского народа разного рода «голосами» и «волнами», подпитываемые тем же Западом диссиденты не стали конечными разрушителями СССР. Да, расшатывали устои. Но, ничего бы не сделали, если бы система социального обустройства, политического устройства и государственного строя не дала бы сбой. Кстати, куда подевались после 1991 г. все те диссиденты, что «шатали» советский строй? Куда-то подевались, но в политике РФ 90-х годов прошлого столетия их заметить не получается. Естественно, я имею в виду реальную политику федерального уровня, а не политические тусовки в актовом зале, скверах и малотиражных изданиях.

С 1991 г. начался период цивилизационного распутья, когда вначале – 90-е годы XX в. – расколовшиеся фрагменты страны (все, без исключения, хотя и в разной степени) попытались применить модернизированные европейские цивилизационные стандарты, а затем – уже в XXI в. – в матричной части страны, в Российской Федерации, стало происходить переосмысление цивилизационной ориентации. Хотя, к сожалению, пока без осознания, на уровне государственного руководства страной и в сфере общественного сознания в целом, своей российской цивилизационной модели.

Как минимум, для имевших место в истории нашей страны состояний цивилизационного распутья – во второй половине XVI – начале XVII столетий, в начале XVIII в., в начале XX в. и в конце XX – начале XXI столетий – характерным является возникновение различных форм олигархического

правления, попытки олигархата управлять страной исходя из своих личных и корпоративных интересов. Примечательно, что наиболее эффективный выход из цивилизационного распутья был совершён Петром Великим с опорой на институт гвардейцев, как системы защиты государства и противовеса олигархату, а также с использованием имплантационной европейской цивилизационной модели. Опричнина Ивана Грозного, безусловно, обуздала боярский олигархат. Но тогда не определились с цивилизационной моделью и даже не подошли к пониманию необходимости таковой, что спровоцировало Великую Смуту начала XVII в., хотя Опричнина и отсрочила её возникновение. В начале XX ст. не было ни сдерживающей олигархат структуры, ни цивилизационного проекта и никакой остановки, возможной для предотвращения Смутного времени не стало. И это самый трагический эпизод цивилизационного распутья России.

Основной урок для нашего времени по событиям 1917 г. видится в том, что цивилизационное распутье рано или поздно приводит к социальной катастрофе, если не решаются две главные задачи в этом состоянии: 1) не образуется эффективная структура для сдерживания и подавления своеволия олигархата и 2) не принимается адекватный сложившимся историческим условиям цивилизационный проект развития страны и государства.

Утрата обществом цивилизационных ориентиров социокультурного развития, состояние цивилизационного распутья (особенно в фазе возникновения и длительности протекания) провоцирует пробуждение племенного мышления, разрушение моральных норм и нравственных ценностей духовно развитого общества, приносит этническую и групповую сегрегацию, что приводит к отторжению не только общенациональных, общедержавных и общесоциальных интересов, но и подавлению личностно-индивидуальных. А это как раз почва для Гражданской войны, которая мало чем отличается от племенных распри в древних и архаичных обществах. Собственно, само современное общество в условиях Гражданской войны становится архаичным, где архетипы поведения группового изоляционизма по схеме *свои-чужие* провоцируют всё новые и новые социальные конфликты.

Выбор иноцивилизационных ориентиров, пусть и ограничивающийся имплантацией определённых стандартов и механизмов иной цивилизации, при некоторой пользе в сравнении с отсутствием какого-либо продуктивного плана будущего, несёт ещё одну проблему, можно сказать беду для общества, которая состоит в том, что в каждодневную жизнь, в т.ч. институтов социального и государственного управления, включается ценностная ориентация чужой культурно-цивилизационной системы. И это приводит к тому, что общество получает такой аппарат власти, который больше старается и стремится угодить и понравиться иноземцам, у которых копируется ценностная ориентация, нежели своему народу. Как ни прискорбно, но это становится именно проблемой и бедой общества, потому что власть в своём персонифицированном выражении при такой раскладке чувствует себя вполне комфортно. Правда, до определённого момента, пока общество не начинает избавляться от такой власти....

Относительно цивилизационных ориентиров для России в нынешнее время следует отметить, что никакой имплантационной модели европейского или, тем более, китайского образца уже быть не может. И не только по причине исторической исчерпаемости отмеченных моделей, но и вследствие того, что Россия со своим социокультурным пространством сейчас никакую иную, кроме своей, цивилизационную конструкцию не примет [4, с. 234-252]. Но, даже в случае возникновения задержки с принятием цивилизационного проекта органами социального и государственного управления, решение уже перезревшего вопроса о создании учреждения, сдерживающего проявления олигархического правления, должно быть в повестке дня Президента Российской Федерации. В качестве ориентации, но, конечно же, не копирования и воспроизводства, могут служить такие структуры как Опричнина Ивана Грозного, институт гвардейцев, фискальной службы и «майорских» следственных канцелярий Петра Великого и институт большевистских комиссаров в Советской России.

Список литературы

1. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. / А. И. Спиридович. – Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги – 1960, 3 книга – 1962). – Сайт «Милитера» («Военная литература»). – URL : http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html (дата обращения : 14.04.2017)

2. Уложенная грамота об учреждении в России Патриаршества. 1589 г., май // Седьмица. RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». – 11 сентября 2003. - – URL : <http://www.sedmitza.ru/text/443574.html> (дата обращения : 10.04.2017)

3. Филатов А. С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении / А. С. Филатов. – М.: Проспект, 2016. – 352 с.

Статья поступила в редакцию 18.05.2017

Filatov, A. S. *Revolutions Deadlock of a civilization crossroads of Russia*

In article the period of social fermentations in Russia the beginning of the XX century is considered, their reasons are analyzed and characteristics are given to events of 1905-1907 and 1917. The author focuses attention to need to distinguish a social revolt of 1905-1907, a coup of February-March, 1917 and revolution of October, 1917. Noted phenomena of the Russian history are investigated in a context and through a prism of cultural and civilization development and civilization choice of Russia.

Keywords: Russia, sociocultural space, civilization, revolution, social revolt, coup, socio-political reforms

УДК 32.019.5

Формируется эталонная модель социальных характеристик, на основании которых описывается смысл и назначение предпринимательской деятельности. Методология исследования предполагает последовательное построение ранжированных рядов данных относительно выявленных ценностей и корреляционный анализ совпадения (несовпадения) ценностей, который осуществляется на основании вычисления коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена.

Ключевые слова: предпринимательство, сетевая диагностика, система ценностей, корпоративные ценности

П. П. Дерюгин, профессор, д-р социол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

И. А. Баруздин, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

М. В. Сивоконь, аспирант

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
Университет*

С. В. Курапов, аспирант

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет*

СЕТЕВАЯ ДИАГНОСТИКА ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Для современной социологии проблема исследования интегративных процессов в системе ценностей составляет определенный интерес, который раскрывает, говоря словами Т. Парсонса [3], исследование преимущества более «взаимной выгоды и мирной кооперации, чем взаимной враждебности и уничтожения». Только приверженность единым ценностям, – утверждали В. Дильтей, М. Вебер, К. Маркс, П. Сорокин и многие другие классики, – обеспечивает основу порядка в обществе. Единые ценности редко формируются быстро и навечно, скорее, они находятся в состоянии непрерывной эволюции, перманентности и взаимодополняемости, и поэтому их изучение требует диагностики, осуществляемой по-особому. Возможно, самой важной и проблемной точкой изучения интегративных процессов в системе ценностей выступают временные характеристики процесса выработки и утверждения единых ценностей между людьми различных социальных групп, национальностей и этносов, религий и морали.

Еще более сложен процесс интеграции ценностей на крутых поворотах истории. И особенно это актуально там, где концентрируются интересы представителей многочисленных социальных групп, диаспор, семей, отдельных личностей и проч. Поэтому вопросы методологии и методов диагностики интегративных процессов в системе ценностей могут составлять определенный интерес для научного сообщества, педагогов и практиков.

По нашим представлениям, одним из ведущих методологических подходов в осуществлении научного исследования интеграции ценностей выступает сетевой подход к организации их диагностики. Сетевой подход начал складываться с середины 1990-х гг. К настоящему времени сетевой подход – это уже не метафора, а вполне реальная эмпирическая процедура, которая нацеливается на изучение таких феноменов и явлений, которые носят объединяющий характер, т.е. присущи как отдельной личности, так малым и большим социальным группам. Важно, и это подчеркивают многие исследователи, что сетевой подход позволяет изучать структуры от макро- до микроуровней в единой логике и единой диагностической процедуре. Возможно, поэтому выбор ценностей в качестве объекта сетевого анализа видится как перспективное и важное направление. Здесь появляется возможность построения проекции ценностей общества на характеристики отношений отдельных людей, микрогрупп, организаций и проч.

К настоящему моменту в рамках полевых эмпирических исследований ценностей нами сделана попытка изучения разноплановых социальных групп, в частности, школьников и студентов, молодых предпринимателей и сотрудников корпоративных организаций, китайских мигрантов и моряков-подводников, российского казачества и некоторых других. Опыт осуществления сетевого анализа

использован студентами, магистрантами и аспирантами в процессе подготовки и защите ВКР и диссертаций, при проведении целого ряда полевых исследований в различных организациях.

Если говорить об основных элементах сетевого подхода как процедуры социологической диагностики ценностей, то можно выделить несколько моментов, составляющих ее алгоритм [2].

Во-первых, *обобщение данных, характеризующих ценностное содержание деятельности социального объекта*. Речь идет, прежде всего, о социальном, психологическом и нормативно-правовом анализе тех ценностей, на базе которых выстраиваются стратегия и тактика поведения объекта исследования. Так, в построении сети ценностей школьников к числу таковых отнесены три группы данных: 1. Представления школьников о содержании профессиональной деятельности специалистов различных профессий (для этого осуществляется тестовая процедура по выбору профессий); 2. Значимость и важность тех или иных профессий в общественном мнении (для этого анализируются данные социологических исследований, которые позволяют ранжировать профессии по степени престижности); 3. Данные, характеризующие реальный запрос рынка труда на те профессии, которые определены школьниками как значимые.

В процессе построения сетевой модели ценностей предпринимателей анализировались терминальные ценности-цели и инструментальные ценности-средства (Рокич) на основе которых выстраивается предпринимательство. Проводился анализ документов, нормативных и законодательных актов, определяющих предпринимательство в РФ; правовых документов, в которых отражаются требования к деятельности предпринимателей; выступлений и статей, где предприниматели рассказывают о своем опыте работы. Такой анализ дополнялся совокупностью научных сведений и обобщений о предпринимательстве, в частности, о целях, средствах и функциях управления.

Какова основная цель этой работы? В данном случае формируется база данных, которые позволяют сформировать эталонную модель социальных характеристик, на основании которых описывается смысл и назначение предпринимательской деятельности. Важно раскрыть такие характеристики предпринимательства, которые показывают не только историческое назначение и оценку этой деятельности, но и современные требования к ее организации. В случае со школьниками к таким ценностям отнесены престижность профессий по взглядам самих школьников, престижность профессий в общественном сознании россиян, запросы реального рынка труда на такие профессии. В случае с молодыми предпринимателями составлялся ряд требований, как к содержанию предпринимательства, так и к его инструментальной составляющей. Напомним еще раз, что работа по формированию эталонного конструкта, идеальной модели той деятельности, относительно которой планируется осуществление сетевой диагностики, является залогом успешного результата.

Во-вторых, *построение ранжированных рядов данных относительно выявленных ценностей*. Это следующий шаг процедуры формирования сетевой модели ценностей. Он предполагает проведение процедуры тестирования респондентов, т.е. ранжирование ценностей, выявленных по результатам обобщения данных (первый шаг), характеризующих ценностное содержание деятельности. Итогом этой работы будет построение иерархических рядов данных по степени их важности для каждого из участников исследования. Таким образом, будут выражены ценности от самых значимых до наименее важных по взглядам участников тестирования.

Эта процедура может быть выполнена по-другому, путем обычного оценивания каких-либо характеристик.

В-третьих, *корреляционный анализ совпадения (несовпадения) ценностей*. Такой анализ осуществляется на основании вычисления коэффициентов корреляции Пирсона или Спирмена в зависимости от типа процедуры оценивания значений ценностей. Коэффициент корреляции Пирсона целесообразно применять в тех случаях, когда респонденты применяют балльную процедуру оценивания (например, от 1 до 5). Коэффициент корреляции Спирмена целесообразно использовать, если респонденты *ранжируют* ценности по степени привлекательности для них тех или иных ценностей (от 1 до последнего).

На базе полученных результатов формируется матрица корреляционных данных и веса (среднеарифметическое значение) каждого измеряемого параметра. Например, при исследовании ценностей эталонного поведения среди россиян, нами были получены данные, которые представлены в таблице 1. Как видно, данные позволяют судить не только о значимости тех или иных качеств (вес), но и раскрывать силу связанности этих качеств между собой (корреляция).

Таблица 1

Матрица корреляционных данных и весов качеств

Вес качества	Корпоративные ценности	Прагматизм	Расчетливость	Властность	Преуспевание	Целеустремленность	Лидерство
3,68	Прагматизм						
3,90	Расчетливость	0,46					
3,20	Властность	0,30	0,24				
4,22	Преуспевание	0,33	0,08	0,36			
4,36	Целеустремленность	0,38	0,16	0,27	0,57		
3,92	Лидерство	0,30	0,34	0,53	0,54	0,47	

В-четвертых, *визуализация данных*. На основании полученных результатов выстраиваются сети ценностных отношений, складывающихся между респондентами. В самом общем виде эта процедура очень похожа на построение социограммы. Перечислим последовательные шаги, позволяющие графически построить ценностную сеть.

а) расположение полученных данных по значению их весов. Следует обратить внимание на тот факт, что качества располагаются на рисунке только в зависимости от одной величины, их веса;

в) конкретное место измеренного качества на рисунке определяется из интересов наглядности рисунка (рис. 1);

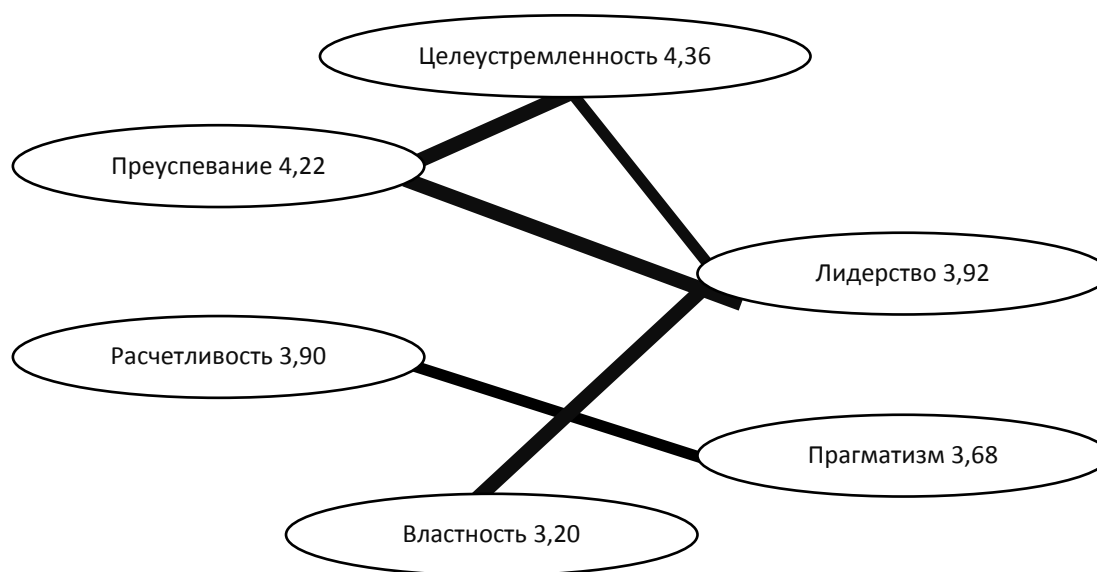

Рис. 1. Сеть ценностей в корпорации (фрагмент)

с) толщина линии на рисунке отражает степень корреляции, чем выше коэффициент корреляции, тем толще линия на рисунке. Иногда силу связей подписывают как числовые значения корреляции.

Считается, что связь между измеряемыми величинами может определяться как устойчивая и значимая, если она составляет $+0,5$ и более.

В-четвертых, *проведение анализа полученных сетей*. Это творческая и непростая работа, которая предполагает выявление самых прочных связей между измеряемыми ценностями, определение узлов и цепочек связей, их классификацию и пр.

На основании сформированной сети ценностей, фрагмент которой был представлен на рис. 1 и общий результат показан на рис. 2 (опрос 2054 чел., 2017 г.), осуществляется анализ, который позволяет сделать ряд важных выводов о том, что думают респонденты о ценностях, которые могут быть признаны в качестве эталонов-ориентиров их саморазвития (Ответ на вопрос: «На каких людей из своего окружения вы хотели бы быть похожими?» Качества оцениваются баллами от 1 до 5). Такая

же процедура впоследствии проводилась с сотрудниками корпоративных организаций, что позволило сформировать ценностные сети людей различных социальных групп и различного социального положения.

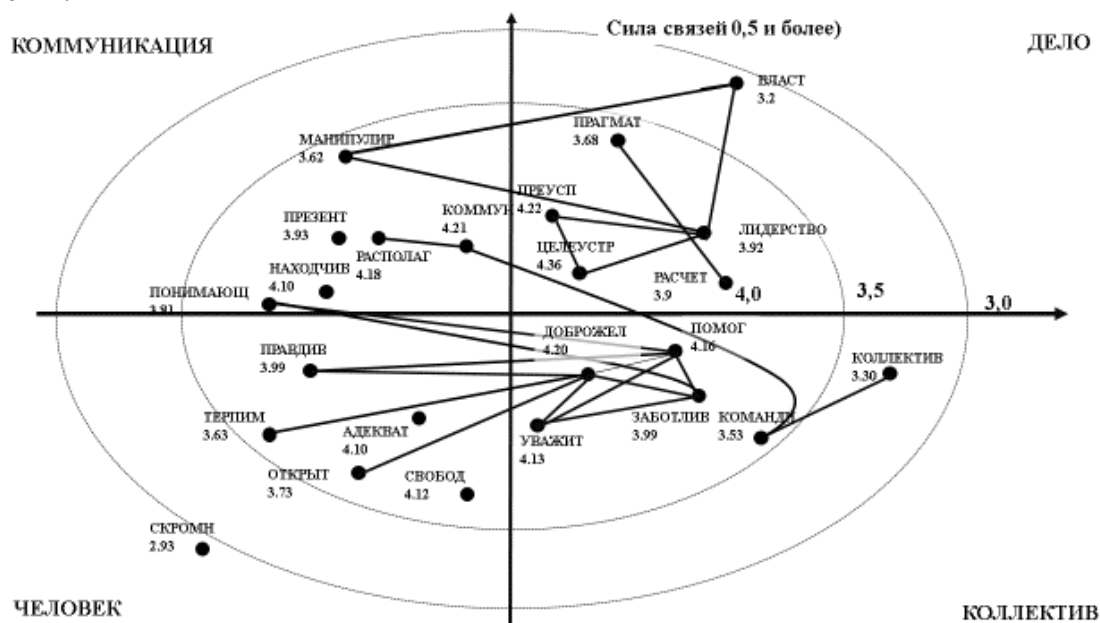

Рис. 2. Представления россиян о качествах-ценностях

На рис. 2 показаны четыре группы ценностей (всего 24 качества), как ведущие характеристики, на которые ориентируются респонденты. Эти 24 качества разделены на 4 подгруппы: «Деловые», «Коммуникационные», «Человеческие», «Коллективистские». По результатам анализа графического материала можно говорить о наличии четырех подсетей, отражающих типовые характеристики ориентаций россиян на эталоны поведения.

Подсеть 1, тип «Лидирующий» (5 качеств, 6 связей). Эта подсеть включает такие ценности, как *целеустремленность*, *преуспевание*, *лидерство*, *манипулирование* и *властность*. Такие ценности разделяют люди с активным типом поведения, готовые к конкурентной борьбе, разделяющие рыночные стратегии жизни. Лидерство как стратегия поведения связана сетью не только с подгруппой «Деловые» качества, но и с подгруппой «Коммуникация». В то же время качества-ценности подгрупп «Коллектив» и «Человек» эта подсеть не затрагивает. Центральное место (вершину) в этой подсети занимает качество *лидерство*, у которого есть связи с такими качествами, как *властность*, *коммуникабельность*, *преуспевание* и *целеустремленность*. Таким образом, ориентация на лидерство выступает основанием этой стратегии поведения.

Подсеть 2, тип «Экономический» (2 качества, 1 связь). Ведущими качествами-ориентирами таких людей выступают *расчетливость* и *прагматичность*. При этом расчетливость оказывается наиболее важным качеством-ориентиром. Экономические ценности людей, как показывает сетевой анализ, были наименее связанными с другими ценностями, с подгруппами «Коллектив», «Коммуникация», «Человек». Дальнейший анализ сетевых ценностей россиян, проведенный нами в рамках корпораций, напротив, подтвердил, что здесь в качестве эталонов поведения выступают экономические ценности.

Подсеть 3, тип «Коммуникатор» (4 качества, 3 связи). Комбинация ценностей, состоящая из четырех качеств: *коммуникабельность*, *презентабельность*, *коллективизм* и *командная работа*. Эта подсеть охватывает качества двух подгрупп: «Коллектив» и «Коммуникация», по два качества из каждой подгруппы. Наиболее весомым качеством в этой сети выступает качество *коммуникабельность*, все другие качества сети уступают по весу большинству других качеств, что характеризует настоящую подсеть по весу ценностей как менее значимой, чем сеть «Деловых» ценностей.

Подсеть 4, тип «Общинный» (самая разветвленная подсеть – 11 связей, 8 качеств) Эта подсеть складывается из качеств трех секторов ценностей «Коллектив», «Коммуникация», «Человек», все показанные ранее подсети складывались только в 1 или 2 секторах. Эта подсеть включает такие качества, как *доброжелательность*, *оказание помощи*, *уважительное отношение к людям*, *заботливость*, *понимание других людей*, *открытость* и *терпимость*. При этом главенствующее положение в этой подсети занимает квадрат сетевых связей, состоящий из ведущего качества *доброжелательность*, которое связано с качествами *уважительного отношения к людям*, *способности помочь другому человеку*, *заботливости*. Следует обратить внимание на тот факт, что суммарный вес этих четырех качеств оказывается наиболее значимым для всей сети. Настоящая

подсеть связана с секторами «Человек» и «Коммуникация» и не связана с сектором «Дело». Этот факт свидетельствует о том, что на ценностном уровне россияне понимают экономические ценности как оторванные от «человеческих» и «коллективистских» ценностей, т.е. они не связаны между собой.

Обращает на себя внимание тот факт, что в секторе «Человек» сетевые связи не сложились совсем. Наименее значимой ценностью в этом секторе оказалось качество *скромность* (вес 2,92 балла). Ценность качества *скромность* значительно ниже таких деловых характеристик как *целеустремленность*, *прагматизм* или *расчетливость*. Более того, вне сетевых связей оказались другие важные качества *презентабельность*, а также качества *гибкость*, *ловкость*, *находчивость*, человеческие качества *адекватность*, *свободолюбие*. Это тем более важно подчеркнуть, поскольку качество *свободолюбие* как ценность личности состоит с другими качествами преимущественно в отрицательных связях, т.е. это следует понимать так: если человек воспринимается как свободолюбивый, то это практически всегда находится в противоречии со многими другими его характеристиками. Отмеченный факт мы рассматриваем как гипотезу для последующих исследований.

Как было показано ранее, сетевая диагностика интегративных процессов выстраивается на методологических идеях «понимающей» социологии М. Вебера. Он рассматривал ценности как установки той или иной исторической эпохи, связанные социальными обстоятельствами, в которых они формируются. По взглядам Вебера ценности обусловлены социально-исторически, т.е. они формируют основания общественного сознания, являясь «концентрированным смыслом культуры». Согласно его мнению, все социальные явления складываются как результат социальных действий. Понять социальную сущность происходящего – «значит проследить человеческие действия до самых корней, а это, в свою очередь, означает, что объяснить (понять) можно лишь тогда, когда будет выделен (установлен) смысл, психологические мотивы действий, равно как и культурные ценности, нормы и правила, придающие человеческим действиям определенную форму» [1, с. 295]. Таким образом, ценностные сети отражают реальное взаимодействие всей совокупности действующих социально-исторических факторов, складываясь в ценности-качества людей.

Таким образом, диагностика интегративных процессов в системе ценностей позволяет выявлять основные тренды и закономерности этого социального процесса. Основными группами ценностей, на которые ориентированы россияне, по-прежнему остаются ценности общинного порядка. Общинные представления о качествах личности продолжают быть главными ориентирами в выборе стратегий саморазвития. Такие выборы, как показал дополнительный анализ, плохо сочетаются с качествами, которые востребованы для работы в многочисленных российских корпорациях.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. - М., 1990. - 804 с.
2. Дерюгин П. П. Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода / П. П. Дерюгин, А. С. Шиляева, М. В. Сивоконь, С. В. Рассказов // Дискурс. - 2016. - № 3. - С. 99-110.
3. Социология Толкотта Парсонса. Этапы развития социологии : сайт. – URL : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.grandars.ru%2Fcollege%2Fsociologiya%2Fsociologiya-parsonsa.html&tld=ru&lang=ru&la=> (дата обращения : 15.04.2017)

Статья поступила в редакцию 30.05.2017

Derugin, P. P., Network diagnostics of integration processes in the system of values

A standard model of social characteristics is formed, on the basis of which the meaning and purpose of entrepreneurial activity is described. The research methodology assumes a consistent construction of ranked data series with respect to identified values and a correlation analysis of the coincidence (disparity) of values, which is performed on the basis of the calculation of the Pearson and Spearman correlation coefficients.

Keywords: entrepreneurship, network diagnostics, value system, corporate values

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 6-7
2017

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 01.12.2017. Формат 60×84/8. Заказ № 86/17.
Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 12,28. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7